

3
1964

Искажатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ  СВЕТА

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ





Искажель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ  СВЕТА

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ :

Артур КЛАРК. Лето на Икаре . . .	2
Эрик Фрэнк РАССЕЛ. Ночной мятеж .	12
Александр НАСИБОВ. Безумцы . . .	30
В. ЧЕРНИКОВА. Часовые наших полей	87
Владимир МИХАЙЛОВ. Спутник «Шаг вперед»	99
Анатолий ДНЕПРОВ. Следы на паркете	143
Из блокнота «Искажеля»	148
Вадим ОХОТНИКОВ. Шорохи под землей	150

№ **3** (21)

1964
ЧЕТВЕРТЫЙ
ГОД
ИЗДАНИЯ

ЛЕТО НА ИКАРЕ

Научно-фантастический рассказ

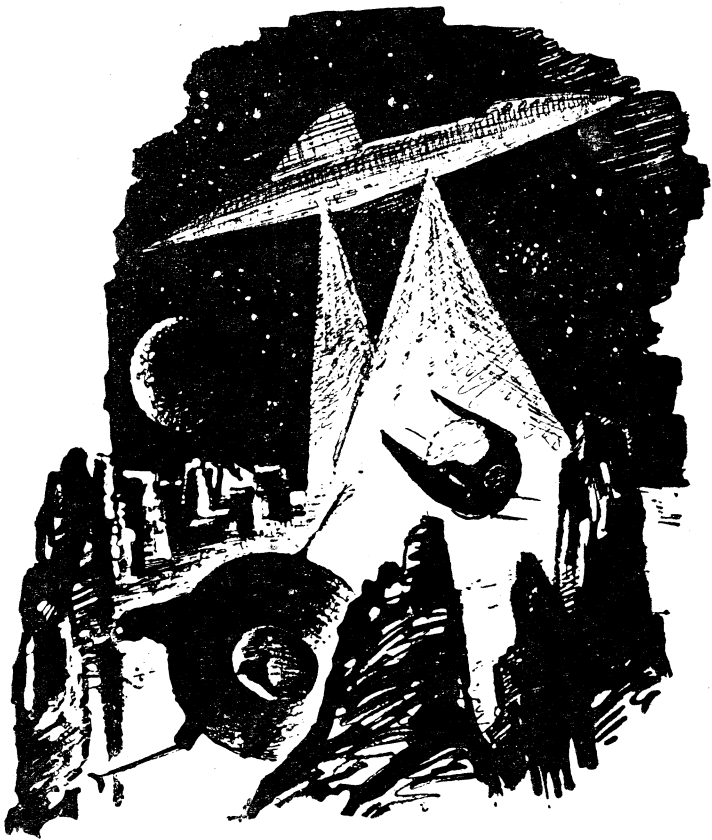
Рисунок В. НЕМУХИНА

Очнувшись, Колин Шеррард долго не мог сообразить, где находится. Он лежал в капсуле на круглой вершине холма, склоны которого запеклись темной коркой, точно их опалило жаркое пламя; вверху простерлось аспидно-черное небо со множеством звезд, и одна из них, над самым горизонтом, напоминала крохотное яркое солнце.

Солнце?! Неужели оно так далеко от Земли? Не может быть! Память подсказывала ему, что Солнце близко, угрожающе близко, оно никак не могло обратиться в маленькую звезду. Вдруг в голове у него прояснилось. Шеррард знал, где находится, знал совершенно точно, и мысль об этом была столь ужасна, что он едва опять не потерял сознание.

Никто из людей не бывал еще так близко к Солнцу.

Поврежденный космонавт лежал не на холме, а на сильно



искривленной поверхности маленького — всего две мили в поперечнике — космического тела. И быстро опускающаяся к горизонту на западе яркая звезда — это огни «Прометей», корабля, который доставил Шеррарда сюда, за миллионы миль от Земли. Товарищи, конечно, уже недоумевают, почему не вернулся его космонавт — замешкавшийся почтовый голубь. Пройдет немного минут, и «Прометей» исчезнет из поля зрения, уйдет за горизонт, играя в прятки с Солнцем.

Коллин Шеррард проиграл эту игру.

Правда, он пока на ночной стороне астероида, укрыт в его прохладной тени, но быстротечная ночь на исходе. Четырехчасовой икарыйский день надвигается стремительно и неотвратимо, близок грозный восход, когда яркий солнечный свет — в тридцать раз ярче, чем на Земле, — выплеснет

на эти камни жгучее пламя. Шеррард великолепно знал, почему все кругом опалено до черноты. Хотя Икар достигнет перигелия только через неделю, уже теперь полуденная температура на его поверхности близка к тысяче градусов по Фаренгейту.

Как ни мало подходил момент для юмора, ему вдруг вспомнилось, что капитан Маклеллан сказал об Икаре: «Самый горячий участок неживимости во всей солнечной системе».

Несколько дней назад они воочию убедились, сколь справедлива эта шутка, — достаточно было сделать один из тех простейших ненаучных опытов, которые действуют на воображение куда сильнее, чем десятки графиков и кривых.

Незадолго до восхода один из космонавтов отнес на бугорок деревянную чурку. Стоя в укрытии на ночной стороне, Шеррард видел, как первые лучи Солнца коснулись бугорка. Когда его глаза оправились от внезапного взрыва света, он разглядел, что чурка уже чернеет обугливаясь. Будь здесь своя атмосфера, дерево тотчас вспыхнуло бы ярким пламенем.

Вот что такое восход на Икаре...

Правда, пять недель назад, когда они пересекли орбиту Венеры и впервые высадились на астероид, было далеко не так жарко. «Прометей» подошел к Икару в момент наибольшего удаления астероида от Солнца. Космический корабль приоровил свой ход к скорости маленького мирка и лег на его поверхность легко, как снежинка. (Снежинка на Икаре!.. Придет же на ум такое сравнение!) Тотчас на шестнадцати квадратных милях колючего никелевого железа, покрывающего большую часть астероида, рассыпались ученые, расставляя приборы, разбивая триангуляционную сеть, собирая образцы, делая множество наблюдений.

Все было задумано и тщательно расписано много лет назад, когда еще только готовились к Международному астрофизическому десятилетию. Икар предоставлял исследователям кораблю неповторимую возможность: под прикрытием железно-каменного щита двухмилльной толщины подойти к Солнцу на расстояние всего семнадцати миллионов миль. Защищенный Икаром, корабль мог без опаски облететь вокруг могучей топки, которая всем планетам несет тепло и сделала возможной жизнь.

Подобно легендарному Прометею, добывшему для человечества огонь, космолет, названный его именем, доставит на Землю новые знания о поразительных тайнах небес.

Члены экспедиции успели установить все приборы и провести заданные исследования, прежде чем «Прометею» пришлось взлететь, чтобы отступить вместе с ночной тенью. Да и после этого оставалось в запасе еще около часа, во время которого человек в космокаре — миниатюрном, длиной всего десять футов, космическом корабле — мог продолжать работу на ночной стороне, пока не подкралась полоса восхода. Казалось бы, в мире, где рассвет приближается со скоростью

всего одной мили в час, ничего не стоит вовремя улизнуть! Но Шеррард не сумел этого сделать, и теперь его ожидала кара: смерть.

Он и сейчас не совсем понимал, как это произошло.

Колин Шеррард налаживал передатчик сейсмографа на станции-145, которую они между собой называли «Эверестом»: она на целых девяносто футов возвышалась над поверхностью Икара! Работа пустяковая. Правда, выполнять ее приходилось с помощью выдвигающихся из корпуса космокара механических рук, но Шеррард уже наловчился; металлческими пальцами он завязывал узлы уже почти так же сноровисто, как собственными. Двадцать минут — и радиосейсмограф опять заработал, сообщая в эфир о толчках и трясениях, число которых стремительно росло по мере того, как Икар приближался к Солнцу.

Теперь на лентах записана и «его» кривая, да много ли ему от этого радости...

Убедившись, что передатчик действует, Шеррард расставил вокруг прибора солнечные отражатели. Трудно поверить, что два хрупких, не толще бумаги, листа металлической фольги могли преградить путь потоку лучей, способному в несколько секунд расплавить олово или свинец! И, однако, первый экран отражал более девяноста процентов падающего на его поверхность света, а второй — почти все остальное; вместе они пропускали совершенно безобидное количество тепла.

Шеррард доложил на корабль о выполнении задания, получил «добро» и приготовился возвращаться на борт. Мощные прожекторы «Прометей» — без них на ночной стороне астероида вряд ли удалось бы что-либо разглядеть — были безошибочным ориентиром. Всего две мили отделяли его от корабля. И будь Шеррард облачен в планетный скафандр с гибкими сочленениями, он, учитывая почти полную невесомость, мог бы просто допрыгнуть до «Прометей». Ничего, маленькие ракетные двигатели космокара за пять минут доставят его на борт...

С помощью гирокомпаса он направил космокар на цель, затем включил вторую скорость и нажал стартер. Последовал сильный взрыв под ногами, и Шеррард взлетел, удаляясь от Икара... и от корабля! «Неисправность!» — подумал он, холодея от ужаса. Его прижало к стенке, он никак не мог дотянуться до щита управления. Работал только один мотор, поэтому астронавт летел кубырьком, вращаясь все быстрее. Шеррард лихорадочно искал кнопку «стопа», но вращение сбilo его с толку. И когда он дотянулся до ручек, его первая реакция только усугубила положение: он включил скорость подобно тому, как нервный шофер горяча вместо тормоза нажимает акселератор. Всего секунда ушла на то, чтобы исправить ошибку и заглушить мотор, но звезды стали в его глазах светящимися колесами...

Все произошло так быстро, что Колин Шеррард не успел вызвать корабль и сообщить о катастрофе. В конце концов, опасаясь, как бы не натворить еще худших бед, он оставил

ручки в покое. Чтобы выйти из штопора, требовалось не меньше двух-трех минут осторожного маневрирования; у него, судя по мельканию приближающихся камней, оставались считанные секунды.

Шеррард вспомнил совет, запечатленный на обложке «Наставления астронавту»: «Если не знаешь, что делать, — не делай ничего». Он честно продолжал следовать этому совету, когда Икар обрушился на него и звезды померкли...

...Просто чудо, что корпус кара цел и он не дышит космосом. (Сейчас он радуется, а что будет через полчаса, когда сдаст теплоизоляция?) Конечно, совсем без поломок не обошлось, сорваны оба зеркала заднего обзора, которые были укреплены на защищающем его голову прозрачном шаре, придется повертеть шеей, но это пустяки, — гораздо хуже то, что одновременно покалечило антенны. Он не может вызвать корабль, и корабль не может вызвать его. Из динамика доносился лишь слабый треск, скорее всего от каких-нибудь неполадок в самом приемнике. Колин Шеррард был отрезан от людей.

Положение отчаянное. Но не безнадежное, он не совсем беспомощен. Хотя двигатели подкачали (видимо, в правой пусковой камере, вопреки заверениям конструкторов, что это совершенно исключено, изменилась направленность взрыва и забило форсунки), он может двигаться: у него есть «руки». Вот только куда ползти? Шеррард потерял всякую ориентировку. Взлетел он с «Эвереста», но далеко ли его отбросило — на сто футов, на тысячу? Ни одного знакомого ориентира в этом крохотном мире, только удаляющаяся звездочка «Прометей» может его выручить. Теперь лишь бы не потерять из виду корабль.. Его хватятся через несколько минут, если уже не хватились. Конечно, без помощи радио товарищам, пожалуй, придется искать долго. Как ни мал Икар, эти шестнадцать квадратных миль изборожденной трещинами ничьей земли — надежный тайник для цилиндра длиной десять футов. На поиски может уйти и полчаса и час: все это время он должен следить за тем, чтобы его не настиг убийца восход.

Шеррард вложил пальцы в полые рычаги, управляющие механическими конечностями. Тотчас снаружи, в суровой среде космоса, ожили его искусственные «руки». Вот опустились, уперлись в железную кору астероида, приподняли космокар... Шеррард согнул «руки», и капсула, словно причудливое двуногое насекомое, поползла вперед. Правой, левой, правой, левой...

Это оказалось проще, чем он ожидал. И Шеррард ощутил, как к нему возвращается уверенность. Конечно, механические «руки» созданы для тонкой работы, не требующей большого напряжения, но в невесомости достаточно малейшего усилия, чтобы сдвинуть с места капсулу. Тяготение Икара составляло одну десятитысячную земного: вместе с космокаром Шеррард весил здесь около унции. Придя в движение, он дальше буквально парил, легко и быстро, будто во сне.

Однако легкость эта таила в себе угрозу... Шеррард уже покрыл несколько сот ярдов, заметно настигая светящееся пятно «Прометей», когда успех ударил ему в голову. Как скоро сознание переходит от одной крайности к другой! Давно ли он думал, как достойнее встретить смерть, а теперь ему уже не терпелось вернуться на корабль к обеду.

Впрочем, возможно, беда случилась из-за полной непривычности такого способа передвижения, совершенно непохожего на все, что ему когда-либо доводилось испытывать. Может быть, он к тому же не совсем оправился после крушения. В самом деле, подобно всем астронавтам, Шеррард, натренированный управлять своими движениями в космосе, привык жить и работать в условиях, когда земные понятия о «верхе» и «ниже» теряют смысл. В таком мире, как Икар, надо внушить себе, что под ногами у тебя самая стоящая планета, ты двигаешься над горизонтальной плоскостью. Стоит развеяться этому невинному самообману, и ты окажешься во власти космического головокружения.

И вот внезапный приступ. Вдруг исчезло чувство, что Икар внизу, а звезды — вверху. Вселенная повернулась на девяносто градусов; Шеррард, словно альпинист, карабкался вверх по отвесной скале. И хотя разум говорил ему, что это чистейшая иллюзия, чувства решительно спорили с рассудком. Сейчас тяготение сорвет его со скалы, и он будет падать, падать, мило за милей, пока не разобьется вдребезги!..

Но мнимая вертикаль качнулась, будто компасная стрелка, потерявшая полюс, — и вот уже над ним каменный свод. Он словно муха на потолке. Миг — потолок опять стал стеной, но теперь астронавт неудержимо скользил по ней вниз, в пропасть...

Шеррард совершенно утратил контроль над космокаром: обильный пот на лбу свидетельствовал, что он вот-вот утратит контроль и над самим собой. Оставалось последнее средство. Плотнo зажмурив глаза, он сжался в комок и стал внушать себе, что снаружи ничего нет, ничего!.. Он настолько сосредоточился на этой мысли, что до его сознания не сразу дошел негромкий стук, вызванный новым столкновением.

Когда Колин Шеррард, наконец, решился открыть глаза, он обнаружил, что космокар уткнулся в каменный горб. Механические руки смягчили толчок — но какой ценой!.. Хотя капсула здесь была фактически невесомой, пятьсот фунтов массы, двигаясь со скоростью около четырех миль в час, развили инерцию, которая оказалась чрезмерной для хрупких конечностей. Одна из них совсем сломалась, вторая безнадежно погнулась.

На мгновение чувство жалости заглушило отчаяние. Он так настроился на успех, когда космокар заскользил над безжизненной поверхностью Икара! А в итоге — полный крах из-за секундной физической слабости. Космос не делает человеку никаких скидок. Кто об этом забывает, тому лучше сидеть дома.

Что ж, догоняя корабль, он выиграл у восхода драгоценное время — минут десять, если не больше. Десять минут... Что они ему принесут: продление мучительной агонии или спасительную отсрочку, которая позволит найти его?

Скоро он узнает ответ.

Кстати, где они? Наверное, розыски уже начались! Шеррард устремил пристальный взгляд на сверкающую звезду корабля, надеясь увидеть на фоне медленно вращающегося небосвода огоньки спешащих ему на выручку космонавтов.

Увы, никого...

Значит, надо взвесить свои собственные скромные возможности. Через несколько минут «Прометей» уйдет за край астероида, исчезнут прожекторы, воцарится полный мрак. Ненадолго... Но, может быть, он еще успеет найти укрытие, которое защитит его от наступающего дня? Вот эта глыба, на которую он налетел, не годится?

Что ж, в ее тени и впрямь можно отсидеться до полудня. А там?.. Если солнце пройдет как раз над Шеррардом, его ничто не спасет. Но ведь может оказаться, что он находится на такой широте, где Солнце в это время икарийского года, длящегося четыреста девять дней, не поднимается высоко над горизонтом. Тогда есть надежда выдержать несколько дневных часов. Больше надеяться не на что — конечно, если товарищи не разыщут его до рассвета.

Ушел за край света «Прометей», и тотчас сильнее засверкали звезды. Но всего ярче, такая прекрасная, что при одном взгляде на нее сжималось горло, сияла Земля; вот и Луна рядом. На первой Шеррард родился, на вторую ступал не раз, — доведется ли ему когда-либо еще побывать на них?..

Странно, до этой секунды ему не приходила в голову мысль о жене и детях, обо всем том, чем он дорожил в такой далекой теперь земной жизни. Даже как-то стыдно. Впрочем, чувство вины тотчас прошло. Ведь несмотря на сто миллионов космических миль, разделивших его и семью, узы любви не ослабли — просто они в этот миг играли второстепенную роль. Он превратился в примитивное существо, всецело поглощенное битвой за свою жизнь. Мозг был его единственным оружием в этом поединке, сердце могло только помешать, затемнить рассудок, подорвать решимость.

То, что Шеррард увидел в следующей миг, окончательно вытеснило все мысли о далеком доме. Над горизонтом позади него, словно обволакивая звезды молочным туманом, всплыл конус прозрачного света — глашатай Солнца, его прекрасная жемчужная корона, видимая на Земле лишь во время полных солнечных затмений. Появление короны означало, что совсем близка минута, когда Солнце поразит своим гневом этот маленький мир.

Шеррард не замедлил воспользоваться предупреждением. Теперь он мог довольно точно определить, в какой точке появятся Солнце; и астронавт медленно, неуклюже перебирал обломками металлических «рук», отполз туда, где глы-

ба сулила ему лучшую тень. Едва маневр был завершен, как Солнце зверем набросилось на скалу — все вокруг словно взорвалось светом.

Шеррард поспешил перекрыть смотровое окошко темными фильтрами в несколько слоев, чтобы защитить глаза. За пределами широкой тени, отбрасываемой глыбой на поверхность астероида, будто разверзлась раскаленная топка. Беспощадное сияние высветило все детали пустынного ландшафта. Никаких полутонов — слепящая белизна и кромешный мрак. Ямы и трещины напоминали чернильные лужи, а выступы точно обьяло пламя, хотя с начала восхода прошла всего одна минута.

Не удивительно, что палящий зной миллиарды раз повторявшегося лета выжег из скал весь газ до последнего пузырька, превратив Икар в космическую головешку. «Что заставляет человека, — горько спросил себя Шеррард, — ценой таких затрат и риска пересекать межзвездные лучины ради того, чтобы попасть на вращающуюся гору шлака?» Он знал ответ, то самое, что некогда побуждало людей пробиваться к полюсам, штурмовать Эверест, проникать в самые глухие уголки Земли. Трудные испытания мобилизовали тело, смелые открытия радовали душу. Эх, много ли радости в этом сознании теперь, когда он вот-вот будет, точно окорок, поджарен на вращающемся вертеле Икара!..

Лицо ощутило первое дыхание зноя. Глыба, подле которой лежал Колин Шеррард, заслоняла его от прямых солнечных лучей, но прозрачный пластик над головой пропускал тепло, отражаемое скалами. Чем выше Солнце, тем сильнее будет жар... И выходит, у него в запасе меньше времени, чем он думал.

Тупое отчаяние вытеснило страх; Шеррард решил, если хватит сил, держаться, когда солнечный свет падет на него. Как только термоизоляция космонавта сдаст в неравном поединке, пробить отверстие в корпусе, выпустить воздух в межзвездный вакуум.

А пока можно еще поразмышлять несколько минут, прежде чем тень от глыбы растает под натиском света. Астронавт не стал насиловать мысли, пусть текут по своей прихоти. Странно, он сейчас умрет лишь потому, что в сороковых годах, задолго до его рождения, кто-то из сотрудников Паломарской обсерватории высмотрел на фотопластинке пятнышко света; открыл и метко назвал астероид именем юноши, который взлетел слишком близко к Солнцу...

Быть может, вот тут, на вздувшейся волдырями равнине, когда-нибудь воздвигнут памятник. Интересно, что они напишут? «Здесь погиб во имя науки инженер-астронавт Колин Шеррард». Это про него-то, который не понимал и половины того, над чем корпели ученые? А впрочем, они его заразили своей страстью. Шеррард вспомнил случай, когда геологи, счистив обугленную корку астероида, обнажили и отполировали металлическую поверхность. И глазам их предстал странный узор, линии и черточки, напоминающие абстрактную живопись декадентов, сменивших Пикассо. Но

это были осмысленные линии: они запечатлели историю Икара, и геологи сумели ее прочесть. От ученых Шеррард узнал, что железокристаллическая глыба астероида не всегда одиноко парила в космосе. Некогда, в очень далеком прошлом, она испытала чудовищное давление, а это могло означать лишь одно: миллиарды лет назад Икар был частью огромного космического тела, быть может, планеты, подобной Земле. Почему-то планета взорвалась; Икар и тысячи других астероидов — осколки этого космического взрыва.

Даже сейчас, когда к нему подползала раскаленная полоса, Шеррард с волнением думал о том, что лежит на ядре погибшего мира, в котором, возможно, существовала органическая жизнь.

Шлем затуманился. Ясно: охлаждение сдает. А честно послужило — даже сейчас, когда камни в нескольких метрах от него накалены докрасна, температура внутри капсулы вполне терпима. Конец охлаждающей установки будет и его концом.

Шеррард протянул руку к красному рычагу, который должен был лишить Солнце добычи. Но прежде чем нажать рычаг, хотелось в последний раз посмотреть на Землю. Он осторожно отрегулировал фильтры так, чтобы они, по-прежнему защищая глаза от слепящих скал, не мешали глядеть на небо.

Звезды заметно поблекли, бессильные состязаться с сиянием короны. А как раз над глыбой — его ненадежным щитом — вздымался язык алого пламени, грозно указующий перст самого Солнца.

Последние секунды на исходе...

Вон Земля, вон Луна... Прощайте!.. Прощайте, друзья и близкие!..

Солнечные лучи лизнули край космокара, и первое прикосновение огня заставило Шеррарда произвольно поджать ноги. Нелепое и бесцельное движение.

Но что это? В небе над ним, затмевая звезды, вспыхнул яркий свет. На огромной высоте парило, отражая солнечные лучи, исполинское зеркало. Взор, этого не может быть! Галлюцинация, только и всего. Пора кончать. Пот катился с него градом. Через несколько секунд космокар превратится в печь, больше ждать невозможно.

Напрягая последние силы, Шеррард нажал рычаг аварийного люка, готовый встретить смерть.

Рычаг не поддался. Астронавт снова и снова нажимал рукоятку, но ее безнадежно заело. А он-то надеялся на легкую смерть, мгновенный милосердный конец...

Вдруг, осознав весь ужас своего положения, Колин Шеррард потерял власть над собой и закричал, словно зверь в западне.

Услышав обращенный к нему тихий, но вполне отчетливый голос капитана Маклеллана, Шеррард сразу понял, что это новая галлюцинация. Все-таки чувство дисциплины и остатки самообладания заставили его взять себя в руки; стиснув зубы, астронавт слушал знакомый строгий голос:

— Шеррард! Держитесь! Мы вас запеленговали. Только продолжайте кричать!

— Слышу! — завопил он. — Поторопитесь! Я горю...

Рассудок еще не совсем покинул его, и он понял, что произошло. Пеньки обломанных антенн излучали в эфир слабенький сигнал, и спасатели услышали его крик. А раз он слышит их — значит, они совсем близко!

Восприняв духом, Колин Шеррард напряг зрение, силясь сквозь туманный пластик разглядеть странное зеркало в небесах. Вот оно! И тут он смекнул, что обманчивость перспективы в космосе сбила его с толку. Зеркало не было исполтинским и не парило на огромной высоте. Оно висело как раз над ним, быстро снижаясь.

Он еще продолжал кричать, когда зеркало заслонило собой лик восходящего Солнца и накрыло его благословенной тенью.словно прохладный ветер из самого сердца зимы, пролетев многие километры над снегом и льдом, дожднул на него. Вблизи Шеррард сразу определил, что роль зеркала играл большой термоэкран из металлической фольги, поспешно снятый с какого-нибудь прибора. Тень от экрана позволила товарищам искать его, не опасаясь смертоносных лучей.

Держа одной парой «рук» экран, над глыбой парил двухместный космокар; две «руки» протянулись за Шеррардом. И хотя зной еще туманил голову, астронавт различил обращенное вниз встревоженное лицо капитана Маклеллана.

Так Колин Шеррард узнал, что значит родиться на свет. Конечно, ведь он все равно что заново родился! Предельно измученный, он не ощущал благодарности — это чувство придет потом, — но, отрываясь от раскаленного ложа, астронавт отыскал глазами яркий кружок Земли.

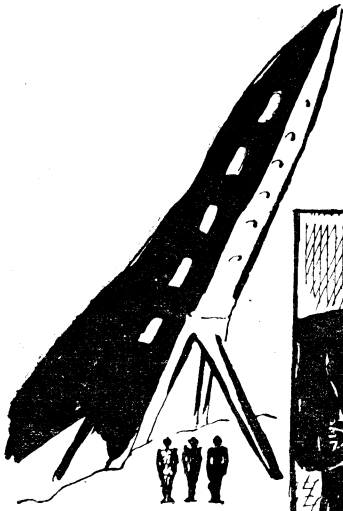
— Я здесь, — тихо произнес он. — Я возвращаюсь!

Он возвращался, заранее предвкушая, как будет радоваться всем прелестям мира, который считал утраченным навсегда. Впрочем, нет, не всем.

Он никогда больше не сможет радоваться лету...

Перевод с английского Л. ЖДАНОВА

ЭРИК ФРЭНК РАССЕЛ



Ночной

МЯТЕЖ

Научно-фантастический рассказ

Командующий Круин спустился по выдвигающему металлическому трапу и, немного помедлив на нижней ступеньке, важно поставил сначала одну, а затем и другую ногу на землю неизвестной планеты: первый из ему подобных в этом неведомом мире.

Он стоял, ярко освещенный солнцем, огромный человек, облаченный в одежду, каждая мелочь которой была заранее продумана для столь важного события. На безупречно сшитом сине-зеленом, без единого пятнышка кителе сверкали и переливались драгоценные камни орденов.



Рисунок В. ЧЕРНЕЦОВА

В тени под козырьком богато разукрашенного шлема светились самодовольством суровые глаза.

Из люка над его головой, покачиваясь, спускался микрофон. Взяв его в громадную левую руку, Круин бросил вперед холодно-пристальный взгляд, в котором угадывались огромный опыт и прозорливость. И в самом деле, этот момент был не менее фантастичен, чем другие моменты в истории планеты, с которой он прибыл.

«Именем Гульды и ее народа я занимаю эту планету». И он отдал честь быстро и четко, как автомат.

Из носовых отверстий стоящих перед ним двадцати двух длинных черных космических кораблей одновременно показались триумфальные красно-черно-золотые знамена Гульды. Семьдесят человек в каждом из двадцати двух кораблей вытянулись в струнку, отсалютовали и стройно запели: «О Гульда, отчизна небесная!»

Когда пение кончилось, командующий Круин снова отсалютовал. Члены команд вторили ему. Круин поднялся по лестнице на флагманский корабль. Закрыты все замки. В боевом строю, безукоризненно прямой колонной, через равные интервалы двадцать два корабля-захватчика двинулись вдоль по долине.

Восточнее, на небольшом холме в миле от колонны что-то горело, и стоял столб густого дыма. Огонь яростно полыхал среди обломков того, что недавно было двадцать третьим космическим кораблем. Это была восьмая по счету потеря с тех пор, как три года назад армада отправилась в полет. Сначала их было тридцать. Осталось двадцать два.

Такова цена империи.

Вернувшись в свою кабину, командующий Круин грузно опустился в кресло за столом, снял тяжелый шлем и поправил ордена.

— Четвертый этап, — сказал он с удовлетворением.

Помощник командующего Джужик с уважением склонил голову. Он подал Круину какую-то книгу. Открыв ее, Круин стал рассуждать вслух:

— Первый этап: «Проверить, пригодна ли данная планета для нашей формы жизни». — Он несколько раз провел рукой по своим широким скулам. — Мы знаем, что она пригодна.

— Так точно, сэр. Это ваша великая победа.

— Благодарю вас, Джужик. — На одной стороне широкого лица Круина появилась и исчезла кривая улыбка. — Второй этап: «Оставаться за пределами видимости с планеты на расстоянии не менее чем один диаметр планеты до получения сведений от машин-разведчиков о наличии форм высшей жизни». Третий этап: «Выбрать место для посадки вдали от наибольших очагов возможного сопротивления, но вблизи от источника сопротивления, достаточно малого для овладения им». Четвертый этап: «Торжественно провозгласить планету владением Гульды согласно Наставлению по порядку действия и дисциплине». — Он снова потер свои скулы. — Мы все это выполнили.

Круин удовлетворенно посмотрел в маленький иллюминатор над креслом. Он снова увидел столб дыма на холме, нахмурился, и на его скулах обозначились желваки.

— Пройти полный курс подготовки и квалификационную комиссию, — проворчал он с горечью и презрением, — и в результате — катастрофа. Еще один корабль, и еще одна команда погибли, и это в тот самый момент, когда цель уже достигнута! Восьмая потеря. Когда я вернусь, учебному центру аргонавтики не избежать чистки.

— Так точно, сэр, — с готовностью подтвердил Джузик, — этому нет оправдания.

— Ничему и ни в чем не должно быть оправдания, — отрезал Круин.

— Так точно, сэр.

Презрительно фыркнув, Круин продолжал изучать книгу.

— Пятый этап: «Выполнить защитную подготовку, как указано в Уставе обороны». — Он взглянул на худощавое, с правильными чертами лицо Джузика. — У всех капитанов есть Устав обороны. Выполняются ли инструкции устава?

— Так точно, сэр. Капитаны уже приступили к их выполнению.

— Тем лучше для них. Самые медлительные будут понижены в должности. — Лизнув большой палец руки, он перевернул страницу. — Шестой этап: «В случае, если на планете имеются формы жизни, обладающие разумом, следует захватить несколько образцов». — Откинувшись в кресле, Круин с минуту о чем-то размышлял, а затем отрывисто спросил: — Ну, чего же вы ждете?

— Прошу прощения, сэр!

— Выполняйте инструкцию, — прорычал Круин.

— Будет исполнено, сэр, — не моргнув, ответил Джузик, отдал честь и вышел из кабины.

За ним автоматически закрылась дверь. Круин посмотрел на нее со злостью.

— Черт побери этот учебный центр! — прогремел он. — Плохи там стали дела с тех пор, как я ушел оттуда.

Положив ноги на стол, он стал ждать, когда ему доставят образцы разумных существ.

ОБРАЗЦЫ ПОД НОСОМ

Три образца явились сами. Когда их заметили, они стояли у носовой части последнего в колонне двадцать второго корабля и с удивлением наблюдали за происходящим. Капитан Сомир лично привел их к командующему.

— На шестом этапе требуется захватить образцы, — положил он Круину. — Я знаю, что вам требуются более интересные экземпляры, но эти я обнаружил под самым носом.

— Под носом? Совершить посадку и сразу же обнаружить, что чужеродные существа осматривают ваш корабль? Где же ваши защитные меры?

— Меры защиты выполнены еще не полностью. Для этого требуется время.

— А чем же занимались ваши наблюдатели? Спали?

— Никак нет, сэр, — в отчаянии ответил Сомир. — Они не сочли нужным объявлять всеобщую тревогу из-за таких существ, как эти.

Круин с неохотой согласился с ним. Он с презрением посмотрел на пленников. Трое детей. Один из них —

мальчик, ростом по колено Круину, курносый. Он стоял, держа во рту свой кругленький кулачок. Рядом с ним — тонконогая, с косичками девочка — очевидно, постарше мальчика. И, наконец, девушка, ростом почти с Сомира, немного угловатая; тонкая одежда на девушке выдавала намекающиеся женские формы.

Все трое были веснушчаты, с огненно-рыжими волосами.

Высокая девушка обратилась к Круину.

— Я — Марва, Марва Мередит. — Потом, показывая на своих спутников, добавила: — Это Сью, а это — Сэм. Мы живем вон там, в Вильямсвилле. — Она улыбнулась Круину, и тот вдруг заметил ее поразительно красивые зеленые глаза. — Мы собирали голубику и увидели, как вы едете.

Круин что-то проворчал и сложил руки на животе. Тот факт, что формы жизни на этой планете были явно такими же, как на его родине, не произвел на него ровно никакого впечатления. Так же, как и весь ученый мир его планеты, Круин считал, что высшие формы жизни должны быть непременно человекоподобными.

— Я не понимаю, что она говорит, — сказал Круин, обращаясь к Сомиру, — а она не понимает гульдского языка.

— Так точно, сэр, — согласился Сомир. — Прикажете отправить их к нашим воспитателям?

— Нет. Они недостойны этого.

Круин с отвращением разглядывал веснушки на лице мальчугана. Это явление было для него неизвестным.

— На них какие-то пятна. Очевидно, это болезнь. Вы пропустили их через стерилизационно-лучевую камеру?

— Так точно, сэр. Я позаботился об этом.

— В дальнейшем поступайте таким же образом.

Круин перевел свой повелительный взгляд с мальчика на девочку с косичками. Что-то удерживало его от того, чтобы посмотреть на высокую девушку. Но он знал, что ему придется это сделать. Их взгляды встретились. Ее спокойные зеленые глаза внушали ему чувство какого-то смутного замешательства. Девушка еще раз улыбнулась ему. На ее щеках заиграли веселые ямочки.

— Вышвырните их отсюда! — проревел Круин.

— Слушаюсь, сэр, — ответил Сомир.

Сомир стал подталкивать пленников к выходу.

— До свидания! — важно сказал мальчик.

— До свидания! — робко сказала девочка с косичками.

Высокая девушка обернулась в дверях и тоже сказала:

— До свидания.

Когда они ушли, Круин про себя повторил это слово: «До свидания». Судя по тем обстоятельствам, при которых оно было произнесено, оно должно было обозначать что-то прощальное. Теперь он знает по крайней мере одно слово из их языка.

— Седьмой этап. «Установить связь с помощью обучения образцов обитателей планеты гульдскому языку».

Обучать их. Не учиться у них, а их самих обучать. Рабы должны учиться у хозяев, а не наоборот.

— «До свидания», — со злым упреком самому себе повторил он. — Мелочь, конечно, но все-таки это нарушение правила. Даже мелочам нет оправдания.

ПОЗИЦИЯ ЗАНЯТА

Оглушительно взвыли двигатели. Корабли производили общий маневр: отряд выстраивался в две одиннадцатигульные звезды. Носами к центру звезды, хвостами — наружу.

Пепел от выжженной травы лег широким черным кольцом вокруг боевой позиции кораблей. Это были последствия работы маневровых двигателей. Главные тяговые двигатели могли бы выжечь все окружающее на милю.

Оба лагеря оцетинились хвостовыми и переставленными носовыми орудийными установками. Сопло каждого двигателя было тоже не менее грозным орудием.

Промежутки между кораблями заняли небольшие, хорошо вооруженные космолеты-разведчики, по два на каждый корабль.

Командующий Круин с удовлетворением наблюдал за работой экипажей. Организованность, дисциплина, энергия, беспрекословное повиновение — основные условия успеха. Именно они принесли величие Гульде. Именно они призваны еще более возвысить Гульду в будущем.

УСТАВЫ НЕ ПРЕДУСМАТРИВАЮТ

Утром следующего дня были захвачены шесть образцов туземного населения. Воспитатели Фэйн и Парт вместе с психологами Кальмой и Хефни приступили к работе.

Круин приказал им доложить о результатах только после того, как шестеро пленников смогут говорить по-гульдски.

Но уже вечером того же дня воспитатели предстали перед Круином. В этот день Круин был до крайности загружен делами: он разработал график полетов космолетов-разведчиков над территорией противника, и несколько разведчиков уже вылетело на дежурство. Теперь Круин писал отчет за последние два дня. С нескрываемым раздражением он спросил Фэйна и Парта, зачем они явились.

— Сэр, пленники предложили перейти в их дома и там продолжать обучение, — начал Фэйн.

— Каким образом они это предложили?

— Главным образом жестами, — ответил Фэйн.

— И вы сочли, что это бессмысленное предложение достойно моего внимания?

— Мы решили, что нам следует поставить вас в известность относительно некоторых аспектов этого вопроса. Наставление по порядку действий и дисциплине обязывает нас

докладывать вам о любом возникающем вопросе, — упрямо продолжал Фэйн.

— Хорошо, хорошо, — уже доброжелательней сказал Круин. — Так в чем же суть вопроса?

— Время — это важный фактор. Чем скорее пленники изучат наш язык, тем лучше. Однако пленников угнетает их положение. Они слишком много думают о своих друзьях и семьях. Будучи у себя дома, они бы поддавались обучению гораздо эффективнее.

— Слабый аргумент, — хмыкнул Круин.

— Это еще не все. По своей природе туземцы наивны и дружелюбны. Мне кажется, что нет причин опасаться их. Будь они настроены воинственно, они бы давно напали на нас.

— Совсем не обязательно. Осторожность — первейшая мудрость. Устав обороны подчеркивает это неоднократно. Вполне вероятно, что эти создания решили выяснить, что мы собой представляем, прежде чем предпринимать какие-либо шаги.

Фэйн быстро сориентировался и повернул слова Круина в нужное ему русло.

— Именно это меня и тревожит. Ведь сейчас в нашем лагере находятся шесть пар глаз и шесть пар ушей противника. К тому же, отсутствие шестерых жителей может вызвать тревогу в их городе. Если же принять их предложение, тогда туземцы будут спокойны, а мы будем видеть и слышать все, что происходит у них.

— Резонно, — вставил Джузик, присутствовавший при разговоре.

— Молчать! — рявкнул на него Круин. — Я не помню ни одного параграфа наставления, который разрешал бы подобные вещи. Сейчас проверю.

Он взял стопку наставлений и уставов и углубился в них. Прошло немало томительных минут, прежде чем Круин отложил книги в сторону и хмуро заявил:

— К данной ситуации подходит лишь одно положение: в случае особых условий, не предусмотренных настоящими руководствами, командующему предоставляется право самостоятельного решения, если оно не идет вразрез с существующими уставами и наставлениями. Где находятся жилища пленников?

— До них час ходьбы, — ответил Фэйн. — Если что-нибудь с нами и случится — что весьма маловероятно, — будет достаточно одного нашего космолета-разведчика, чтобы стереть с лица земли их городишко. Они даже не успеют понять, в чем дело. Один разведчик, одна бомба, одна минута.

— Что же, почему бы в конце концов не воспользоваться их глупостью? Действуйте! — заключил Круин, неохотно уступая.

Когда воспитатели в сопровождении помощника командующего направились к выходу, Круин заметил, что Джузик чему-то улыбается.

— Что означает ваша улыбка, Джузик? — остановил его командующий.

Лицо Джузика моментально стало торжественно-серьезным.

— Выкладываете, выкладываете!

— Я подумал о том, сэр, что три года на корабле — это очень долго, — задумчиво ответил Джузик.

Круин резко встал из-за стола.

— Очевидно, для других это было не дольше, чем для меня.

— Мне кажется, что для вас это время тянулось даже дольше, чем для других, — с уважением, но несколько вызывающе сказал Джузик.

— Вон отсюда! — взревел Круин.

АТАКИ, КОТОРЫХ НЕ БЫЛО

— Восьмой этап: «Отражение первых атак методами, изложенными в Уставе обороны». — Круин фыркнул и провел рукой по своим орденам.

— Но никаких атак не было, — сказал Джузик.

— Знаю, — оборвал его командующий. — Я бы хотел, чтобы на нас нападали. Мы готовы к бою. Чем скорее они начнут военные действия, тем скорее они поймут, кто хозяин этой планеты. До каких пор мы будем бездействовать? Вот уже девять дней, как мы здесь, и ничего не происходит.

Круин перевернул страницу устава:

— Девятый этап: «Развивать успех согласно положениям Устава обороны». Как мы можем развивать успех, которого нет?! Доложите, как проходят разведывательные полеты.

— Сегодня я еще не собирал разведчиков для доклада. Все восемь разведчиков должны уже вернуться, но они почему-то опаздывают.

Круин со злостью отбросил устав. Его крупное широко-скулое лицо побагровело от гнева.

— В наставлении говорится, что в случае невозвращения разведчика район его полета должен быть немедленно опустошен. Никаких полумер! Пусть это будет им уроком!

Джузик напряженно вглядывался в утреннюю дымку через иллюминатор.

— Сэр! Первый разведчик приземляется. Второй тоже заходит на посадку, — с облегчением сообщил он.

— Выяснить причину опоздания и доложить мне.

* * *

Линия обороны заканчивалась там, где полоса пепла переходила в зеленые луга, усыпанные лютиками и гудящие от несметного множества пчел.

Круин пришел сюда для того, чтобы оценить со стороны оборонительную позицию отряда. И здесь, в тени развесис-

тых деревьев и цветущих кустарников, перед его глазами открылась потрясающая картина: четверо механиков корабля номер семнадцать возлежали на спинах в траве, блаженно раскинув руки и лениво переговариваясь. За разговором они не услышали, как подошел Круин.

— Встать! — заорал командующий.

Механики мгновенно вскочили на ноги и выстроились перед Круином: плечом к плечу, руки по швам, с покорно-бессмысленным выражением на лицах.

— Фамилии?

Сделав пометки в своем блокноте, Круин скомандовал:

— Шагом марш! Я займусь вами позже.

Механики отдали честь и четким строевым шагом пошли в лагерь. Круин проводил их злым взглядом до самого корабля. Только после этого он отправился дальше. Поднимаясь на холм, он не снимал руки с рукоятки пистолета. С вершины холма ему была видна вся долина, в которой расположилась его армада. Безукоризненный звездный строй. Молчаливо-зловещий лагерь Гульды.

По другую сторону холма простиралась сельская местность. Лесистый склон сбегал к небольшой речке, исчезающей где-то в туманной дали. На противоположном берегу речки четко вырисовывался большой участок обработанного поля, на краю которого стояли три дома.

— Доброе утро, — неожиданно услышал Круин у себя за спиной. Это было сказано приветливо, на гульдском языке за странной интонацией.

Круин резко обернулся. Рука его потянулась к кобуре пистолета, а лицо приняло суровое начальственное выражение.

Встретившие его чистые зеленые глаза искрились смехом.

— Вы меня помните? Я — Марва Мередит, — сказала она медленно, с видимым трудом. Ветер играл в ее золотистых волосах. — Я теперь немного говорю по-гульдски. Всего несколько слов.

— Кто тебя научил? — грубым тоном спросил Круин.

— Фэйн и Парт.

— Они живут у вас?

— Да. Кальма и Хефни — у Билла Глисона. Фэйн и Парт у нас. Отец привел их к нам. Они живут в комнате для гостей.

— В комнате для гостей?

— Конечно.

Марва уселась на тот же уступ скалы, на котором сидел Круин. Она подобрала под себя свои стройные ноги и уперлась подбородком в колени.

— Конечно. В каждом доме есть комната для гостей. Правда?

Круин молчал.

— А у вас дома есть комната для гостей?

— Дома? — как эхо откликнулся Круин.

Он отвел от Марвы глаза и стал смотреть куда-то вдаль. Он больше не держался за кобуру пистолета. Пальцы его

рук дрожали; его руки, как бы не находя себе места, то нервно сжимали одна другую, то расслаблялись.

Глядя на беспокойные конвульсии рук командующего, Мередит ласково и нерешительно спросила:

— У вас есть дом... где-нибудь?

— Нет.

— Мне вас жалко, — сказала Мередит, прыгивая с камня.

— ТЕБЕ жалко МЕНЯ? — удивленно проговорил Круин, повернувшись к ней. В его голосе звучали изумление, издевка и немалая доля злости. — Ты невероятно глупа!

— Почему? — застенчиво спросила Мередит.

— Да потому, — взорвался Круин, — что ни у единого члена моей экспедиции нет своего дома. Каждый человек подбирался с величайшей тщательностью. Все прошли самые тонкие проверки. Общее развитие и технические знания, возраст, здоровье — все принималось в расчет. Годились только люди, не связанные никакими семейными либо дружескими узами. Нам не нужны разлагающие мысли о тех, кто остался на родине.

— Я не понимаю некоторых ваших длинных слов. Вы очень быстро говорите, — взмолилась девушка.

Круин повторил все снова. На этот раз он говорил медленно, намеренно подчеркивая то, что ему казалось наиболее важным.

— Молодые, здоровые, без домашних уз, — процитировала его Мередит. — Это делает их сильными?

— Конечно, — уверенно ответил Круин.

— Люди, специально подобранные для космоса... Но ведь сейчас они не в космосе, а здесь, на твердой земле.

— Ну и что из этого?

— Да нет, ничего, — сказала девушка и улыбнулась.

— Ты ребенок. Когда ты станешь взрослой...

— То поумнеешь, — закончила за него Мередит. — Ты поумнеешь, ты поумнеешь. — Как повзрослеешь, так поумнеешь, тра-ля-ля-ля-ля-ля! — пропела она.

С раздражением закусив губу, Круин поднялся, прошел мимо Мередит и стал спускаться с холма в направлении лагеря.

— Куда вы идете?

— Обратно! — рявкнул Круин.

— Вам там нравится? — В голосе Мередит слышалось удивление.

— Тебя это не касается.

— Это я не из любопытства спрашиваю, — извиняющимся тоном сказала Мередит. — Я спросила потому, что...

— Почему «потому что»?

— Потому, что я хотела попросить вас прийти к нам в гости.

— Чушь! Этого никогда не будет! — проревел Круин, продолжая спускаться с холма.

— Отец приглашает вас! Моя мама очень вкусно готовит! — прокричала ему вслед девушка.

ЧАС ОТ ЧАСУ НЕ ЛЕГЧЕ!

— Что с вами происходит? — спросил Джузика Круин, вернувшись в лагерь после разговора на холме.

— Со мной? Ничего.

— Вы лжете! Уж я-то вас насквозь вижу. Три года вместе — это что-нибудь да значит. Не пытайтесь обманывать меня. Вас что-то тревожит.

— Вы правы. Меня тревожат наши люди, сэр, — признался Джузик.

— В чем дело?

— Они ведут себя беспокойно.

— Беспокойно? От этой болезни я найду лекарство. Что же вызывает их беспокойство?

— Причин много, сэр, — ответил Джузик и замолчал.

— Вы что, онемели? — закричал на него Круин.

— Никак нет, сэр, — возразил Джузик. — Первая причина — бездействие. Постоянное ожидание и ожидание — и это после трех лет томительного полета.

— Еще что?

— Знакомое зрелище людской жизни за границей пепла. Они знают, что с вашего разрешения Фэйн, Парт, Кальма и Хефни вкушают прелести этой жизни. Рассказы разведчиков о том, как туземцы радушно встречали их, кормили, поили какой-то жидкостью, которая вливалась в них веселье.

Сегодня мы выслали на дежурство всего тридцать космолетов. Из них вовремя вернулись только шесть. Остальные по возвращении ссылались на самые разные «уважительные» причины. Пилоты рассказали всем о своих встречах с туземцами, показали фотографии и подарки. Один из них сейчас отбывает наказание за то, что привез несколько бутылок веселящей смеси. Все это сеет смуту среди экипажей.

— Еще что?

— Прошу прощения, сэр. Вас видели сегодня на холме. Люди завидовали вам. Признаться, и я не составлял исключения.

— Я командующий, — сказал Круин.

— Так точно, — подтвердил Джузик.

После долгого молчания Круин встал и тоном, не допускающим возражения, объявил о своем решении:

— Начиная с сегодняшнего дня полеты разведчиков отменяются. Никаких передвижений без моего разрешения.

— Но это лишит нас необходимой информации, — осмелится заметить Джузик.

— Я сказал, что полеты отменяются! — закричал на него Круин. — Если я прикажу окрасить корабли в бледно-розовый цвет, они будут окрашены в бледно-розовый цвет. Здесь командую я!

— Как прикажете, сэр.

— Завтра я лично осмотрю весь отряд. Известите об этом командиров.

— Слушаюсь, сэр.

Джузик отдал честь и направился к выходу.

В дверях он столкнулся с Фэйном, Кальмой, Партом и Хефни.

ВОСПИТАТЕЛИ И ПСИХОЛОГИ РАССКАЗЫВАЮТ

Фэйн:

— Занятия проходят успешно. Но туземцы не проявляют особых способностей к языку, и мы общаемся в основном при помощи жестов. Требуется еще продолжительное время на то, чтобы они освоили гульдский язык в той степени, в которой это нам требуется.

(Круин отметил про себя, что Марва Мередит говорила достаточно бегло по-гульдски и что воспитатели и психологи выглядели намного бодрее и жизнерадостнее, чем во время полета. Он даст им еще неделю срока, решил Круин. Не больше!)

Хефни:

— Туземцы высокоцивилизованны в житейском отношении, но весьма примитивны во всем остальном. Так, например, в доме у Мередитов — все удобства, включая даже цветное телевидение. Многие вещи просто недоступны нашему пониманию. Представьте себе: их никто не принуждает работать, и тем не менее они почти все время отдают работе. Они утверждают, что в работе они находят удовлетворение.

У них много фабрик и заводов, и они не простаивают ни одного дня. Взять для примера город Вильямсвилль, в часе ходьбы от дома Мередитов. Там есть обувная фабрика, и дочь хозяина, Марва, работает там три дня подряд. Она сказала нам, что это доставляет ей удовольствие. Они посылают готовую обувь в соседний город, а оттуда им поставляют кожу. Каждый работает в меру своих способностей. Мы узнали, что в другом близлежащем городе строят воздухоплавательные машины. У них прекрасные посадочные площадки почти в каждом городе.

Я спросил, есть ли у Мередитов своя летающая машина. Они ответили, что у них пока нет таковой. Но они могут сделать телезаказ, и рано или поздно они получают машину. Либо новую, либо подержанную.

ЕДИНСТВЕННОЕ НАКАЗАНИЕ — СМЕРТЬ

На следующий день Круин снова встретился с Мередит. После нового разговора с девушкой он поднялся по лестнице на свой флагманский корабль, прошел в свою каюту и вызвал Джузика.

— Капитанам привести корабли и экипажи в полную боевую готовность! — приказал Круин.

— Что-нибудь случилось, сэр?

— Я приказываю объявить состояние боевой тревоги! — в гневе проревел Круин. — Вот тогда мы и посмотрим, случилось что-нибудь или нет!

Круин снял шлем и со злостью бросил его на стол.

Джузик вышел. Он вернулся не скоро. Весь его вид выражал растерянность и крайнее беспокойство.

— Разрешите доложить: восемнадцать человек отсутствуют, сэр, — мрачно отрапортовал он.

— Как долго их нет?

— Одиннадцать из них сегодня дежурили в утренних нарядах.

— Значит, остальные семь отсутствуют со вчерашнего дня?

— Боюсь, что это так.

— И никто не счел нужным доложить мне об этом?

— Так точно, сэр, — после некоторого замешательства ответил Джузик.

— Обнаружили ли вы еще что-либо, о чем я не был поставлен в известность?

Джузик молчал, видимо не решаясь сказать правду.

— Я жду вашего ответа!

— График дежурства нарушается регулярно. Эти люди опаздывают не в первый раз.

— Сколько капитанов кораблей знали об этом, но не доложили мне?

— Девять, сэр. Четверым из них я приказал явиться к вам для объяснения.

— А где остальные пять?

— Они в числе отсутствующих, сэр, — ответил Джузик и облизнул свои пересохшие от волнения губы.

— Вот как?! Что же, тем, кто оказался на месте, повезло. Остальные виновны в дезертирстве перед лицом врага. Наказание может быть лишь единственным.

— Так точно, сэр! Но, принимая во внимание обстоя...

— Никаких обстоятельств! Единственное наказание — смерть.

НОЧНОЙ ФИНАЛ

Круин с нервозностью ждал возвращения отсутствующих. Просто необходимо расстрелять их! Это будет хорошим уроком для других. А что, если они не вернуться? Наверное, в эти минуты они наслаждаются компанией, пищей, смехом в чьем-нибудь доме. Посмотреть бы на них сейчас: что осталось от печати космоса на их лицах? Какой огонь горит в их глазах? Если они не вернуться, кого он будет наказывать? Какое-то странное чувство завладело Круином. Он смотрел в иллюминатор. Скоро он увидит, как в сопровождении конвоя на площадку опустится первый нарушитель. Где-то глу-

боко в лабиринтах его души зародилась новая, неожиданная для него самого, идущая вразрез со всеми его представлениями о долге надежда, что они все-таки не вернуться.

Даже если один из них вернется, это будет означать медленную четкую поступь взвода, сухие команды: «Цельсь!» и «Огонь!» А потом Сомир выйдет вперед, и раздастся выстрел милосердия.

Черт побери этот устав!

Около двенадцати часов вечера в каюту Круина буквально ворвался Джузик. Он тяжело дышал. Потолочное освещение резко обостряло и углубляло черты его худого лица.

— Сэр, должен вам доложить, что наши люди выходят из повиновения!

— Что такое? — угрожающе сказал Круин. Его тяжелые брови сошлись на переносице.

— Они узнали, что виновные предстанут перед судом, — еле переводя дух, продолжал Джузик. — И они знают, какое наказание ожидает провинившихся.

— Так что же?

— Дезертировало еще много человек. Они ушли предупредить других, чтобы те не возвращались.

— Так!.. — криво ухмыльнулся Круин. — И часовые их пропустили?

— Десять часовых ушли с ними.

— Десять? — переспросил Круин. Он резко встал и вплотную подошел к Джузику. — Сколько же всего ушло?

— Девяносто семь, — ответил он.

Круин схватил шлем и решительно надел его на голову.

— Это больше чем целый экипаж. Если так будет продолжаться дальше, к утру у нас не останется ни одного человека, — сказал он, пристегивая к поясу еще одну кобуру с пистолетом. — Мы немедленно взлетаем.

— Взлетаем?

— Да, взлетаем. Весь отряд. Мы выйдем на устойчивую орбиту, и тогда уже никто не сможет дезертировать. А там я продумаю обстановку и приму решение относительно дальнейших действий.

* * *

Ночную тишину распорол надрывный вой сирены флагманского корабля. Замигали сигнальные огни. За кольцом пепла испуганно раскричались проснувшиеся птицы.

Медленно, с подчеркнутой важностью Круин спустился по трапу своего корабля. Он окинул взором тысячеголовый строй подчиненных. В ярком свете прожекторов лица слились в одно огромное белое пятно. Командиры кораблей и их помощники выстроились справа и слева сзади командующего.

— После трех лет преданной службы родине, — высокопарно начал Круин, — несколько человек оказались изменниками. Среди нас появились слабые духом люди, которые

не в состоянии выдержать напряжения нескольких дней, которые отделяют нас от окончательной победы. Пренебрегая долгом, они не повинуются приказам, заводят сомнительные отношения с нашими врагами и стремятся воспользоваться низменными благами в ущерб остальным членам экспедиции.

Круин бросил на толпу взгляд, полный угрозы и осуждения.

— Придет тот час, когда они будут наказаны со всей строгостью, — продолжал он. — Среди вас есть лица, не менее виновные в дезертирстве, но пока еще не уличенные в преступлении. Этим людям я могу разочаровать: им уже не придется до конца проявить свою неверность.

Мы покидаем поверхность планеты и выходим на устойчивую орбиту. Это означает продолжительную работу без сна и отдыха, за что вы должны благодарить тех, кто пошел на предательство.

Круин помолчал и добавил:

— Все ли ясно?

Один человек над тысячью.

Тревожная тишина.

— Приготовиться к отлету! — резко приказал Круин и повернулся к своему кораблю.

В этот момент навстречу ему с криком: «Спасайтесь, Круин!» — бросился капитан Сомир. Он выхватил из кобуры пистолет и выстрелил в воздух.

Многоголосый рев людей за спиной Круина нарастал подобно шквалу. Круин схватился за рукоятки пистолетов и резко обернулся. Но он больше не слышал ни выстрелов, ни яростного рева. Что-то невыносимой тяжестью сдавило ему голову, земля придвинулась навстречу ему; он раскинул руки, как бы ища опору, и погрузился в бездонную тьму.

ОДИНОЧЕСТВО

Чуть тлеющие остатки сознания улавливали нечто похожее на тяжелый топот ног, отдаленные крики людей и глухие удары, которые сотрясали землю под неподвижным телом Круина.

Потом он почувствовал, как кто-то льет ему на лицо воду.

Круин с трудом сел, обхватил руками раскаляющуюся от боли голову. Первое, что предстало перед его глазами, был кусок неба, прорезанный лучами восходящего солнца. Вот он увидел перед собой Джузика, Сомира и еще нескольких человек. Их лица были в синяках и ссадинах. Одежда порвана и вся в грязи.

— Их было слишком много, — услышал Круин голос Джузика. — Вы не приходили в сознание всю ночь.

Круин тяжело поднялся.

— Сколько человек убито?

— Ни одного. Мы стреляли по верх голов. Все равно было слишком поздно.

— Поверх голов? Разве оружие для того, чтобы стрелять поверх голов?

— Не так-то это просто, — сказал Джузик с едва уловимой ноткой вызова в голосе. — Особенно когда перед тобой товарищи.

— Вы тоже так считаете? — резко обратился Круин к остальным.

Капитаны смущенно поддержали Джузика, а Сомир сказал:

— Мы просто не успели ничего сделать. Нашей ошибкой было то, что мы проявили колебание. А когда человек колеблется...

— Оправданий быть не может. Вам был дан приказ, и вы должны были выполнить его, — обрезал его Круин. Его взгляд был полон презрения. Подбородок угрожающе выпятился вперед. — Вы не соответствуете своему званию. Можете считать себя разжалованными. Убирайтесь от меня!

Они ушли. В немой ярости Круин вскарабкался по трапу, вошел в корабль и осмотрел его с носа до кормы. Ни души! Губы Круина сжались в одну упругую линию, когда он подошел к хвостовым отсекам. Топливные контейнеры были взорваны. Взрыв искорежил двигатели, превратив корабль в бесполезную грудку металла.

Круин спустился по трапу и обошел остальные корабли. То же самое: никаким ремонтом делу не поможешь.

Взгляд его случайно остановился на вершине холма. На фоне утреннего неба он ясно различал силуэты Джузика, Сомира и всех остальных. Они уходили все дальше и дальше... Они шли в ту самую долину, которую он так часто рассматривал с холма. Вот на самой вершине холма к ним присоединились четверо ребятешек. Они весело носились вокруг взрослых.

Вскоре вся группа скрылась из виду, а из-за холма выползло восходящее солнце.

Круин вернулся к флагманскому кораблю. Он собрал свои личные вещи в ранец и надел его на плечи. Даже не кинув прощального взгляда на остатки некогда могущественной армады, он решительно повернулся спиной к солнцу и пошел в сторону, обратную той, куда ушли его бывшие подчиненные.

Один, с тяжелым ранцем за плечами и невыносимо тяжелыми мыслями, он вступал в новый, неведомый ему мир.

„ПРИХОДИТЕ К НАМ“

Два с половиной года сделали свое дело. Корабли с Гульды все в тех же стройных порядках стояли в долине, но ржавчина проела могучие корпуса кораблей почти на четверть их толщины и исковеркала металлические трапы. Буйное кольцо молодой растительности пробивалось там, где раньше был только пепел.

Человек, пришедший сюда в полдень, поставил на землю

свой ранец и в течение получаса, не отрываясь, смотрел на эту картину.

Обветренное мужественное лицо этого большого и сильного человека было задумчиво. Потом он поднял саквояж и направился к холму. Он взошел на холм и спустился в долину. Простая легкая одежда, уверенная, четкая походка. Дорога привела его к небольшому каменному коттеджу. В саду, окружавшем дом, он заметил стройную темноволосую женщину. Женщина срезала цветы. Человек обратился к ней:

— Добрый день.

Он сказал это с каким-то странным акцентом, несколько грубоватым, но вместе с тем приятным голосом.

Женщина выпрямилась с огромным букетом ярких цветов в руках и посмотрела на него своими бездонно-черными глазами.

— Добрый день, — ответила она и приветливо улыбнулась. — Вы путешествуете? Заходите к нам, мы всегда рады гостям. Я уверена, что Джузик, мой муж, будет просто в восторге. Наша комната для гостей пуста вот уже...

— Извините меня, — вежливо перебил ее путник. — Но я ищу Мередитов. Вы не покажете мне, где их дом?

— Следующий за нашим, вверх по аллее. — Она ловко подхватила падающий цветок и прижала его к груди. — Но если их комната для гостей занята, обязательно приходите к нам.

— Спасибо за приглашение, — ответил он, и его широкое лицо осветилось благодарной улыбкой.

Человек пошел дальше, чуть ли не физически ощущая провожающий его взгляд женщины. Вот, наконец, этот дом, весь утопающий в цветущем саду. У ворот играл какой-то мальчуган.

Глядя снизу вверх на остановившегося около него человека, мальчуган спросил:

— Вы путешествуете?

— Да, сынок. Я ищу Мередитов.

— Я Сэм Мередит, — гордо проговорил малыш и спросил, заливаясь краской радостного волнения: — Вы хотите погостить у нас?

— Если можно, то да.

Мальчик вскочил, как пружина, и с радостным криком бросился в дом.

— Мама! Папа! Марва! Сью! К нам пришел гость!

В дверях показался высокий рыжеволосый человек. Он посасывал трубку. С минуту он спокойно молча смотрел на пришедшего. Затем вынул трубку изо рта и проговорил:

— Я Джейк Мередит. Заходите, пожалуйста.

В дверях он пропустил гостя вперед и громко сказал куда-то в глубину дома:

— Мери, Мери, покорми чем-нибудь гостя.

— Сейчас иду, — откликнулся издали приветливый голос.

— Проходите сюда, — предложил Мередит.

Он провел гостя на веранду и принес ему кресло.
— Отдохните, пока Мери готовит. Это будет не так-то скоро. Она не успокоится, пока у стола не начнут трещать ножки. И попробуйте только оставить что-нибудь на тарелках! А вот и Марва. Это моя дочка. Марва, покажи гостю его комнату.

„Я СДЕЛАЛ ЭТО САМ“

Гость осмотрел комнату и нашел ее превосходной.

— Ну, как вам нравится здесь?

— Чудесно!

Гость изучающе смотрел на Марву: высокая женственная фигура, зеленые глаза, золотые волосы.

Заметно волнуясь, он спросил:

— Вам не кажется, что я похож на Круина?

— Какого Круина? — Она недоуменно подняла свои тонкие брови.

— Командующего того отряда, с другой планеты.

— Ах этого? — Ее глаза смеялись, и на щеках появились веселые ямочки. — Какая ерунда! Абсолютно никакого сходства! Тот был старый и злой. А вы молодой и куда интереснее его.

— Спасибо за комплимент, — неловко пробормотал гость.

Казалось, он никак не мог найти места своим рукам, совсем растерявшись под ее открытым, спокойным взглядом. Но вот он подошел к своему саквоюжу и открыл его.

— Так уж водится, что гость приходит в дом с подарками для хозяев. — В его голосе звучали нотки гордости. — Примите подарок и от меня. Я сделал его сам. Долго пришлось мне учиться... очень долго... чтобы сделать его... эти-ми неловкими руками. Почти три года.

**Сокращенный перевод с английского
И. КОВАЛЕВА**

АЛЕКСАНДР НАСИБОВ



Главы из приключенческого романа¹

Рисунки П. Павлинова

¹ Печатается с сокращениями. Полностью книга выйдет в Издательстве детской литературы.

ПРОЛОГ

Э тот памятный вечер, с которого начались эти записи, Кирилл Карцов провел дома. Уже давно стемнело и за окном стихли шумы улицы, а он все сидел у стола. Радио донесло перезвон курантов. В Москве была полночь. Здесь же, на Каспии, истек первый час нсзых суток.

Карцов встал, походил по комнате, вернулся к столу и пододвинул к себе развернутую газету. Это был обычный номер западногерманского «Курир» — восемь полос убористого текста и контрастных фото, оттиснутых на тонкой бумаге, еще несколько страниц рекламы, затем вкладыш с продолжением какого-то романа. Большая статья в нижнем углу первой полосы была обведена карандашом.

Газета была годичной давности, но оказалась у Карцова только теперь, да и то по чистой случайности. Утром он зашел к приятелю в редакцию, чтобы договориться о предстоящих спусках под воду: на завтра были назначены погружения в районе затонувшего в древности города, а Карцов не только врач, но и подводный исследователь.

Приятель сидел за составлением обзора. Перед ним лежали газеты социалистических стран, номера французской «Монд», лондонских «Таймс» и «Обсервер», бюллетени агентств и толстая подшивка из архива.

В подшивке Карцов и увидел номер «Курир». Он так и впился глазами в статью в нижнем углу первой полосы газеты.

Он в совершенстве знает немецкий, но поначалу не сама статья взволновала его. Фотография в траурной рамке, завершенная в центре статьи, — вот от чего он не мог отвести глаз!

В то утро Карцов долго бродил по улицам города, больше часа провел на Приморском бульваре. Он сидел у самой кромки воды, привалившись к спинке скамьи, расслабив вытянутые ноги.

Как бы ни был он утомлен, стоило ему оказаться у моря, и всегда отступала усталость. Но сейчас он глядел на Каспий и не видел ни бухты, ни горбатого острова на горизонте, ни буксиров и катеров, которые в эту пору во множестве снуют от причала к причалу.

День догорал. Аллею пересекали синие тени. И ветер, который не унимался с утра, теперь притих, будто притомился. Два скутера, вздыбив носы, промчались вдоль каменного парапета бульвара и унеслись в море.

Оглушительный треск их моторов вернул Карцова к действительности. Поднявшись со скамьи, он зашагал домой.

Сейчас он в своем кабинете. И с западногерманской газеты на него смотрит Артур Абст.

Вот что напечатано по поводу смерти этого человека:

«НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ИЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЕ? ГИБЕЛЬ КАПИТЭНА ЦУР ЗЕЕ¹ АРТУРА АБСТА. МЫ ОБНАЖАЕМ ГОЛОВЫ ПЕРЕД ПАМЯТЬЮ ГЕРОЯ.

Телеграф принес скорбную весть. У восточных берегов Австралии погиб капитэн цур зее в отставке доктор Артур Абст, ветеран войны, кавалер многих орденов и медалей, видный ученый, турист и спортсмен.

Полгода назад доктор Абст начал длительное путешествие. Его тридцатитонный тендер «Зеевольф» пересек Атлантику и некоторое время крейсировал у берегов США.

Затем «Зеевольф» спустился к югу и прошел Панамский канал. Оказавшись в Тихом океане, он взял курс на Австралию, Гавайи, острова Гилберта и Санта-Крус — таковы этапы этого сложного перехода. Миновав Новые Гебриды, доктор Абст пересек с востока на запад Коралловое море. Он был у цели: перед бушпритом «Зеевольфа» простирался Большой Барьерный риф. Начинаясь прилив, и огромные валы с грохотом дробились о коралловые стены этого величайшего чуда природы.

Здесь, у Большого рифа, где неповторимы богатства и краски океанской флоры и фауны, Артур Абст решил совершить несколько спусков под воду.

И первый же день стал для него роковым.

Ясным солнечным утром доктор Абст надел акваланг и ушел на глубину. Через несколько минут он закончил пробное погружение, и тогда с борта яхты ему подали легкий подводный буксировщик и смонтированную на нем кинокамеру. Опробовав их, пловец нырнул.

Солнце поднималось все выше. Супруга доктора фрау Бригита читала на палубе. Единственный матрос яхты сидел неподалеку и дремал. Был штиль. Лишь легкая зыбь колыхала поверхность воды. Казалось, ничто не предвещало несчастья.

А оно надвигалось.

Прошло минут десять, потом еще столько же, Бригитой Абст стало овладевать беспокойство. Минуты бежали, и тре-

¹ Капитэн цур зее — чин в гитлеровском ВМФ, соответствует капитану первого ранга (полковнику).

вога росла, хотя было известно, что четырехбаллонный акваланг Артура Абста позволяет находиться под водой длительное время.

Истекло три четверти часа. Фрау Бригита встала и отбросила книгу, решив спуститься к доктору.

Матрос подал ей маску и ласты, помог надеть баллоны. И в это мгновение доктор Абст всплыл. Он едва держался на воде, знаками просил о помощи.

Когда Артура Абста подняли на борт, он был без сознания. Фрау Бригита поспешила в каюту за кофенном. Матрос же стал делать хозяину искусственное дыхание, так как предполагалось, что доктор отравился углекислотой, содержащейся в плохо отфильтрованном воздухе акваланга.

Шприц был принесен. И тут случилось непоправимое. Едва игла коснулась кожи доктора Абста, как он судорожно изогнулся, перевалился через низкий планшир и скрылся под водой.

Длительные поиски результата не дали — в этом месте, на границе материковой отмели, коралловая стена рифа отвесно уходит на огромную глубину.

Так погиб ветеран и герой войны, исследователь и спортсмен, доктор Артур Абст.

Пучина хранит тайну гибели благородного сына нации.

Карцов откладывает газету. Артур Абст!.. Сколько же ему было в войну? Что-то около тридцати. Тридцать или немногим больше. Значит, сейчас было бы под пятьдесят? Да, на фотографии человек уже немолодой, но хорошо сохранившийся. У него расчесанные на пробор блестящие темные волосы, высокий лоб, чуть скошенный к темени. Нос, подбородок, овал лица безупречны. Однако все портит отвисшая, будто безвольная, нижняя губа. Даже на снимке видно, какая она вялая и мокрая. А в маленьких зрачках Абста затаилась холодная жестокость.

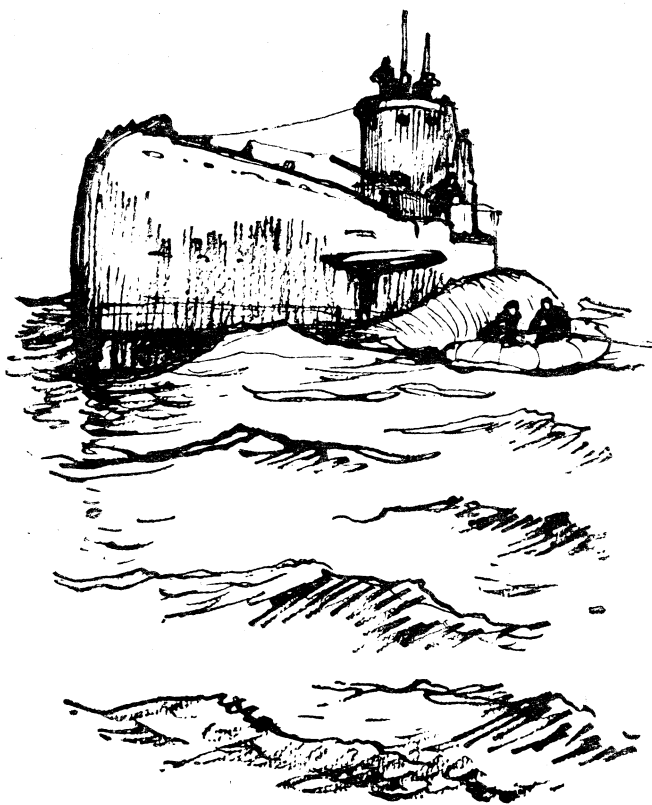
Карцов не раз собирался поведать людям об Абсте. Все пережитое в I-W-1 — подводном логове Абста, плюс трофейные документы абвера¹, с которыми ему довелось ознакомиться, — все это создавало достаточно полную картину. Он брался за перо. Но наваливались дела, казавшиеся более срочными. К тому же Карцов был убежден, что до конца рассчитался с Абстом еще в сорок третьем. Оказалось, ошибся: Абст умер только недавно.

Абст уже никому не причинит зла. Однако у него много единомышленников, которые живы, действуют, рвутся к атомному оружию, к власти.

Надо рассказывать людям о черных делах гитлеровцев, обрушивать на фашистов удар за ударом, пока не исчезнет с лица земли последний приверженец свастики.

Эти записи — ответ на некролог в «Курир».

¹ Абвер — военная разведка и контрразведка в гитлеровской Германии.



ГЛАВА 1

Холод привел Карцова в сознание. Тяжесть сдавливала грудь. Острая боль вонзалась в уши. Задыхаясь, он приоткрыл рот, и в горло хлынула соленая вода.

Он бешено заработал руками. Скорее, скорее!.. Чувствуя, что легкие готовы лопнуть от напряжения, уже охваченный конвульсиями удушья, он из последних сил рвался вверх.

Вокруг светлело. Вот уже совсем рядом ослепительно-белая кольшущаяся пленка — поверхность воды. Еще миг, и, оглушенный свежим воздухом, ветром, шумом моря, Карцов завертелся в волнах, отплевываясь и с трудом превозмогая тошноту.

Придя в себя, он огляделся. Корабля не было. Только вдали на высоко взметнувшемся гребне волны мелькнула разбитая шлюпка. Мелькнула и скрылась.

Что-то заставило его обернуться. Он увидел: расплескивая волны, всплывает германская подводная лодка. Да, германская — он это сразу определил по характерному силуэту рубки.

Не своя с нее глаз, он сделал несколько глубоких вдохов, погрузился и под водой поплыл в сторону.

Намокшая одежда сковывала движения, тянула вниз. Вынырнув и глотнув воздуха, он вновь ушел под воду и сбросил сперва китель, затем ботинки и брюки.

Когда он появился на поверхности третий раз, до вражеской лодки было метров сто. И с нее спускали надувную шлюпку.

Он хотел опять погрузиться, но вдруг понял: ему не спастись. Вот в мечущуюся на волнах шлюпку тяжело прыгнул матрос. Другой, наклонившись с палубы корабля, подал ему автомат, а затем и сам перебрался к товарищу. Шлюпка отвалила.

Карцов ждал, глядя на немцев, не двигаясь, только чуть шевелил ладонями, чтобы держаться на плаву.

Несколько минут назад произошел бой, короткий и ожесточенный. Из тумана, который с рассвета закрыл и небо и море, неожиданно выскочил вражеский тральщик. Немцы растерялись, моряки советского сторожевика тоже. После секундной заминки мимо Карцова промчался комендор. Развернув носовое орудие, он всадил снаряд во врага. Попадание, видимо, пришлось в боезапас — ослепительная вспышка скрыла фашистский тральщик, а взрывная волна так швырнула наш корабль, что он лег бортом... Последний, кого видел Карцов на палубе своего корабля, был боцман: перекошенный в крике рот, рука с растопыренными пальцами, указывающая в море. Боцман раньше других заметил торпеду, но все-таки слишком поздно...



А шлюпка приближалась. Матрос, сидевший на веслах, поминутно оглядывался. Другой готовил бросательный конец. Оба были в желтых клеенчатых куртках и спасательных жилетах, оба в темных пилотках.

Карцов оглядел крутые белесые волны, лохмотья тумана над ними, коротким усилием вытолкнул воздух из легких и погрузился...

Над головой Карцова механизмы и трубы, десятки стянутых в пучки труб. Они подрагивают, койка, в которой лежит Карцов, — тоже. Он, советский офицер-врач, потерявший своих товарищей и свой корабль, в утробе германской подводной лодки, которая плывет неизвестно куда.

Сторожит его тот самый матрос, что сидел на веслах в резиновой шлюпке. Ширококостый, худой, на длинном лице озабоченность. От него Карцов узнал подробности своего пленения. На лодке думали, что он с немецкого корабля, поэтому и старались. Длиннолицый прыгнул за ним, настиг на глубине, уже потерявшего сознание.

Откачивали Карцова долго. Каково же было разочарование, когда он назвал себя. Не хотели верить. Ведь он говорит по-немецки, как немец. К тому же на руке его, ближе к плечу, выколото «Ханс». Так звали его школьного друга. В пятом, кажется, классе, начитавшись Густава Эмара, они решили стать побратимами. Придумали специальный ритуал. Иглы и тушь нашлись у знакомого лодочника в порту. И вот Карцов выколол Хансу «Кирилл», а тот ему свое имя — по-немецки.

Вероятно, он допустил оплошность, не попытавшись сыграть на заблуждении фашистов. Впрочем, все это позади. А что предстоит? Лодка придет на базу, и его сдадут в морскую разведку. Потом — лагерь, если он доживет до того времени.

Карцов закрывает глаза. Итак, тринадцатый день плена. Вчера лодка атаковала корабль. Торпеды нашли цель. Как сообщил длиннолицый, это был транспорт союзников, пытавшийся в одиночку проскочить опасный район.

Как же рассчитаться с фашистами? Карцов думает об этом день и ночь, изобретает все новые проекты уничтожения лодки и тут же отвергает: их нельзя выполнить. Он часами лежит неподвижно, закрыв глаза — только бы не видеть тех, кто рядом! Ему все кажется, это кто-нибудь из них убил Глеба.

Глеб — старший брат. Он один поднял на ноги Кирилла. Один, потому что много лет назад отец бросил семью и куда-то уехал, а вскоре умерла и мать. Глеб ушел из института, стал чертежником — это позволяло работать дома.

Кирилл вспоминает: на плите кипит бак с бельем. Глеб чертит здесь же, за кухонным столом, уголкою глаза следя за братом, который зубрит урок. Он все успевал: и хозяйничать, и чертить, и легонько щелкнуть по лбу Кирилла,

задремавшего над учебником... А потом они одновременно поступили в институты: Глеб — доучиваться на инженера-мостовика, Кирилл в — медицинский. Последние несколько лет братья были в разлуке: старший работал в одном из городов Украины, младший — служил на флоте. Уговорились встретиться летом сорок первого, вместе провести отпуск. Глеб погиб в первый же месяц войны...

В отсеке — шаги. Длиннолицый перебирается через высокий комингс¹, толкает в бок пленника.

— Подымайся, — говорит он, — пойдешь к командиру.

Вскоре Карцов с глазу на глаз с командиром подводной лодки.

— Я доложил о вас моему командованию. Мне приказано...

Подводник не успевает закончить. В переговорной трубе голос:

— Командира корабля прошу на центральный пост.

Немец поспешно выходит. Вскоре включен сигнал тревоги. По настилу отсеков стучат матросские ботинки. Взвыв, на тонкой ноте гудят электродвигатели. Затаившаяся в океанских глубинах лодка устремляется в атаку.

Каков же объект нападения лодки?

В каюту, где сидит Карцов, доносятся лишь обрывки команд да голос акустика, пост которого где-то поблизости.

А перед дверью стоит длиннолицый.

Толчок в носовой части лодки. Ушла торпеда — выброшенный сжатым воздухом снаряд помчался к цели, неся сотни килограммов взрывчатки.

Карцов мысленно считает секунды. На счете десять — новый толчок: выстрел второй торпедой.

Вновь секунды томительного ожидания. Затем отдаленный удар большой силы.

Лодка с дифферентом на нос уходит в глубину.

Вскоре доносится второй взрыв...

На лодке сыгран отбой тревоги. Слышно, как отдраивают тяжелые двери отсеков.

Мимо каюты идут два офицера. До Карцова доносится:

— Красный крест на борту...

Еще минута ожидания, и возвращается командир.

— Вот и все, — говорит он, подсаживаясь к столу. — Это был транспорт. Тип «либерти». Семь тысяч тонн. Наглед, он шел без охранения!

Карцов не выдерживает:

— У него были кресты на борту. Красные кресты! Вы потопили госпитальное судно. Пустили ко дну беззащитный корабль, который вез больных, раненых!..

Командир лодки будто не удивился тому, что пленному известно о крестах.

— Госпитальное судно? — говорит он. — Ну и что? Какая разница? Когда ваши бомбят немецкие города, они не разбирают, где завод, а где дом или госпиталь.

¹ Комингс — порог (морск.).

— Неправда!

— Ну, не ваши, так американцы или англичане. Не все ли равно? И они правы, черт бы их всех побрал! Больные выздоравливают, у раненых срастаются кости, затем те и другие садятся за штурвалы бомбардировщиков, становятся к пушкам и минометам. Вот так, господин гуманист. — Иронически оглядев пленного, он склоняется к переговорной трубе. — Акустик!

— Слушаю, командир.

— Обстановку!

— Чист горизонт, командир.

— Мы подвсплываем под перископ. К тонущему может спешить помощь. Берегись, если прозеваешь фрегат!

Подводник отводит трубу в сторону.

— Продолжим нашу беседу, — говорит он. — Э, да вы, я вижу, распустили нервы. Из-за каких-то союзников? Стоит ли? При случае они с удовольствием выстрелят вам в спину. Выстрелят, не сомневайтесь!

— Где мы находимся? — спрашивает Карцов.

Немец задерживает на нем взгляд. Пожав плечами, тянется к переборке, где висит карта, находит нужную точку и касается ее пальцем.

В первую секунду Карцов не верит — так далеко это от места, где погиб его корабль. Но он уже две недели в плену, и все это время лодка движется. Да, за тринадцать дней она могла пройти огромное расстояние.

Куда же она направляется? В этом южном море с крохотными экзотическими островами не должно быть военных объектов фашистов.

Снова взгляд на карту, и Карцов вспоминает: неподалеку, менее чем в двух десятках миль к югу, расположен остров, и на нем — база флота союзников. Вот оно что! Теперь понятно, откуда шло госпитальное судно.

— Выслушайте меня внимательно, — говорит командир лодки. — Итак, я доложил о вас и получил распоряжение. Мое командование пришло к выводу, что может предоставить вам свободу...

Сделав паузу, он ждет. Собеседник молчит.

Тогда подводник продолжает. Русский офицер может не сомневаться, что с ним говорят серьезно. Кстати, его не просто отпускают, но и сделают так, чтобы он благополучно добрался до своих. Конечно, он должен подписать обязательство...

— Какое?

— О, пустяки! Вам будут хорошо платить. В короткое время вы станете обеспеченным человеком.

— А вдруг я обману вас? Сперва соглашусь — для вида, а потом надую? Вернусь к своим и расскажу все, как было?

— Заключая сделку, всегда рискуешь. — Командир лодки пожимает плечами. — К сожалению, это неизбежно. Но вы должны знать: у меня нет ощущения, что риск чрезмерен. Короче, я убежден, что имею дело с порядочным человеком.

— Порядочный человек не сможет умолчать о потоплении госпитального судна.

— Это порядочность глупца. — Подводник иронически глядит на пленного. — Вы, конечно, шутили?

— Нет.

Гитлеровец встает.

— Нет?.. И вы отказываетесь от спасения? Даже не пытаетесь обмануть меня?

— Я ненавижу вас. Всех ненавижу и презираю — до последнего вашего солдата!

Трах!.. Получив сильный удар в лицо, Карцов отлетает к двери. Здесь его хватают, вытаскивают из каюты. А он кричит, отбивается, рвется...

Вдруг взрыв сотрясает лодку.

Второй взрыв. Гаснет свет. Взрывы, взрывы!..

В отсеке врывается вода.

Конвойры исчезли. Карцов ошеломленно прижался к переборке. В темноте топот, крики. Резкий голос командира требует, чтобы было включено аварийное освещение. Лампочки вспыхивают и тотчас гаснут. Снова удар, и отсек наполняется пронзительным свистом — в нем тонут вопли ужаса, боли.

Карцов плотнее прижимается к стене: беда, если угодишь под струю сжатого воздуха, вырвавшегося из перебитой магистрали!..

А вода прибывает. Она уже по пояс, по грудь.

Впереди, откуда хлещет вода, слабый проблеск. Надо решаться! Несколько глубоких вдохов, и Карцов ныряет в поток. Вот она, пробоина, — большая дыра в корпусе с вдавленными внутрь краями. За ней пенистый зеленый свет. Это значит: лодка недалеко от поверхности. Он протискивается в пробоину, извиваясь всем телом, чтобы не коснуться острых лохмотьев изорванной стали.

И вот уже он в вольной воде, а мимо скользит в бездну умирающий корабль, и слышны в нем приглушенные крики, и удары стали о сталь, и резкие пистолетные выстрелы...

Не спешить вверх!.. Изо всех сил, до судорог в мышцах подавляет Карцов стремление скорее достичь поверхности. Он морской врач, он знает: легкие полны сжатым воздухом, если всплыть слишком быстро, неизбежна тяжелая травма, может быть — смерть.

То и дело изо рта вырываются и летят вверх пузыри. Не обгонять их, не спешить, не задерживать расширяющийся в легких воздух...

Все ближе поверхность моря. Над головой подобие изогнутого зеркала. Оно колышется, отражая всплывающего человека.

Еще мгновение, и Карцов наполовину выскакивает из-под воды.

Солнце, по которому, он так истосковался за недели плена, клонящееся к горизонту, тяжелое, красное солнце!.. Он полной грудью вбирает воздух. Яркий свет, свежий морской ветерок, — от всего этого кружится голова, слабеет тело.

Рокот мотора заставляет его поднять голову. В небе беспокойно кружит самолет. Вот кто потопил германскую лодку!

Вокруг вспухают и лопаются огромные пузыри. Вода покрывается пеной. По ней растекается масляное озеро. Это соляр из раздавленного на большой глубине корабля.

С бомбардировщика заметили пятно: он разворачивается и летит на юг.

Карцов один в пустынном море.

Первым делом он сбрасывает тяжелые парусиновые брюки. Собрался стащить и свитер, но передумал: вероятно, он долго пробудет в воде, и свитер предохранит от переохлаждения.

Несколько минут Карцов плавает над местом гибели лодки в надежде найти спасательный жилет. Поиски тщетны... И тогда его охватывает страх: уже кажется, он утомлен, холодна вода, слишком учащенно бьется сердце. Он убеждает себя не думать об этом. В конце концов час назад положение его было хуже.

И он начинает путь.

Солнце низко над горизонтом. Солнце — это ориентир. Там, где оно садится, запад. Юг — левее на восемь румбов.

Курс на юг. В десяти-пятнадцати милях к югу — остров, и на нем база военного флота союзников. Там спасение.

ГЛАВА 2

Прямые расслабленные ноги ритмично движутся в воде — вверх-вниз, вверх-вниз. Руки совершают медленные длинные гребки. Это кроль, быстрый и экономный вид плавания.

В большом городе на Каспии, где прошли детство и юность Карцова, были традицией длительные проплывы от причальных бонов городского яхт-клуба до едва приметного на горизонте горбатого острова.

Он не раз участвовал в этих проплавах, а однажды даже пришел на финиш вторым. Плыть в холодном, бурном Каспии было куда трудней, но за каждым спортсменом двигались лодки с сидящими наготове спасателями.

И еще: на Каспии нет акул.

А здесь он уже видел одну. Его высоко подняла волна, и с ее гребня он заметил, как промелькнул на поверхности треугольный плавник.

Акула исчезла. Вероятно, не заметила человека. А вдруг слышит за ним под водой?

Карцов подтянул ноги, сжался в комок, опустил голову в воду. Вот почудилось: внизу появилась тень. Решившись, он ныряет наперерез.

Но море, пустынное на поверхности, пустынно и в глубине.

Он продолжает путь. Мысль об акуле гвоздем сидит в голове. Теперь он убежден, что ее смущает свет, что она, как все хищники, ждет темноты. А вечер надвигается.

Солнце уже коснулось воды. Еще четверть часа, и тьма окутает море...

Он плывет. Шея и руки затекли, бедра отяжелели. Перевернувшись на спину, он разбрасывает руки. Голова в воде, на поверхности лишь глаза да нос. Отдых.

Еще недавно небо было голубым. Сейчас оно бледно-сиреневое. Надвигается ночь. В этих широтах ночь сменяет день почти мгновенно.

Он почти с удовольствием лежит в прогретой солнцем воде. Если бы не акула! Ему все кажется: она где-то здесь. А он так утомлен! Так велика потребность хоть на минуту прикрыть глаза, отключить сознание, волю!

Карцов борется изо всех сил, но тщетно!

«Акула где-то рядом» — это была его последняя мысль, перед тем как он впал в забытие.

С этой же мыслью Карцов открывает глаза. Кажется, лишь секунду назад смежил он веки, но теперь над ним чернота и звездная россыпь.

Надо продолжать путь.

Он ложится на грудь. Первый гребок, и — о чудо! — руки его будто в огне. Жидкое серебро струится с пальцев, растекается по воде, и вскоре все вокруг усеяно крохотными бледными огоньками, они мерцают, приплясывают...

Он продолжает путь.

Изредка он оглядывается. За ним тянется полоса светящейся воды. Волны то заслоняют ее, то вновь открывают, и свет пульсирует.

Но ему нельзя отвлекаться, нельзя сбавлять скорость. Плыть вперед, точно на юг! Еще немного, еще пять или шесть часов — и он достигнет цели!

Если бы не акула!.. Мысль о ней неотступна. Неизвестность столь томительна, предчувствие надвигающейся беды так велико, что он ловит себя на том, что ждет ее, почти хочет, чтобы она пришла.

И вот — акула.

Из глубины скользнула к поверхности тень. Она двигалась наискосок, но вдруг свернула и ринулась к человеку.

Прежде чем Карцов смог сообразить, руки его взметнулись над головой, гулко шлепнули по воде. В следующий миг он нырнул и, яростно гребя, помчался к акуле. Он действовал так, будто имел дело с собакой. Она и была для него собакой. Но Собакой Баскервилей: огромная, черная, в ореоле синих призрачных огоньков, такая же мощная и свирепая. Акула скрылась. Он вновь увидел ее, когда всплыл. Она была у поверхности, но держалась в отдалении. Надолго ли?..

Надо плыть. Пусть акула, пусть сотня акул вокруг, он все равно должен плыть на юг, строго на юг!

Теперь движения его медленны. Он плывет брассом, ибо с акулы нельзя спускать глаз. И еще: ему хочется быть таким же неслышным, как она, медлительным и неторопливым.

Час проходит. И еще час... Ночное тревожное море. Тишина, изредка прерываемая всплеском волны... Внезапно

акула сворачивает и мчится по дуге, оставляя за собой четкий пунктир света. Вскоре человек заключен ею в огненное кольцо. Она продолжает чертить круги. И Карцов видит: кольцо сжимается...

Секунда — и плавник исчез. В то же мгновение Карцов бьет по воде руками, погружается. Резкими гребками он поворачивается в воде. Акулы нет.

Он продолжает путь. Так же, как прежде, акула кружит у поверхности. Но теперь Карцов почти не следит за ней. Он устал. Ноги ооченели. Хорошо, что на нем свитер. В свитере слой воды, нагретый теплом его тела. Сердце и легкие защищены. Это счастье, что он сохранил свитер.

Появилась луна. По мере того как она восходит к зениту, свечение в море слабеет. Сейчас лишь отдельные искорки вспыхивают на воде. Сама вода кажется маслянистой, тяжелой.

Человек плывет на юг. Акула тоже. Они движутся, не изменяя дистанции, будто связанные невидимой нитью.

Постепенно к привычным шумам моря примешивается прерывистый шорох. Он все слышнее. Неужели прибой? Карцов пытается восстановить в памяти сведения об острове, где находится база союзников. Да, близ него должны быть рифы.

Сильно стучит сердце. Трудно поверить, что спасение близко.

И тут в третий раз атакует акула.

Теперь она мчится по волнам, с шумом расплескивая воду. Живая торпеда в ночном море!

Карцов погружается — ногами вперед, запрокинув голову, не отрывая глаз от расплывчатого очертания луны на поверхности моря. И вдруг — луны нет. Это акула. Она там, где секунду назад ушел под воду Карцов, он отчетливо видит ее силуэт на фоне желтого светового пятна. Она неподвижна. В замешательстве, потеряв его из виду? Или ждет?

Карцов камнем сжался на глубине. Давлением воды его подталкивает к акуле. Он возле ее головы. Совсем рядом желтый светящийся глаз чудовища с узким кошачьим зрачком.

В отчаянии, покоряясь судьбе, Карцов делает шумный выдох. Бульканье пузырей.

И в тот же миг — рывок огромного тела, рывок такой мощи, что Карцова вышвырнуло из воды. Акула исчезла.

ГЛАВА 3

Смутно белеет в ночи гористый остров. Еще немного — и Карцов будет среди друзей. Остров — база флота союзников.

Рифы остались в стороне. Все ближе берег. Где-то здесь должен быть вход в бухту. Так и есть! Карцов проплывает мимо рифа, и глазам открывается бухта. Остров темен, в бухте же нет-нет да и мелькнет огонек. Один, довольно



яркий, горит на оконечности длинного мола. «Туда, — решает пловец, — и надо держать».

Бетонная громадина стеной поднимается из воды, ограждая базу от зыби. Там, где мол кончается, узкий вход в бухту, ее ворота. Сейчас бухта заперта — сведены плавающие боны, поддерживающие стальную сеть.

У противолодочной сети ячеи достаточно велики, чтобы сквозь них мог проплыть человек. В эту же и головы не просунешь. И сеть, надо думать, тянется до самого дна. Карцову остается одно — вплотную подплыть к молу: быть может, отыщется щель между стеной и боном.

Сравнительно легко проскользнув в бухту, он плывет вдоль мола, высматривая, где можно выбраться из воды.

Вдруг в глубине бухты вспыхивает прожектор, стучит пулеметная очередь. Тотчас включаются прожекторы в десятке других мест. Видны корабли, стоящие у причалов и посреди бухты — на бочках. Прожекторы шарят по воде. Пулеметы, которые теперь бьют и с берега и с кораблей, тоже целят вниз — там, где вода освещена, она временами вскипает от пуль.

Плыть дальше нельзя, оставаться на месте тоже: одна из пулеметных очередей угодила в бетон над головой Карцова, другая вспенила воду совсем рядом.

Между тем переполох в бухте растет. В стороне проносятся катер. Карцов кричит, но голос его тонет в реве мотора.

А пулеметы продолжают бесноваться. Отовсюду взвиваются осветительные ракеты. Где-то бьет пушка. «Надо быстрее выбраться из воды!» С этой мыслью Карцов продвигается вдоль мола, всматриваясь в стену. Впереди какая-то тень. Быть может, трап?

Карцов подплывает туда и вдруг оказывается в полосе света. Голос сверху приказывает ему не шевелиться. Слепленный, он бестолково вертится в воде. Рыча мотором, подскакивает катер, резко стопорит. Карцова втаскивают на борт.

— Эй, поглядите сюда, — по-английски доносится с мола, — вот он, второй. Хватай его, ребята!

В катер швыряют человека в черном резиновом костюме, с кислородным дыхательным прибором на груди.

Отвалив от мола, катер через несколько минут швартуется у трапа линкора. Владелец кислородного респиратора встает и, сопровождаемый автоматчиком, поднимается на борт корабля.

Очередь за Карцовым.

К нему по-английски обращается другой вооруженный матрос. Карцову ясен смысл приказа, но он плохо знает язык и по-русски объясняет, что встать и идти не может: очень слаб.

Тогда матрос переходит на немецкий.

— Живо! — командует он, подталкивая Карцова прикладом автомата. — Живо лезь наверх!

— Я не могу, — по-немецки говорит Карцов. — Я долго плыл и совсем обессилел.

Матрос раскрывает рот, чтобы ответить, но в бухте всплывает пламя, и все вокруг содрогается от оглушительного взрыва.

— Док! — горестно кричит матрос. — Они взорвали большой док!..

Он в упор глядит на Карцова. В его глазах ярость. Ствол автомата поворачивается. Вот-вот грянет очередь. И Карцову кажется: он прав, этот здоровенный моряк, который сейчас чуть не плачет.

— Отставить, Джабб! — раздается с борта линкора.

Матрос будто очнулся. Широкой пятерней он трет лоб, тяжело переводит дыхание.

— Доставьте его сюда! — приказывает тот же голос.

— Да, сэр. — Матрос Джабб запрокидывает голову. — Прикажите спустить фалинь, сэр. Пленный не может двигаться.

Сверху подали трос. Джабб обвязывает им Карцова, берется за трос сам, и вот они уже взмыли в воздух.

Над палубой их разворачивают и опускают. У Карцова подламываются ноги. Он бы упал, не поддержи его конвоир.

Карцова тащат по палубе, вталкивают в дверь.

Он жмурится от яркого света.

— Открой глаза, — требует Джабб, — открой глаза и отвечай!

Карцов продрог. Его бьет озноб. На лбу и на щеках — кровь. Он поранил лицо, когда, выхваченный из воды, был с силой брошен на палубу катера.

— Холодно? — рычит Джабб. — Погоди, скоро согреешься!.. Будь моя воля, поджарил бы тебя на медленном огоньке!

Карцов дрожит все сильнее. Кровь из большой ссадины на лбу заливает глаза, мешая смотреть.

Кто-то накидывает ему на плечи одеяло, вкладывает в руку стаканчик. Стуча зубами по стеклу, он делает глоток, еще глоток, и чувствует, как по желудку растекается теплота. Оочевенные мышцы расслабляются. Дышать легче.

— Кто вы такой? — спрашивает человек у стола.

Это лейтенант флота — представительный, осанистый, с темными внимательными глазами. Вот он достал сигарету, провел по ней языком, будто заклеил самокрутку, сунул в рот.

— Кто вы такой? — повторяет свой вопрос лейтенант.

Карцов объясняет.

— Ну-ну! — Лейтенант морщится. — Поберегите свои басни для других...

Карцов глядит в холодные со смешинкой глаза лейтенанта, и в груди поднимается волна злости.

Лейтенант берет за телефон.

— Пленный молчит, — говорит он в трубку, вновь облизывая сигарету. — Точнее, несет окошечку. Хорошо, сэр, сейчас доставлю.

Он кладет трубку, обращается к матросу:

— Приведите в порядок этого человека!

Карцову спиртом обмывают ссадины. Затем матрос немело делает ему перевязку — обматывает бинтами голову и лицо, оставляя щели только для глаз и рта.

Карцова приводят в салон, где капитан-лейтенант допрашивает человека в резиновом костюме.

— Ага, — восклицает он при виде вошедших, — вот и другой явился! Давайте его сюда.

Снова, уже во второй раз, Карцов сообщает, как оказался у мола, как был схвачен и поднят на борт катера.

Матрос Джабб бесцеремонно кладет руку ему на затылок.

— Сэр, — говорит он капитан-лейтенанту, — все, что вы сейчас слышали, чистая ложь. Ни слова правды, сэр. Они были рядышком, когда мы вытаскивали их из воды. Я находился в катере и все видел. Готов присягнуть, сэр!

— Так... — тянет офицер, глядя на человека в резиновом костюме. — Вы действовали вместе? Да или нет? Отвечайте. Еще один взрыв — и обоих вздернут на рее!

До сих пор допрашиваемый сидел спиной к Карцову. Сейчас он чуть поворачивает голову. Его глаза странно неподвижны, зато непрерывно шевелится большая нижняя губа. Он то и дело подтягивает ее и облизывает кончиком языка. Остальные мышцы лица мертвы. Во всем этом есть что-то змеиное, и Карцова передергивает от отвращения.

Это была его первая встреча с Артуром Абстом.

Несколько мгновений Абст глядит куда-то поверх головы Карцова, затем принимает прежнюю позу.

— Нет, — говорит он.

Офицер кривит губы в усмешке.

— Разумеется, и вы впервые видите этого джентльмена? — обращается он к Карцову.

— Да, впервые! — кричит Карцов. — У вас есть радио, снесите со своим командованием, пусть сделает запрос в Москве!

Помощник следователя — лейтенант, ведущий протокол допроса, откладывает перо и поднимает голову.

— Вы согласны, чтобы туда было послано и ваше фото? — говорит он. — Вас не страшит ответ, который придет из далекой России?

— Я настаиваю на этом. Я требую!..

— Эй, вы, потише! — Капитан-лейтенант хмурится. — Скоро вы вдосталь накричитесь. — Он обращается к Абсту: — Выкладывайте, как вы проникли в бухту? Какие средства использовали при подрыве дока? Кто это сделал? Сколько вопросов! — Абст морщится. — А потом, когда я отвечу, меня уничтожат?

— Отвечайте чистосердечно, и я сохраню вам жизнь.

— Даете слово?

— Да, если будете откровенны.

— Хорошо. — Абст делает паузу, как бы собираясь с мыслями. — Я немец, член боевой группы пловцов из пяти человек, доставленных подводной лодкой. Она выпу-

стила нас, лежа на грунте. Ваши люди разини. Мы проникли сквозь заграждения под самым их носом.

— Буксируя подрывные заряды?

— Именно так.

— Минирован был только док? Он один? А корабли?

— Оказавшись в бухте, мы расплылись по объектам, которые каждому были определены заранее. Внезапно мой дыхательный аппарат отказал. Я должен был подняться. Спрятавшись у стены мола, я пытался устранить повреждение. Не успел...

— Закончив, вы должны были вернуться на лодку? Она ждет вас?

— Этого я не скажу.

— Отвечайте, — кричит капитан-лейтенант, вытаскивая пистолет. — Даю минуту сроку!

— Хорошо. — Абст втягивает голову в плечи, опускает глаза. — Хорошо, я скажу... Да, она ждет нас.

— Где? — Следователь небрежно роняет вопрос. На лице его равнодушие. Но Карцов видит, как напряглась его шея и подрагивают пальцы руки, которыми он упирается в стол. — Где ваша лодка?

Абст медлит с ответом.

— Где подводная лодка? — повторяет вопрос капитан-лейтенант.

— Там же, — говорит Абст, не поднимая глаза от стола. — Там же, где и была.

— Ее координаты?

— Шесть миль к западу от оконечности мола. Она лежит на грунте.

Помощник хватает трубку телефона, набирает номер и передает следователю. Тот докладывает о германской субмарине.

— Вы потопите ее? — вяло роняет Абст.

— Продолжайте, — сурово говорит капитан-лейтенант, — выкладывайте все. Что еще должны были минировать ваши люди?

Абст молчит. Все его внимание поглощено кислородным прибором, который лежит на столе следователя. Вот он протянул к нему руку, ощупал гофрированный шланг, маску.

— Вы поймали меня, потому что отказал респиратор, — говорит он в ответ на вопросительный взгляд капитан-лейтенанта. — Никак не возьму в толк, что же с ним случилось... Позвольте взглянуть?

Офицер не возражает. Немец сломлен, стал давать показания. Отчего и не разрешить ему эту маленькую вольность?

Абст умело разбирает клапанную коробку — металлический патрубков, соединяющий шлем со шлангом.

— Так я и думал! — говорит он со вздохом. — Перекосилась пружина. Достаточно слегка подправить ее. Вот так. Видите, она стала на место? Теперь все в порядке. Респиратором можно пользоваться.

Свинтив патрубков, Абст откладывает аппарат и вновь застывает в неподвижности.

Допрос продолжается. Задав Абсту еще несколько вопросов, капитан-лейтенант обращается к Карцову.

Тот пытается встать со стула.

— Можете сидеть.

— Отправьте меня к начальнику вашей базы. Я должен сделать важное заявление.

— Говорите.

— Я буду говорить только с комендантом базы!

— Садитесь, — повторяет капитан-лейтенант и вновь берется за пистолет. — Сесть на место!

Джабб подходит и толкает Карцова на стул.

— Ну, я жду. — Следователь опускает пистолет. — Делайте ваше заявление.

— Вы немедленно передадите его коменданту базы?

— Да.

— Доложите ему, что здесь находится офицер советского военного флота, который был взят в плен германской подлодкой, бежал с нее, вплавь добрался до вашей базы и вновь оказался в плену, но уже у своих союзников. Доложите, что русского моряка посадили рядом с фашистским бандитом и допрашивают наравне с ним!

— Это все?

— Все, — шепчет Карцов, — все!..

Капитан-лейтенант в замешательстве. Он видит состояние сидящего перед ним человека, протягивает руку к телефонной трубке.

И тут впервые показывает себя Абст.

Неожиданно он обнимает Карцова, дружески хлопает его по плечу.

— Ладно, ладно, — ласково говорит он, — хватит валять дурака! Мы проиграли, и теперь каждый должен подумать о себе.

Абст обращается к следователю.

— Это боевой пловец нашей группы. Ему было приказано подвесить два заряда под килем вон того корабля. — Абст подбородком показывает на иллюминатор, за которым в наступившем рассвете виден стоящий на бочке крейсер. — Он охотно расскажет, где заряды и как их обезвредить, если вы и ему сохраните жизнь.

Карцов изо всех сил толкает немца.

Капитан-лейтенант насмешливо улыбается.

— Ловко! — говорит он, проводя пальцем по своим усикам. — Ну что, мы и дальше будем ломать комедию?

Карцов ошеломленно смотрит на немца. А тот не сводит глаз с большого хронометра на переборке салона. Он подался вперед, ссутулчился от напряжения, почти не дышит. Он весь ожидание.

Чего он ждет? Догадка приходит мгновенно: это он минировал крейсер. Теперь, подставив Карцова, он отводит от себя удар и, кроме того, губит противника — советского офицера.

— Крейсер, — кричит Карцов, — спасайте крейсер!

Могучий корабль недвижим в спокойной воде бухты. И вдруг он вздрагивает. Над бортом встают столбы воды, дыма.

Взрыв так силен, что линкор дрогнул, в салоне распахнулся иллюминатор. Карцова сбросило со стула. Конвоир и лейтенант валятся на него.

Сквозь ворвавшийся в помещение дым виден капитан-лейтенант, прикивший к иллюминатору. Высоко поднимая ноги в ластах, к нему крадется Абст.

— Берегитесь! — кричит Карцов.

Поздно! Немец уже рядом, бьет противника, и тот падает.

Второй взрыв. Линкор снова качнуло.

— Держите его, Джабб! — кричит лейтенант, указывая на Карцова. — Крепче держите! Я схвачу другого!

Он вскакивает на ноги, но, споткнувшись, падает. Пока он встает, Абст с респиратором в руках уже протиснулся в иллюминатор. Мелькнули в воздухе его широкие черные ласты...

ГЛАВА 4

Высокий тощий коммодор¹ читает вслух бумагу, которую держит обеими руками. Слева и справа от него — по офицеру. В мундирах, при кортиках и орденах, они стоят на вытяжку, как на смотре.

Три офицера — это военный суд. Карцова отделяет от них стол, накрытый зеленым сукном.

Есть и четвертый член суда — тот самый представительный лейтенант, что участвовал в первых допросах Карцова и безуспешно пытался схватить Абста. Сейчас он выполняет обязанности секретаря, восседая за столиком в углу. Здесь же присутствуют матрос Джабб, еще один конвоир да два майора контрразведки — они стоят у двери.

Все это происходит на борту линкора, в салоне, где неделю назад излишне самоуверенный капитан-лейтенант устроил очную ставку Карцову и пленному немцу. С тех пор Карцов не видел этого офицера: допрос выловленного в бухте пловца вели члены морской контрразведки. С подследственным они разговаривали по десяти-двенадцати часов кряду, были вежливы и корректны, угощали кофе и сигаретами и... не верили ни единому его слову.

Ими было бесспорно установлено: в бухте, у мола, в одну и ту же минуту часовые обнаружили, а патрульный катер захватил двоих диверсантов — человека, который сейчас сидит перед ними, и другого, его партнера. Тот, второй, был в резиновом костюме и ластах, располагал кислородным прибором для плавания под водой. Отвечая на вопросы следствия, он установил личность своего коллеги, показав, что тому было поручено минировать крейсер. И действительно, вскоре корабль был подорван. Случай помог бе-

¹ Коммодор — первый адмиральский чин в военно-морском флоте некоторых стран.

жать человеку в резиновом костюме. Оставшийся должен отвечать за диверсию.

Карцов спорил, объяснял смысл показаний Абста. Но старший следователь, пожилой человек в чине майора, был непреклонен.

— А что, если предположить обратное? — говорил он. — Вас схватили, вы знаете: с минуты на минуту под килем корабля взорвутся заряды. Поэтому вы решаете разыграть невинность, все свалить на товарища. И вот мы видим ваши вытаращенные в ужасе глаза, слышим ваш взволнованный голос: «Крейсер спасайте, крейсер»! Вы отлично знали: взрыв неотвратим, уже ничто не спасет корабль.

— Я говорю правду: я советский моряк.

— Мне еще не случалось видеть советских моряков, которые татуировали бы на своей коже немецкие имена, да еще латинскими буквами.

— Я объяснял и это.

— Придумали, хотите вы сказать!

— Объяснял.

— А это как объясните?

Карцову показали радиограмму. Оказывается, они все же радировали на материк, а оттуда был сделан запрос в Москву. И вот ответ: командование советского Военно-Морского Флота подтверждает гибель корабля названного класса со всем экипажем такого-то числа, в таком-то квадрате. Подтверждена и фамилия врача. А в заключение указывается: «На левой руке капитана медицинской службы Кирилла Карцова татуировки не было».

— Ну вот, — сказал следователь, иронически глядя на допрашиваемого, — вот как обстоит с «Хансом»!

— Ни в штабе флота, ни даже в штабе соединения, в которое входил мой корабль, не могли знать о татуировке.

— Кто же знал?

— Очень немногие... Вы видите, она у самого плеча, чтобы показать ее, надо снять китель.

— Кто же мог знать о татуировке? — настаивает следователь. — Отвечайте, я предоставляю вам все возможности оправдаться.

— Члены экипажа корабля, на котором я проходил службу.

— Люди «вашего» корабля, которые сейчас мертвы? — Следователь не скрывает сарказма. — Вы правы, это отличные свидетели!

— Но я наизусть перечислил весь экипаж моего корабля, назвал имена людей, их флотские звания, даже указал приблизительно возраст каждого. А вы не сочли нужным передать в Москву это важнейшее доказательство того, что я — это я!..

— Сдается мне, что корабль, о котором идет речь, ваши коллеги не утопили, а захватили. Люди с него убиты или в плену. Эта же судьба постигла и судового врача. Кто мог помешать вам, разведчику и диверсанту, вызубрить два-три десятка имен?

— Еще аргумент: вы видите, как я владею русским языком. Был приглашен переводчик, и он...

— Не менее блистательно вы владеете немецким.

— Прошу вас, пошлите в Москву мое фото!

— Не вижу смысла. Да это и невозможно.

— Почему?

— Бильд с метрополией не работает. Самолеты туда не летают. Остается отправка со случайным судном. Долго. За это время вы столько успеете...

— Сбегу? Но мы на острове.

— Э, не выдавайте себя за желторотого!.. Старшина Динкер, который был назначен неотлучно находиться при вашей персоне, вчера явился с просьбой. Оң, видите ли, сомневается в том, что вы немец. Вот и пришел просить тщательно во всем разобраться... А Динкер потерял на войне брата, от одного слова «наци» его бросает в жар. И этого-то парня вы окрутили и прибрали к рукам! Могу сообщить: вы его больше не увидите. Его место займет матрос Джабб. Он вылавливал вас из воды. Он слышал, как вас изобличил ваш же коллега. Попробуйте разложить его, добейтесь этого — и я скажу: вы сам дьявол!.. Впрочем, уже завтра дело ваше будет закончено.

— Меня будут судить?

— Разумеется.

— Но вы считаете меня немцем, а военнопленных полагаются...

— Стоп! — Майор презрительно оглядел допрашиваемого. — Вон как вы поворачиваете. Не надо путать. Вы не были в форме армии своей страны, когда попали к нам, не смогли предъявить установленного воинского удостоверения. Поэтому вас будут судить как диверсанта и убийцу.

— Что же грозит диверсанту и убийце?

— Боюсь, что не могу вас обнадежить. На снисхождение можно надеяться в одном только случае. Вы знаете, в каком?

— Я должен дать ценные показания?

— Настолько ценные, чтобы они перевесили тяжесть совершенного вами преступления.

— Но я не немец. — Карцов устало потирает виски. — Поймите: вы совершаете ошибку.

Таков был последний разговор со следователем. Он происходил вчера. А сегодня Карцова судят. Точнее — уже судили, ибо сейчас читают приговор.

Процедура была недолгой. Огласили формулу обвинения. Задали несколько вопросов и опросили свидетелей — Джабба и еще двоих матросов. Далее коммодор совещался, сперва с соседом справа, затем — слева. Секретарь подал ему лист бумаги, коммодор просмотрел его, дал подписать членам суда.

Это и есть приговор, который сейчас оглашают.

У офицера, который читает приговор, глухой, простуженный голос. Вот он закончил, опустил бумагу, снял очки.

— Поняли все? — спрашивает он, строго моргая ресницами.

Карцов молчит.

— Вас приговорили к смерти. — Офицер таращит глаза, надувает щеки. Маленький, с непомерно развитым подбородком, он весьма горд выпавшей на его долю миссией. — Как лазутчик и диверсант вы будете казнены. Согласно уставу приговор военного суда обжалованию не подлежит...

Карцов поворачивается и медленно идет к двери. Пропустив его, конвоиры движутся следом.

Он выходит на палубу.

Просторная бухта сияет в лучах яркого южного солнца. Вода неподвижна, вдавленные в нее тяжелые тела кораблей — тоже. А на горизонте, который сейчас едва обозначен, четким треугольником проектируется далекая одинокая скала. Странно, что Карцов не заметил ее, когда плыл. Если бы он задержался там на часок, все могло быть иначе.

Сзади протягивается рука Джабба. Между указательным и большим пальцами с толстыми обкусанными ногтями зажата сигарета, остальные держат зажигалку. Карцов берет сигарету. Пальцы Джабба приходят в движение, крышка зажигалки отскакивает, и Карцов прикуривает от крохотного огонька.

После первых затыжек кружится голова. Но это быстро проходит. И вновь глядит он на далекую коническую скалу. Почему так притягивает к себе одинокий камень? На Каспии, у входа в родную бухту, тоже высится горбатый остров. Напоминает этот...

Сигарета докурена. Так хочется еще!.. Он оборачивается. Встретившись с ним взглядом, Джабб достает пачку.

ГЛАВА 5

Они лежат в чуть покачивающихся койках — Джабб вверх лицом, Карцов — на боку, подложив руки под щеку. Койки подвешены рядом, и Джабб, если хочет, может рукой достать до Карцова. Время от времени он так и делает — не поворачивая головы, проверяет, все ли в порядке с осужденным.

Джабб сторожит Карцова в камере. Узким коридором карцер сообщается с палубой. Там прохаживается еще один страж.

Осужденного бдительно стерегут. Он не должен бежать. Он не должен сам лишить себя жизни. Это сделают другие, которых, быть может, уже назначили. Их будет двое, если его собираются повесить, и человек пять-шесть, если предстоит расстрел. Он не помнит ни слова из приговора, не знает, какая смерть ему определена. Разумеется, можно спросить — Джабб рядом...

Вновь касается койки рука Джабба, нашаривает плечо пленника. Скосив глаза, Карцов видит кулак с зажатой в нем сигаретой, берет ее. Джабб тотчас чиркает зажигалкой.

Но прикурить не удастся. Кто-то идет по коридору. Дверь открывается. На пороге майор контрразведки — тот, что вел «дело» Карцова.

Джабб кубарем скатывается с полки. Конвоир, дежурящий в коридоре, вносит брезентовые разnojки, ставит их у стены и уходит.

Джабб тоже направляется к двери.

— Отставить, — говорит майор. — Будьте здесь.

— Да, сэр. — Джабб отходит в угол.

Майор обращается к Карцову. Тот все еще лежит в койке. В его руке сигарета, которую он так и не успел зажечь.

— Я должен побеседовать с вами, — говорит майор. — Встаньте и подойдите.

И вот они сидят на табуретах в метре друг от друга.

Майор приступает к делу без околичностей. Исполнение приговора не задержится — распоряжения уже сделаны. И если осужденный хочет спасти себе жизнь, следует поторопиться. Приговор нельзя отменить или обжаловать. Но старший военный начальник, в данном случае комендант базы, обладает правом помилования.

Майор продолжает говорить. Карцов наблюдает за ним. Это уже немолодой, но по-спортивному подтянутый человек. Кожа на его лице розовая, гладкая. В глазах, в голосе много энергии. И только седеющая голова да руки в морщинах свидетельствуют о том, что офицеру не так уж и далеко до старости.

Между тем майор вынимает и разворачивает бумагу.

— Прочтите, — говорит он Карцову, — прочтите сами.

Карцов читает:

«КОРВЕТЕН-КАПИТЭНУ¹ АРТУРУ АБСТУ. ОПЕРАЦИЯ «БЕЗУМЦЫ». ДЕНЬ X — 5 ИЮЛЯ 1943 ГОДА.

КАНАРИС».

Прочитав, он опускает бумагу, вопросительно глядит на контрразведчика.

— Подписано: «Канарис», — негромко говорит майор, пряча документ. Вскинув голову, он глядит на Карцова. — Что вам известно об операции «Безумцы»?

Карцов пожимает плечами.

— Бумага эта попала к нам в руки позавчера, — продолжает майор. — Близ базы мы потопили одну из ваших подводных лодок. Идя ко дну, она, по счастью, оказалась на рифах, сравнительно неглубоко. Водолазы проникли в нее, извлекли из каюты командира сейф. Этот документ, надлежаще опечатанный, хранился в отделении сейфа, которое имело механизм уничтожения. Как видите, есть все основания полагать, что отправители считают его важным. А на конверте значились только фамилия и имя, которые

¹ Корветен-капитэн — чин в гитлеровском ВМФ, соответствует капитану третьего ранга (майору).

нам ничего не говорят. Кто такой Абст? Что за операция «Безумцы»? Вы должны о ней знать.

Карцов не выдерживает. Ринувшись к майору, он хватается его за грудь, подымает с табурета, трясет.

— Поймите, — кричит он в бешенстве, — поймите, я русский, русский!

Джабб с трудом оттаскивает его и сажает на место.

Майор приводит в порядок свой мундир, приглаживает волосы.

— Вы хотите знать, почему я столь настойчив, — говорит он все тем же ровным, спокойным голосом. — Видите ли, вы изволили прибыть к нам именно пятого июля, то есть в тот самый день, который объявлен началом операции «Безумцы». Согласитесь, что мы вправе делать кое-какие выводы! Мы еще раз просим, расскажите все, что знаете. Я уполномочен заявить, что ваше положение может круто измениться к лучшему. Поэтому внимательно выслушайте то, что я скажу... Итак, ваши пловцы атаковали базу. Можно не сомневаться, что будет и вторая попытка и третья. Словом, они не оставят нас своими заботами. И вот мы разработали план. В момент, когда база подвергнется очередной атаке, вы бежите. В дальнейшем события развернутся так: оказавшись на свободе, вы постараетесь встретиться со своими — мы поможем в этом. Но не беда, если встреча не состоится. Мы предусмотрели и неудачу. В этом случае вас доставят непосредственно на территорию Германии или одной из стран, оккупированных ее войсками. Все будет сделано безупречно, ни у кого не возникнет и тени сомнения в том, что вы бежали, проявив чудеса находчивости и смелости. А потом вы начнете работать. Вы поможете нам ликвидировать корабли и базы, с которых действуют подводные диверсанты. И я заверяю, что ни один волос не упадет с головы отважных германских воинов, которых с вашей помощью мы возьмем в плен. Когда закончится война, они вернуться домой целые и невредимые. Конец же, как вы понимаете, уже предопределен. После тяжелого поражения, которое потерпели ваши армии на русской реке Волге, Германию ничто не может спасти. Вот почему, помогая нам, вы помогаете и своей стране. Она обречена. Она тем более обречена, что не дремлют и Америка с Британией. Поэтому человек, который в этих условиях приближает конец войны, поступает благородно.

— Я советский офицер, — говорит Карцов.

— Это ваше последнее слово?

Помедлив майор встает и, словно нехотя, идет к двери. Задержавшись у выхода, он оборачивается.

— Уж не считаете ли, вы, что мой визит и мое предложение, равно как и суд над вами, — инсценировка?.. Быть может, вы думаете: «Это проделано с целью заставить меня признаться». Ошибаетесь, если так. — Майор морщится, будто у него болит голова. — И сейчас вы упустили свой последний шанс. Очень жаль, ибо я почему-то питаю к вам чувство симпатии.

И он выходит.

Выждав, Джабб присаживается на табурет, касается рукой плеча пленника.

— Послушай, а ты зря отказался. Согласился бы — и дело с концом! Ну, чего тебе стоило? Майор сказал правду: фашистам конец один. Это уж как пить дать, не сомневайся! Гляжу на тебя и никак не возьму в толк: чего ты артачишься?

Карцов молчит.

Матрос решительно кладет руку ему на плечо.

— Отвечай! Не желаешь? Ах, вот как!.. Выходит, ты и впрямь гитлеровский фанатик. Что ж, коли так — дьявол с тобой, подыхай, не жалко!

Карцов вскакивает с табурета. Подымается и матрос.

Они стоят в метре друг от друга — Карцов с бешеными глазами на белом до синевы лице и Джабб, тоже очень взволнованный.

В последние дни Джабб приглядывается к осужденному, и его все больше гложут сомнения. Их заронил дружок — тот самый старшина Динкер, которого по требованию майора контрразведки списали на берег. В ожидании катера Динкер улучил минуту и, озираясь по сторонам, поманил пальцем приятеля. «Джабб, старина, — зашептал Динкер, — они повесят русского. Я вышел из игры, ты вступаешь в нее. Поговори с ним, раскинь мозгами. Может, что и сделаешь для бедняги». Джабб оцепенел. Он едва удержался, чтобы не двинуть Динкера кулаком: не впутывай в историю!..

Динкер уехал. И вот Джабб вторую ночь без сна. А этот последний разговор майора со смертником окончательно доконал матроса. Подумать только: человеку предложили жизнь, свободу, а он ни в какую!.. Гитлеровский фанатик? Но фанатик не стал бы прикидываться русским — на то он и фанатик. А если и сделал такую попытку раньше, то теперь, после приговора, на все бы пошел, только бы вернуться к своим и снова взять в руки оружие!..

Карцов бредет к койке, падает на нее и, отвернувшись к стене, затихает.

Джабб трет руками лицо, голову, что-то бормочет. Решившись, подходит к койке.

— Эй, приятель, а ну, отвечай. Ты немец?

Карцов молчит.

— Да отвечай же! — У Джабба глаза наливаются кровью, плечи вздрагивают, он подался вперед, выставил трясущиеся кулаки. — Матерью своей поклянись, что не лжешь!

— Русский, — шепчет Карцов.

Толстое бугристое лицо Джабба покрывается пятнами, руки повисают вдоль туловища.

— Силы небесные, — в страхе бормочет он, — как же так получилось?! — И вдруг кричит: — Верно, все верно! Уж нацисты быстро бы раскусили, какой ты немец!

Джабб подтаскивает табурет к койке, садится, большим клетчатым платком вытирает глаза, щеки, лоб, шумно сморкается.

— Я бы сходил к майору, — говорит он, чуточку успокоившись, — так, мол, и так, посылайте новый запрос. Но считаю, будет не польза, а вред. Спишут, как Динкера. Еще и всыпят. Ах, дурень я, дурень, не поверил ему! А ведь знал: Динкер лет пятнадцать назад побывал в России. Подмахнул контракт с фирмой — и айда к Советам строить завод! Слушай, он не приврал, он и впрямь работал в городе, откуда ты родом?

Карцов кивает.

— Ну и ну!.. — шепчет Джабб. — Вот ведь как может случиться!.. И он забросал тебя вопросами: сейчас, мол, выведу его на чистую воду! Так было дело? После разговора с тобой он прямиком двинул к майору, не побоялся. У майора слопал отказ — хотел до самого адмирала дойти. А вышло: списали парня с корабля, да еще и вlepили неделю отсидки. Это значит — не лезь не в свое дело!

— У меня просьба.

— Выкладывай!

— Можно отправить письмо?

Джабб сдвигает брови, отворачивается.

— Видишь ли, оно не дойдет в срок.

— Значит, со мной... скоро?

— Завтра.

— Все равно, — твердит Карцов. — Все равно, надо отправить письмо.

— Я все соображаю, что бы придумать?

— Поздно.

— Поздно, когда убьют. До тех пор не поздно.

— Но что можно сделать?

— Бежать! — выпаливает Джабб.

Карцов ошеломленно смотрит на матроса.

— Бежать, — решительно повторяет тот. — Майор же тебе предлагал? Теперь предлагаю я! Может, откажешься?

— Мы на острове. Куда бежать?

— В море. Тебя в море выловили, в море и отправляйся.

— Я сбегу, а вас отдадут под суд.

— Будет суд или не будет, это еще как сказать. Скорее всего, обойдется. Конечно, всыпят так, что шкура будет трещать. Но ведь дело стоит того? — Джабб хватает Карцова за грудь, стаскивает с койки, тербит. — Беги, русский! Может статься, встретишь конвой — корабли часто проходят севернее базы. Случись такое — и твое дело в шляпе! А на крайний случай — лучше погибнуть в море, чем болтаться в петле!

— Совершив побег, я тем самым подтверждаю...

— Вон ты куда хватил! Да ни дьявола ты не докажешь своей смертью! Убьют — и баста! Так вот, ты сбежишь, а потом я изловчусь и отправлю весточку.

— Как же вы все устроите?

— Не твоя забота! — Джабб озабоченно смотрит на часы. — Времени в обрез. Схожу принесу бумагу, составишь письмо. А потом — с богом! До рассвета должен выбраться из бухты.

— Сколько же сейчас времени? — не выдерживает Карцов.

— Двадцать три часа без самой малости.

Карцов ходит из угла в угол, стараясь шагать медленнее, ровней дышать. Как мчится время! Кажется, только что покинул камеру Джабб, а наверху уже пробили очередные полчаса.

По трапу стучат шаги.

Дверь отворяется. Это снова майор.

Зачем он пришел? Неужели Джабб все же обратился к нему?

Карцов заставляет себя неторопливо пройти к койке, лечь и закрыть глаза.

— Я подумал, что напоследок вам все же захочется повидать меня, — говорит контрразведчик.

Ответа нет.

— А где Джабб? — спрашивает майор у часового в коридоре.

— Не знаю, сэр. Недавно он отлучился, сказав, что скоро вернется. Должен быть с минуты на минуту. Да вы не беспокойтесь: здесь все в порядке.

Джабб не ходил к майору. Карцову кажется, что он ослышался. Но нахлынувшая было радость сменяется острой тревогой. Вот-вот Джабб вернется, майор уведет его с собой, задержит!

— Прощайте, — говорит контрразведчик.

И еще с минуту медлит у двери.

Оставшись один, Карцов облегченно переводит дыхание. Но опасность еще не миновала — майор может встретить Джабба на трапе, на палубе... Скорее бы все решилось!

Время бежит, бежит... Снова шаги в коридоре.

В камеру входят часовая и незнакомый матрос. Оба вооружены. Это смена. В полночь на кораблях всех морей и океанов сменяются вахты. Вот и здесь, у карцера, вступает на пост новый страж. Один сдает осужденного, другой принимает его.

Склянки возвещают о начале новых суток. А Джабба все нет... Почему? Отпереть свой рундук, взять блокнот и перо — минутное дело. Он же отсутствует больше часа.

Вдали возникает рокот. Похоже на шум турбин корвета. Вскоре доносятся и удары глубинных бомб, сбрасываемых перед входом в бухту, чтобы отгонять субмарины немцев.

А что, если подводные диверсанты вновь перебрались через боны и сейчас подвешивают заряды к киям кораблей? Тогда опять захочут взрывы, все вокруг придет в движение, бухту ярко осветят, и о побеге нельзя будет и думать.

Один удар колокола: половина первого ночи. Через четыре часа рассвет, после которого, если бежать не удастся, для Карцова уже не будет ни дня, ни вечера.

И вдруг кто-то берет его за плечо.

— Джабб, — шепчет Карцов, — Джабб!..

— Ну-ну, — бормочет матрос, — будет нервничать. Вот бумага и ручка. Не мешкай, пиши.

— Спасибо.

— Смелее пиши, открыто. Я надумал, как устроить, чтобы письмо дошло. Тут один матрос списывается подчистую. Надежный парень, не подведет. Доставит письмо на метрополию. А там, мне говорили, сейчас много ваших ребят. Кому-нибудь из них и передаст. Ловко?!

— Да, да. — Карцов благодарно кивает.

...Исписана страница, вторая...

Джабб берет письмо, прячет на груди.

— Все будет как надо, — бодро говорит он. — Вот увидишь, мы еще повоюем!.. А теперь слушай новость. Это чтобы сил у тебя прибавилось перед трудным делом. Так вот, ваши дали нацистам по зубам, крепко дали, парень!

— Где?.. Да говорите же!

— Я, видишь, запомнил, как он называется, этот город. Не так уж и далеко от Москвы. Пятого июля немцы начали наступление. Здорово начали. Но русские были на чеку. Неделю оборонялись, а сейчас пошли вперед. Радио передало: нацисты наложили в штаны и бегут. Такие дела! Так что гляди веселей!

Карцов хватая Джабба за плечи, крепко целует.

Огоньки вспыхивают в широко раскрытых синих глазах матроса, огоньки радости, даже удивления. Или так показались Карцову? Быть может, Джабб все еще сомневался в нем и окончательно поверил только сейчас. Не потому ли он и не возвращался так долго?

— Пришлось выждать, — говорит Джабб, как бы отвечая Карцову. — Прежний часовой не выпустил бы тебя в ночное время. — А новый — порядочная разиня. Скажу, что у арестованного неладно с желудком, он и не станет артачиться. Теперь слушай, да повнимательней. Как окажемся на палубе, двинем прямоком на бак. Сделаешь десяток шагов и упрешься в кнехт левой скулы. Там и подвязан конец. Присядь, нащупай его, лезь за борт. И — с богом! Понял?

— Понял, — поспешно отвечает Карцов. — Идемте!

— Погоди... Оказавшись в воде, не отплывай от борта, держи вдоль него к штевню, а оттуда — к бочке, на которой стоит корабль. Ты должен доплыть до нее и спрятаться, прежде чем я подниму тревогу.

— Понимаю.

— У тебя будет минуты две, от силы — три. Успеешь?

— Постараюсь, — шепчет Карцов, вздрагивая от волнения.

— И упаси тебя боже шуметь! Поднимешь шум — мы с тобой мертвецы. Это хорошенько запомни...

— Ясно. Идемте же!

— Сейчас пасмурно, — продолжает Джабб, — видимость — ноль. Ветер с оста, слабый. Море — два балла. Словом, погода что надо! Хотя ветер, сдается мне, будет сильнее. К утру может заштормить... Линкор стоит кормой к бонам. В ту сторону я и буду палить, как подниму трево-

гу. Арестант, мол, кинулся к борту. Тут я, не мешкая, всадил в него полдюжины пуль, он и пошел на дно кормить кальмаров.

— Нужен всплеск от моего «падения» за борт.

— Будет! — Джабб хитро щурит глаз. — У борта наготове балластина.

— Понятно.

— А ты замри за бочкой. Не дыши. Должен выждать, пока не погаснут прожекторы и не уймётся кутерьма. — Джабб достает из кармана какой-то предмет. — Голова-то, вижу, зажила. Держи, натянешь на нее.

— Зачем? — Карцов недоуменно разглядывает сетку для волос.

— Наденешь, как окажешься в море. Дно бочки в космах водорослей. Нарви их, заприхай в ячеи сетки — будет маскировка. Так и плыви: весь внизу, под водой, наверху одна голова в сетке, из которой торчит трава. Разумеешь? Ногами не очень-то двигай. Пусть тебя несет течением. Как раз попадешь к бонам. А там действуй, да попроворнее.

— Спасибо...

Джабб показывает небольшой пакет.

— Провизию тебе собрал: шоколад, сахар. Все в резиновом мешке, воды не боится. Передом наверху. Внутрь положил груз. На случай, ежели что неладное... Пакет не должен попасть в чужие руки. Выпустишь его, и он потонет.

Матрос в последний раз оглядывает товарища.



— Ну, брат, отвоюемся, буду искать тебя. Город, откуда ты родом, я запомнил. Ты уж того... не помри до тех пор!..

И он шутливо тычет кулаком в грудь Карцова. Он нарочито груб, в его голосе, жестах бравада. А глаза смотрят печально.

— Ну, все! — Джабб решительно разрубил ладонью воздух. — Двинули.

Он подходит к двери, стучит.

— В гальюн, — небрежно роняет он в ответ на вопросительный взгляд часового. — У парня светло брюхо.

Палуба встречает их могильной чернотой теплой пасмурной ночи. Сеет дождь. С берега тянет горелым каменным углем. Тихо.

Карцов невольно останавливается.

— Иди, — шепчет Джабб и подталкивает его в спину.

Карцов делает несколько шагов и натывается на препятствие. Это кнехт, о котором упоминал матрос.

Присев на корточки. Карцов торопливо ощупывает литой чугунный чурбан. Ага, вот он, трос!

— Скорее, — слышит он шепот Джабба. — Живее поворачивайся! На-ка, держи!

В руки Карцова переходит пакет с шоколадом и сахаром.

— Бери и это!..

Джабб нащупывает ладонь Карцова и вкладывает в нее тяжелый плоский предмет. Это складной матросский нож.

Нож и пакет запиханы в карманы штанов, в одном из которых уже лежит сетка для волос.

Карцов нащупывает руку спасителя, сжимает ее. Скользя за борт, он повисает на тросе.

Вот и вода.

Он отпускает трос. Тот мгновенно уходит вверх — Джабб спешит убрать его, чтобы не осталось следов.

ГЛАВА 6

Луны нет. Черное небо усыпано крупными звездами. Они мерцают, пульсируют. Иные вспыхивают и, распушив огненные хвосты, бесшумно катятся по небосводу в черную теплую воду.

В ночном море, оставив позади остров и базу, плывет Карцов, плывет неизвестно куда. Что ждет его? Встретит ли он конвой, о котором упоминал Джабб? Очень мало надежды, что корабли появятся именно в эти часы и пловец будет замечен во мраке, взят на борт, спасен...

Карцов закрывает глаза. Он так ясно видит корабль, который вдруг встретится на пути!.. Он отдохнет, отоспится, придет в себя. Промелькнут годы. Отгремит война. И вот он получает приказ явиться на этот трижды проклятый

остров. Он прибудет туда на советском боевом корабле, в парадном мундире, при всех орденах. И он, конечно, отыщет тех, кто допрашивал его и осудил!.. Но главное — встреча с Джаббом. К его форменке он привинтит свой самый дорогой орден. Можно представить, какие будут глаза у матроса! Джабб не промолвит ни слова, только вытянет из кармана штанов кулак, разожмет его, и в нем окажутся две сигареты. И они покурят и помолчат...

С шорохом набежала волна, накрыла с головой. Карцов отплеивается. Надо плыть. До цели не меньше двенадцати миль. Цель — это далекий утес, что был виден с борта линкора.

Рассвет подкрадывается незаметно. Кажется, что темно по-прежнему, но вот уже можно различить воду метрах в двух от себя, затем — в трех, в четырех... Вскоре из молочной мглы, проступает широкая полоса моря, подернутого кольшущейся пленкой. Где же утес?

Карцов всматривается в море. Вокруг лишь вода. Скалы нет, хотя по времени ей пора показаться. Уж не сбился ли он с курса? Напрягая все силы, он приподымается в воде, вытянув шею, тщательно изучает горизонт.

Он все больше верит, что скала — это спасение. Вскрабавшись на нее, он обязательно будет замечен с проходящего корабля. Его увидят, возьмут на борт, доставят на Родину... Только бы отыскать скалу!

И тут ударяет шквал.

Ветер кромсает море на мелкие злые волны, расшвыривает их в стороны, вздымает к небу клочья желтой пузырястой пены.

По ноздри погруженный в клокочущую воду, Карцов отчаянно борется со стихией. Волны толкают его, хлещут в затылок, в лицо, вода заливают рот.

О том, чтобы держаться нужного направления, он уже не помышляет. Все усилия сосредоточены на одном: не захлебнуться, успеть сделать вдох, прежде чем накроет очередная волна!

Гигантская серая махина возникла внезапно, в какой-нибудь полумиле — ветер разбросал клочья тумана, и Карцов увидел мрачные крутые стены и ожерелье бурунов под ними. Рифы? Да, несомненно, скалу окружает кольцо рифов.

Большая волна. Пловец на ее вершине. Теперь скала видна лучше. До нее совсем недалеко. Но он уже не спешит. Надо все осмотреть, отыскать подходящее место для выхода из воды.

Снова и снова взлетает Карцов на волнах, приближаясь к скале. Это монолитная громадина, сверху гладкая, а в нижней части испещренная трещинами и углублениями. Перед ней — гряды утесов, выставивших из пенной воды черные зазубренные клыки. Даже если посчастливится проскользнуть сквозь цепочку рифов, шансы спастись невелики — первая же волна может разбить пловца о гранитный бок утеса.

Выход один — обогнуть скалу и подобраться к ней с подветренной стороны, где должно быть затишье.

Карцов круто сворачивает. Теперь плыть еще труднее — он движется наперерез шторму, в хаосе из воды, пены, тугих, как резина, воздушных струй. Он напрягает все усилия, но безрезультатно. Его сносит.

Он оборачивается. Скала рядом — отчетливо видно, как волны врываются в щели и дыры ее нижней части, выплескиваются оттуда, вновь набрасываются на камни. Вот-вот Карцова подхватит и швырнет на риф.

До рифов — метры. Из воды встает широкий камень с зубчатой, как гребенка, вершиной. Волны дробятся на нем, самые крупные перехлестывают через «гребенку».

Пунктир подводных утесов тянется по обе стороны приметного камня, опоясывая скалу. А между рифами и скалой — подобие водного коридора. Кольцо почти тихой воды.

Пловца подтащило к «гребенке». Мелькнула дикая мысль: промчаться над ней на вершине волны. Но это невыполнимо: нужна самая большая волна, обычная швырнет на каменные зубья.

Волна поднимает пловца. Выше, еще выше!.. Он над рифом. Неужели, желанный «девятый вал»?

Нет, верхушка волны изогнулась, готовая рухнуть.

Молнией вспыхивает в мозгу: «Не ждать, коснуться «гребенки» раньше, чем в нее ударит волна!»

Он откидывается на спину. Ноги резким движением выброшены вперед. Под ступнями опора. Изогнувшись всем телом, он на мгновение встает на верхушке камня.

В следующий миг поток воды обрушивается на Карцова, душит, мнет. На полузадохшийся, оглушенный, он уже по ту сторону рифа.

Несколько гребков — и Карцов всплывает. Он возле самой скалы, в полосе относительного затишья. Течение влечет его в сторону. Он плывет, зорко всматриваясь в море. Всякий раз, когда подкатывает крупный вал, он, напрягая все силы, спешит навстречу и принимает удар у рифа. Его отбрасывает назад, однако между ним и скалой — полоса чистой воды, и можно маневрировать.

Течение огибает скалу. Скоро он будет у ее подветренной стороны и выберется из воды. Но ему готовится новое испытание. Впереди вода движется в странном ритме. Воронка? Да, водоворот! Карцова все быстрее несет по краю пологого водяного конуса.

Скорость вращения растет. Постепенно все вокруг сливается в длинный многоцветный мазок — и скала, и рифы, и море... А потом перед глазами — только стена воды, зеленая гладкая стена, которая лезет вверх, загораживая и скалы и небо.

Карцов решает: «Пора!» Последний глубокий вдох. Перегнувшись в пояснице, он головой уходит под воду. Он знает: водовороты страшны на поверхности и в прилегающих к ней слоях воды. На глубине сила их быстро слабеет. Спустить-

ся пониже и под водой отплыть от опасного места — единственное спасение.

Широкими плавными гребками Карцов вертикально уходит в глубину. Вскоре вода, которая на поверхности вспенена и мутна, становится светлей и спокойней.

Теперь он плывет горизонтально вдоль подводной части скалы, усеянной трещинами и гротами. И всюду тонкие бурые плети, пучки мягких плетей, — они протягиваются откуда-то снизу, пронизывают водную толщу и, достигнув поверхности, свисают с нее размочаленными концами. Каждая волна заставляет их дергаться, виться. Водоросли пляшут, скручиваются в жгуты, будто щупальца затаившихся в бездне неведомых тварей...

Пора подниматься. Он выбрасывает руки для гребка вверх и... поспешно прячется в водоросли. Над ним плывет человек!

Неизвестный в резиновом костюме, в шлеме и с дыхательным аппаратом на груди. На ногах у него ласты, в руке острога, на которой бьется большая рыба.

Карцов затаился у скалы. В голове одна мысль: выдержать, не захлебнуться!

Человек, вяло работая ластами, удаляется. За ним тянется полоса рыжей мути — кровь из раны добычи.

Можно всплывать. Карцов поднимается, уголком глаза следя за охотником. На пути к поверхности он видит: рыба сорвалась с остроги, судорожно дергая хвостом опускается на дно, а за ней устремляется охотник. Что, если пловец заметил Карцова?

Вынырнув, он жадно глотает воздух. Скала совсем рядом, и в ней широкая щель.

Скользнув в нее, Карцов плывет по узкому коридору. Постепенно тоннель расширяется. Камни, низко нависавшие над головой, расступаются, образуя подобие грота.

Он вползает в грот, оборачивается. Вокруг сумрачно, тихо. Вдали светится маленький треугольник — расщелина, через которую он проник сюда. Временами световой треугольник меркнет — волны захлестывают вход. Там, на воле, море бешется. Здесь же вода неподвижна.

Никто его не преследует. Страхи были напрасны.

Что делать? Плыть назад? А вдруг тот, с острогой, затаился у входа?.. Нет, лучше повременить. Он достиг главного: подветренная сторона скалы недалеко — достаточно выбраться из грота, взять левее, и он будет у цели.

Кто этот пловец? Несомненно, один из немецких диверсантов. Видимо, на рассвете, когда в море было тихо, он покинул подводную лодку, чтобы поохотиться, и у пустынной скалы его застиг ветер. Ну да человеку с респиратором шторм не помеха — от непогоды можно уйти на глубину.

Карцов ложится на воду, чтобы отдохнуть. Лицо обращено к выходу. Если глядеть вверх, перед глазами чернота. Но впереди, ближе к расщелине, на скальном своде трепещет отблеск света. Время от времени он чуть подгребает ладонями, держа в поле зрения световой зайчик. У него еще много энергии. Но ему холодно. Все сильнее потреб-

ность выбраться из воды, почувствовать под ногами опору, согреться. Он успокаивает себя: теперь это лишь вопрос времени.

И вдруг луч света исчез со свода!

Встрепенувшись, Карцов глядит в тоннель, но видит вдали только крохотную зеленую полоску.

Убаюканный тишиной и спокойствием, он забыл о приливе. А вода подкралась, залила расщелину.

Скорее к выходу, пока еще заметно пятнышко света!

Ринувшись вперед, Карцов натывается на выступ. Еще гребок — и снова препятствие. Откуда они? Недавно здесь было свободно.

Он вспоминает. С купола тоннеля спускалось подобие каменной бахромы. Час назад, когда он вплывал в тоннель, «бахрома» на метр не доставала до воды. Теперь, в разгар прилива, она перегородила тоннель.

Единственная возможность достичь выхода — это нырнуть. Но до расщелины метров тридцать. Не проплыть это расстояние под водой в полумраке узкого коридора, да еще против приливного течения!

Он в западне. Пока не наступит отлив, из грота не выйти.

ГЛАВА 7

Карцов подносит руки к лицу, даже касается пальцами лба, но не видит их. Вокруг темнота. Поверхность воды неподвижна. Но ноги ощущают ее движение на глубине. Вода прибывает.

Что, если своды грота низки и каждый прилив заполняет его целиком? Пока не поздно, надо исследовать грот — быть может, он сквозной и второе отверстие еще не залито.

Он делает несколько осторожных гребков и, вытянувшись, скользит по воде. До сих пор в гроте было тихо. Но сейчас уши улавливают слабый плеск.

Уточнив направление, Карцов подгребает. Всплески слышнее, и вскоре его пальцы касаются камня.

Теперь он движется, работая одной рукой. Другая ни на мгновение не отрывается от стены.

Он никогда еще не был так близок к отчаянию. Он слеп. Слеп — значит беспомощен. Ему все кажется: только что он проплыл мимо места, удобного для выхода из воды, — стоило лишь поднять руку, и он нащупал бы в скале выступ, карниз, трещину. Он не сделал этого и утратил единственный шанс.

Но он плывет. Он все время двигается вдоль стены, пядь за пядью ощупывая ее поверхность. В пальцах, ставших такими чуткими, собралась вся его воля. Он даже глаза прикрыл — так лучше осязают кончики пальцев.

Постепенно стена делается угловатой, ребристой. Все чаще небольшие впадины. Внимание! Здесь могут быть неожиданности.

Карцов замедляет движение, тщательней ощупывает камень. Вскоре ладонь целиком уходит в трещину. Торопливо

«просмотрев» ее руками, он определяет: трещина начинается под водой. А как далеко тянется? Это пока неизвестно. Но несомненно — сверху она расширяется!

Прижавшись к скале, он ждет. Вот когда почувствовал он настоящую силу прилива! Вода прибывает стремительно, и Карцов вместе с ней поднимается вдоль трещины. Да, она делается шире и глубже. Вскоре в нее уже можно протиснуться.

Еще чуточку вверх. Так, хорошо! Он влезает в каменную щель, карабкается на скалу.

Вода осталась далеко позади. Выбрав ровную площадку, он с наслаждением ложится. Устал!..

Отдыхая, он намечает план действий. Надо обследовать подземелье. Кто знает, не отыщется ли ход к вершине скалы. Если поиски не дадут результата, он вернется к воде и во время отлива выплывет через расщелину.

Пора приниматься за дело. Карцов осторожно встает на четвереньки, поднимает руку. Рука не встречает препятствия. Сев на пятки, он вытягивает вверх и вторую руку, выпрямляется на коленях. Потом встает во весь рост. Над ним пустота.

Некоторое время он в растерянности. Впрочем, все очень просто. Края трещины, по которой он полз, разошлись. Ничего страшного. Сейчас он определит направление и спустится к воде. Вероятно, скоро начнется отлив. Не стоит тратить силы. К тому же недолго и заблудиться.

Но в какой стороне вода? Он твердо помнит: она слева. Справа, следовательно, стена. Надо нащупать ее.

Карцов делает шаг вправо. И еще шаг. Стены нет. Ну-ка, еще один. Нет, нельзя!.. Он удаляется от воды. Вода — это спасение. Когда начнется отлив и расщелина станет свободной, в грот проникнет свет. Находясь близ воды, он увидит свет и легко выберется на волю. Если же «потерять» воду, дороги назад не найти.

Запрокинув голову, Карцов неподвижно стоит в темноте. Верно ли, что вода слева? Не повернулся ли он случайно, когда поднимался со скалы? Сейчас он проверит.

Он садится на корточки, шарит под ногами — ищет камень, чтобы швырнуть туда, где, по расчетам, находится вода. В мертвой тишине подземелья всплеск прозвучит громко. Нужное направление будет определено. Все это просто. Нужен лишь камень.

Но камней нет. Ни единого! Под ладонями — гладкая скала. Оно и понятно: в гроте не бывает дождя. Здесь не дуют ветры, не палит солнце. Скала не разрушается. Откуда быть камням?

Встав на колени, Карцов механически ощупывает карманы. Конечно, ничего подходящего. У него только сверток с едой да нож. Ну, с ножом он не расстанется ни при каких обстоятельствах... А что, если попробовать отколоть им кусок скалы?

Карцов раскрывает нож. Пальцы ощупывают каменный пол. Вот, кажется, щель. Он всовывает в нее лезвие, слегка

нажимает. Камень не поддается. Еще чуть. Нет, опасно — нож можно сломать.

Снова несколько безрезультатных попыток. Тогда он нащупывает сверток с едой: Джабб говорил о сахаре и шоколаде. Сейчас они пригодятся!

Он пытается распаковать сверток. Нелегкая задача — разорвать руками мешок из плотной прорезиненной ткани. Карцов так волнуется, что забыл о ноже. Наконец мешок взрезан. Да, вот он, шоколад, — две массивные плитки. Вот сахар, восемь шероховатых кубиков. А что это? В руках у Карцова нагель! Джабб положил его вместо грузила.

Пальцы ласково поглаживают находку — короткий металлический стержень. Примерившись, он осторожно швыряет нагель влево от себя и, весь обратившись в слух, ждет. Вот сейчас будет всплеск!

Нагель со звоном падает на камень.

— Так, — бормочет Карцов, роясь в кармане. — Выходит, ошибся. Конечно, надо было взять левее.

Он достает кусок сахара, взвешивает на ладони. Легковат. Ну, ничего, здесь такая акустика.

Р-раз! Сахар летит в сторону.

Вновь секунды ожидания — и снова удар о твердое тело.

— Спокойно, — бормочет Карцов, поглаживая ладонями лоб, — сядем, подумаем. Главное — не торопиться. У меня сколько угодно времени, чтобы все хорошенько обдумать.

Невозможно собраться с мыслями. Перед глазами неотступно стоит море. О, сейчас он думает о нем совсем иначе! Он все бы отдал, только бы вновь оказаться в воде, пусть даже в мрачном скальном колодце, из которого он недавно выбрался с таким трудом. Что из того, что он обессилел и продрог? Выдержав, дождавшись отлива, он вновь бы увидел солнце!.. А сейчас? Сколько еще провозится он в темноте, прежде чем найдет дорогу назад? Да и найдет ли? Что, если отлив уже наступил, а он и не знает об этом? Ему, быть может, стоит лишь чуточку отойти в сторону, чтобы увидеть и воду, и пробивающийся сквозь нее свет, и саму расщелину. Но куда надо двигаться? Где путь к воде?

Он заставляя себя лечь на скалу, чтобы успокоиться. Однако проходят минуты, он снова на ногах, достает новый кусок сахара. Сахар будет брошен левее. Если и теперь неудача, он израсходует третий кубик, четвертый, весь запас сахара, весь шоколад, но вода должна быть найдена!

Бросок! Всплеска нет.

— Третий, — упрямо говорит Карцов.

Снова бросок. Результат тот же.

— Хватит, — бормочет он. — Хватит, надо подумать.

Ему все кажется: решение есть, оно очень простое, но он взволнован, и это мешает найти правильный путь. Нужна передышка. Успокоятся нервы, и выход отыщется. Во что бы то ни стало взять себя в руки! И он начинает считать.

Он медленно выговаривает цифры, вслушиваясь в собственный голос, странно звучащий в тиши подземелья.

Время идет... Карцов сидит на камне, подтянув к подбородку ноги. Рука чуть пришепывает по скале, отбивая ритм счета. И кажется ему: кто-то вдали поддерживает счет гулкими ударами, в такт.

До цифры шестьсот, которой заканчивается первая десятиминутка отдыха, остается немного. Последняя цифра, последний шлепок рукой по скале. Тишина...

Хочется есть. До поры до времени он сдерживался, но сейчас уже не в силах себя обманывать. Мог же он выбросить не три кубика сахара, а четыре или пять! Вот он и съест эти куски.

Сахар осторожно положен в рот. Как быстро он тает!.. Но что это? Карцов прислушивается. Где-то в отдалении звучат глухие ритмические удары.

Акустический эффект? Ничего подобного! Кто-то долбит скалу! Вот стук прекратился. Минутная пауза, и удары возобновляются в том же темпе.

Кто же стучит и где? Может, это на вершине скалы? Нет, непохоже. Звуки доносятся со стороны, будто со склона. Но бока утеса круты, почти недоступны. «Потому-то их и долбят», — отвечает себе Карцов.

Воображение рисует картину: человек с трудом вскарабкался на утес и, стремясь закрепиться на нем, долбит камень. Кто он? Вероятно, тот самый пловец с острогой. Но он направлялся к подводной лодке? Чепуха, нету лодки! Вывод о том, что она где-то здесь, был сделан механически, под влиянием «признаний» Абста. Конечно, Абст лгал — лодка давно ушла.

А как же подводный охотник? Откуда он взялся? Да с той самой лодки. Он был выпущен из нее, но в назначенный час не вернулся — сбился с курса, промедлил. Мало ли что! Вот лодка и ушла — на базе подняли тревогу, и она покинула опасный район.

Итак, один из диверсантов остался. Убедившись, что лодки нет, он доплыл до скалы, отыскал на склоне щель и расширяет ее, готовит себе убежище. У него есть острога, он бьет рыбу, ему не угрожает голодная смерть. Он будет терпеливо ждать лодку, которая, вероятно, вернется...

Нить рассуждений Карцова прерывается. Ему стало холоднее, причем стынет лишь правый бок. А вот и ощущение слабого ветерка. Значит, воздух в гроте движется?

Карцов лежит на краю обрыва, лежит без движения, ошеломленный тем, что вдруг открылось его глазам. Но все по порядку.

Он долго полз, ориентируясь по едва приметному току воздуха. Вскоре площадка сменилась тоннелем — руки стали наткаться на стены. Потом тоннель превратился в узкий лаз, дно которого было испещрено острыми выступами. Он обдирал о них колени, но продолжал продвигаться.

И вот поворот, еще поворот, затем крутой изгиб тонне-

ля, едва ли не в обратную сторону, и Карцов со стоном прижал ладони к глазам.

Несколько минут он лежал ничком, боясь поверить в случившееся. Да, перед ним было отверстие — оттуда струился свет и доносились удары четкие, громкие...

Успокоившись, он осторожно заглянул в пролом. Он был уверен, что отыскал выход из подземелья. Но он не увидел ни неба, ни солнца. Тоннель вывел его к новому гроту.

Это очень большая, почти круглая полость в скале. Внизу чуть шевелится вода, освещенная прожекторами — они прикреплены к стенам и направлены вниз. Верх подземелья тонет в темноте.

Взгляд Карцова прикован к лагуне. Под водой что-то движется. Какая-то тень поднимается из глубины. С каждой секундой она отчетливее. Еще немного, и на поверхности лагуны появляются две головы, одна позади другой, обе в черных очкастых шлемах.

Люди продолжают всплывать. Вот они видны по плечи, по грудь. Они плывут вплотную друг за другом, не изменяя дистанции, будто сидят на гигантской рыбине.

Карцов молча наблюдает за этим зрелищем. И не сразу замечает, что из пучины появились еще три «всадника». Встав в кильватер к двум первым, они движутся по лагуне.

Сбавив скорость, пловцы приближаются к противоположному краю подземного озера, где скалы пологи, образуя подобие площадки. Здесь вспыхивает свет. Теперь видны опущенный в лагуну трап, ниши в стене, стеллажи, какие-то ящики.

У стеллажей работает человек, ударами кувалды загоняя в скалу железный костыль. Эти-то звуки и слышал Карцов в скальном лабиринте.

Вот из ниши выезжает кран на колесах. Он приближается к кромке воды, наклоняет стрелу и вытягивает из лагуны длинный и толстый цилиндр. Нос цилиндра закруглен, в средней части — выступы и подобие козырька перед ними. А на корме видны рули и винты. Торпеда, приспособленная нести на себе людей!

Кран развернул торпеду над площадкой, катится назад и укладывает ношу на стеллаж в глубине площадки. Ему помогают пловцы, уже успевшие вылезти и сбросить шлемы и ласты.

Работа продолжается. Вскоре кран поднимает из воды еще две стальные сигары.

Торпеды установлены на стеллажах. Пловцы вылезли, освободились от шлемов и респираторов.

Прожекторы гаснут. Темнота...

ГЛАВА 8

Тело Карцова налито усталостью. Это значит: спал недолго. Что разбудило его? Он не знает.

«Немедленно спать! — приказывает он самому себе. — Спать, набираться сил, энергии, ибо завтра...» Но что пред-

стоит завтра? С наступлением утра в гроте вспыхнет свет, начнется движение. А дальше? Потом огни погаснут, и вновь будет ночь, к которой он придет еще более истомленный жаждой и голодом.

Внутренний голос подсказывает: «Спустись к воде, переплыви лагуну и выйди там, где были подняты торпеды, — в этом месте и сейчас виден слабый отблеск света. Не откладывай — и тебе удастся добыть пищу и пресную воду, а может быть, и оружие. Спешу, пока вокруг темнота и спокойствие. Не жди, ни минуты не медли!»

Карцов сползает к краю расщелины. Вот уже он на самом ребре обрыва. Ноги спущены к воде, которая где-то рядом.

Очнувшись, он рывком подтягивает колени, пятится. Он тяжело дышит. Подумать только, едва не оказался в западце! Стоило спуститься в воду, и он никогда бы не нашел дороги обратно.

Минуту назад ему было жарко. Сейчас сырость пронизывает спину, растекается по ребрам. А во рту будто стручки перца — язык, небо, гортань пылают в огне. Кажется, все бы отдал за кружку пресной воды!

— Спать! — упрямо бормочет Карцов, укладываясь в расщелине. — Спать, набираться терпения, ждать!

Его будит свет — пульсирующий, необыкновенный. Карцов осторожно выставляет голову из-за скалы. Купол грота охвачен пламенем. Волны огня, красные, желтые, фиолетовые, мчатся навстречу друг другу, сшибаются и исчезают, чтобы тотчас снова возникнуть. Временами кажется: сверху бушует жидкий металл, вот-вот он ринется в воду — и тогда чудовищный взрыв в пыль развеет и грот и скалу.

Конечно, Карцов знает о сталактитах. Но как сравнить сухие строки учебников с тем фантастическим зрелищем, что открыли его глазам лучи прожекторов, направленные в свод подземелья!

В гроте работают. У стеллажей, где, подобно гигантским патронам в обойме, рядом лежат торпеды, возится здоровяк в фуфайке и вязаных брюках, шерстяной феске и мягких башмаках. На нем пояс с большим пистолетом в расстегнутой кобуре.

Кран, вытаскивавший торпеды, стоит у края площадки. За его рычагами — второй обитатель подземелья. Стрела крана наклонена к воде. Туда же глядит и крановщик. Вот он что-то увидел, побежал ко входу в тоннель, перевел рычаг в настенной коробке. Стало еще светлее — вспыхнул нацеленный вниз прожектор.

В глубине лагуны движется тень. Она растет, делается отчетливее. Вскоре всплывает нечто напоминающее большую сигару. Торпеда вроде тех, что лежат на скале? Нет, появившийся из-под воды предмет намного короче. И позади него плывет человек. Карцов видит длинные ручки, за которые держится пловец, а в торце сигары — винты в кольцевом

ограждении, вспенивающие воду. Это подводный буксировщик.

Буксировщик замедляет движение. Пловец цепляет на крюк стрелы крана петлю троса, делает знак крановщику.

Карцов ждет: сейчас кран поднимет сигару. Но нет, буксировщик продолжает путь. Оказавшись у трапа, пловец оставляет свой аппарат и поднимается на скалу. Сильный, гибкий, в облегающем тело черном резиновом костюме, с которого стекает вода, в перепончатых ластах на ступнях, он сбрасывает пояс с грузами, респиратор и садится на выступ камня. Карцову хорошо видно его лицо — молодое, красивое, но странно безжизненное. Присев, человек застыл неподвижно, впал в задумчивость...

Между тем стрела крана идет вверх и вытягивает из воды гирлянду больших резиновых мешков, туго набитых, обвязанных тросом. Тотчас из глубины всплывает второй буксировщик с пловцом, а за ним еще пять буксировщиков. Один за другим они подплывают к площадке, волоча за собой мешки. Сноровисто работает крановщик. Вскоре поднят весь груз. А в отдалении сидят семь пловцов — все молодые и все равнодушные, вялые...

На площадке появляется кто-то еще. Женщина!

Она вышла из тоннеля. На ней просторная синяя куртка, желтые вязаные брюки, мягкие башмаки и пояс с пистолетом в расстегнутой кобуре. Подойдя к пловцам, она извлекает из перекинутой через плечо сумки какие-то предметы, каж-дый величиной с ладонь, раздает их.

— Скорее! — требует женщина, хлопнув в ладоши, как это делают, когда говорят с детьми.

Пловцы запихивают еду в рот. Странное дело — они не изменили позы, не сделали ни одного лишнего движения, только разорвали обертку и взяли в рот по куску пицци. Челюсти их работают, глаза же по-прежнему устремлены вдаль.

Когда с едой покончено, вся группа подходит к мешкам, поднимает две связки и скрывается в тоннеле. Вскоре люди возвращаются за новым грузом.

Вот унесены все мешки, и пловцы вновь надевают ласты.

— Осталось два рейса, — обращается к ним женщина. — Вы слышите: два рейса. Взять дыхательные аппараты!

Пловцы в воде. Вскоре первый из них уходит в глубину. Через минуту поверхность лагуны пустынна.

Тогда женщина обращается к крановщику:

— Сигарету, Вальтер!

— Прощу, фройлейн Марта. — Крановщик вытаскивает пачку.

— О, «Люкс»! Где раздобыли?

— Все там же, — отвечает крановщик, лысый человек с подвижным лицом. Его длинная шея смешно торчит из чрезмерно широкого воротника свитера. Он качает головой, вздыхает: — Все там же, фройлейн, у себя в шкафчике. Но, увы, запасы подходят к концу.

Женщина берет сигарету.

— А мои уже давным-давно: фьюнты!



— Надо быть бережливее, — наставительно говорит крановщик.

— Э, чепуха!.. — Она сильно затягивается. — Скоро у меня будет сколько угодно и сигарет и солнца...

Крановщик соскакивает с сиденья своей машины.

— Едете? А кто будет за вас? Сам шеф?

— Это же недолго. — Женщина пожимает плечами. — Неделя, ну две. А потом у вас появится новый врач.

— М-да... — неопределенно говорит крановщик и сплевывает. — Что ж, счастливого пути, если так!

Прожекторы гаснут. Карцов снова в темноте.

Откуда доставлены мешки и что в них? Вероятно, еда, оружие, взрывчатка. Выходит, поблизости есть склад, снабжающий обитателей подземелья? Легко сказать, склад! Можно не сомневаться, что на десятки миль вокруг каждый клочок суши контролируется хозяевами военно-морской базы. Но склад существует, и он недалеко: пловцы уже побывали в нем и до ужина собираются совершить еще два рейса.

Несомненно, здесь размещен отряд гитлеровских пловцов, обученных действиям под водой. Убежище выбрано удачно: что может быть безобидней одинокой голой скалы, которая вечно торчит перед военно-морской базой и давным-давно всем намозолила глаза! На нее, конечно, не один раз высаживались моряки с базы, излазили скалу вдоль и поперек. Им и в голову не приходило, что скала не монолитна и пустоты в ней стали прибежищем фашистов.

Конечно, отсюда и действовали люди, подорвавшие крейсер и док. Абст лгал, утверждая, что их доставила подводная лодка.

Подводная лодка!.. Лишь сейчас понял Карцов, какой «склад» снабжает обитателей подземелья. Это подводная лодка!.. Кстати, не на этой ли лодке собирается отправиться на материк женщина, только что скрывшаяся в тоннеле?

Незаметно проходит время. Карцов задремал.

И снова светло в гроте: вспыхнул прожектор, луч которого направлен к воде. Один за другим всплывают из глубины буксировщики. Вскоре они возле трапа. Кран приходит в движение, опускает стрелу.

С наступлением темноты, решает Карцов, надо сделать попытку добыть воду, оружие, продовольствие и вернуться. Но как совершить это в крошечной тьме, при непрерывно меняющемся уровне воды в гроте? Сила прилива такова, что любой оставленный на скале ориентир вскоре окажется под водой либо высоко над ней. Покинуть расщелину и спуститься в лагуну — значит попасть в ловушку, ибо дороги назад не найти. Однако он обречен и в том случае, если останется в убежище. И Карцов решается на рискованный шаг.

Он снимает брюки, аккуратно расстилает на скале и ножом выкраивает из них узкие длинные полоссы. Надо нарезать как можно больше полос, связать их всеедино и полученную таким образом ленту спустить в лагуну. По расче-

там, лента должна достать до воды при самой низкой точке отлива. Тогда при возвращении он нащупает ориентиры и по нему отыщет расщелину...

ГЛАВА 9

С тех пор как погасли прожекторы и стало темно, Карцов считает секунды. Вероятно, часа достаточно, чтобы те, кто живет в гроте, утомонились, заснули. Если ждать дольше, может случиться, что он не успеет вернуться затемно. Значит, час, три тысячи шестьсот секунд, которые он мысленно отсчитывает, стараясь не сбиться.

Время отмерено. Он осторожно сползает к воде. То и дело он протягивает руку и касается полоски ткани, свисающей со скалы. Лента получилась длинной. Это немного успокаивает.

Вот и вода. Привалившись к камню, он в последний раз ощупывает себя. Подаренный Джаббом нож — самая большая ценность! — надежно привязан к трусам.

Пора отправляться. Расслабив колени, Карцов бесшумно, всей грудью ложится на воду. Ему кажется, он в теплой ванне. Да, только сейчас он почувствовал, как продрог в промозглой сырости подземелья.

Он плывет напрямик, держа к едва различимому световому пятну на той стороне лагуны. Руки и ноги неслышно работают на глубине. Струи воды обтекают тело, вымывая усталость, озноб.

Световое пятно ближе. Теперь можно различить контур площадки. Однако вскоре Карцов вновь окунается в полный мрак: очевидно, он вплотную подплыл к площадке, ребро скалы заслонило отверстие тоннеля и свет, который идет оттуда.

Он не ошибся — еще немного, и пальцы вытянутой руки коснулись стены. Карцов у цели. Теперь надо найти трап. Без трапа на площадку не подняться — она слишком высока.

Где же трап? Ему кажется, трап левее.

Он плывет в нужную сторону, ни на миг не теряя стены. Двадцать гребков, сорок, сто... По расчетам, пройдено достаточно.

Куда же девался трап? А вдруг его подняли? Нет, это исключено. Он не прекращал наблюдения за площадкой, пока не погасли огни, и хорошо помнит: к трапу не подходили. Но, быть может, его втащили на скалу уже в темноте? Чепуха! Трап где-то здесь.

Повернув, он медленно плывет в обратную сторону, непрерывно ощупывая скалу. Время идет. Позади уже метров сто, а то и больше. Трапа нет.

Теперь его гложут сомнения. Он либо неточно вышел к намеченному месту, либо прозевал момент, когда трап подняли...

Трах! Карцов ударяется головой. Удар такой силы, что,

кажется, хрустнули шейные позвонки. Это трап. Он наткнулся на боковину трапа!

Несколько минут уходит на то, чтобы отдышаться. Держась за круглую металлическую ступеньку, он раскрывает нож и медленно поднимается из воды. Ступенька, вторая, третья... А вот и площадка. Она в слабом рассеянном свете, идущем из глубины тоннеля.

Еще две ступеньки. Теперь он по пояс над площадкой.

Перед глазами — торпеды на стеллажах. Но они без взрывателей. Где же взрыватели? Ему нужен хотя бы один. При взрыве одной торпеды детонируют остальные, и тогда взлетит на воздух все подземелье.

В поисках взрывателей он обшаривает площадку. Тщетно! Есть торпеды, ласты, какое-то другое имущество, даже подводные буксировщики — в последний момент он обнаружил их в дальнем углу. Все это лежит без охраны. И ни одного взрывателя или дыхательного аппарата. Возле входа в тоннель вделан в стену лист железа. А вот и скоба и под ней — пластинка, прикрывающая замочную скважину. Вход в новое помещение? Но дверь слишком мала. Уж не сейф ли это, где хранятся взрыватели?

Передвигаясь по площадке, Карцов ни на мгновение не прекращает наблюдение за выходным отверстием тоннеля. Тоннель — главная опасность. В любую минуту оттуда может кто-нибудь появиться.

Неподалеку от стеллажа с ластами еще один стеллаж. Здесь на распорках висят резиновые костюмы, а внизу сложены глубиномеры и подводные компасы, часы и фонари в водонепроницаемых футлярах. В стороне — стопка брезентовых поясов с грузами, вязаные фески, чулки. Словом, на стеллажах все, что может понадобиться водолазу. Недостаёт лишь дыхательных приборов и взрывателей. А без них все это не стоит и гроша.

Шаги! Метнувшись за торпеды, Карцов замирает.

Из тоннеля выходит мужчина. На площадке темно, но он проходит неподалеку, движется медленно, и Карцов может разглядеть его. Человек совершенно наг!

Незнакомец направляется к краю площадки. Вот он приблизился к трапу, обхватив руками поручни.

— Зигфрид!

Это крикнула женщина — та, которую крановщик называл фройлейн Ришар. Карцов и не заметил, как она появилась на площадке.

— Стоять, Зигфрид! — командует Ришар.

Она бежит к выходному отверстию тоннеля, включает прожектор и возвращается. На боку у нее уже знакомая Карцову большая сумка, а в руках — портативная кинокамера. Нацелив объектив на обнаженного, Ришар нажимает на спуск.

Сперва мужчина стоит в неподвижности, равнодушно глядя перед собой. Но вот он начинает проявлять признаки беспокойства: озирается по сторонам, стискивает и разжимает кулаки, переступает с ноги на ногу. Вздохнув, он нерешительно движется по направлению к воде.

— Назад! — командует Ришар, продолжая снимать. — Назад, Зигфрид, домой! Иди спать!

Человек покорно поворачивается и ковыляет к тоннелю.

Женщина протягивает ему руку, в которой зажат какой-то предмет. Карцов слышит треск разрываемой бумаги, хруст, чавканье.

— Хорошо, — говорит Ришар. — А теперь — спать! Спать, Зигфрид, быстро в постель!

Мужчина исчезает в тоннеле.

Несколько секунд Ришар глядит ему вслед. Вздохнув, она закрывает руками лицо.

— Боже, — шепчет Ришар, — боже, смилуйся надо мной!..

А затем происходит нечто совсем уже странное. Внезапно она устремляется к воде, запускает руки в свою объемистую сумку и швыряет ее содержимое в лагуну.

Опорожнив сумку, Ришар медленно возвращается. Голова ее опущена, руки устало висят вдоль бедер.

Неподалеку от входа в тоннель она прячет в расселину кинокамеру, потом гасит прожектор и уходит.

Выждав, Карцов крадется к трапу. У самой кромки скалы завалились в щель два брикета в красно-белой бумаге. Он хватает один, разрывает упаковку. Нет, это не шоколад, как он предполагал. На ладони брусок легкого желтоватого вещества, от которого исходит тонкий аромат фруктов. Попробовать?

Внезапно в сознании встают неподвижные лица пловцов, их пустые, безжизненные глаза. И особенно ясно он видит человека, только что скрывшегося в тоннеле. Ришар кормила его этими брикетами. Те, что буксировали цилиндры и мешки, тоже получали из ее рук такую же пищу.

Швырнув желтый брусок в воду, Карцов долго трет пальцы о камень...

ГЛАВА 10

Боковой отросток тоннеля. Пещера в пещере. Подобие камеры в скале.

Середину помещения занимает длинный стол, обитый цинком. В углу возле двери два шкафа со стеклянными боковинами, заставленные хирургическими инструментами и медикаментами. Обстановку дополняют несколько табуретов — металлических, окрашенных в белое. А на тресе, протянутом от стены к стене, — сильная лампочка с отражателем, направляющим свет на стол, тогда как стены и свод затенены.

В дальней от двери стене большой пролом. За ним видно нагромождение скал, спускающихся к лагуне. Здесь и застался Карцов. У него часы на запястье, круглые водолазные часы, втрое толще обычных, с четким светящимся циферблатом. Он взял их со стеллажа на площадке. Кроме того, отобран аккумуляторный фонарь в водонепроницаемом кожухе, но лишь отобран и оставлен на месте. Фонарь поможет Карцову отыскать ориентир у расселины в стене,

через которую он проник в этот грот. Он проделает обратный путь по скальному лабиринту, дождется отлива и выплывет в море.

Таковы планы. А пока он ждет. Четверть часа назад он увидел Абста. Тот находился в пещере, вышел, не погасив света. Значит, вернется.

Карцов оказался здесь после неудачной попытки проникнуть в тоннель со стороны площадки. Дважды приближался он к выходному отверстию тоннеля, и оба раза отступал: где-то в глубине его горел свет, оттуда доносились голоса, стрекот пишущей машинки... Карцову требовалась вода, пища, оружие. Вероятно, все это могло найтись только в тоннеле. А тоннель был недоступен. Тогда внимание его сосредоточилось на огоньке, горящем далеко за пределами площадки, в стене грота. Огонь вспыхнул примерно полчаса назад, светил не переставая, ровно.

Карцов спустился в воду и осторожно поплыл на свет.

Так он оказался в скалах, возле пролома в стене пещеры. Он был подготовлен к тому, что может встретиться с Абстом. И все же, когда Абст появился в пещере, у Карцова перехватило дыхание.

Почти тотчас в дверях возникла фигура рыжебородого здоровяка.

— Шеф, — негромко сказал рыжий, — похоже, что Ришар опять...

— Что? — Абст обернулся к нему. — Снова истерика?

— Плачет, шеф... Заперлась у себя и ревет как белуга.

— Позови ее, Глюк.

— Лучше бы сами, шеф... Вы знаете, девка с норовом. А у меня на таких чешутся кулаки. Боюсь, не стерплю, шеф!..

Абст вышел. Глюк двинулся следом.

Все это произошло четверть часа назад. И вот Абст и Ришар входят в пещеру. Женщина плачет, прижимая платок к глазам.

— Можете сесть, — сухо говорит Абст.

Ришар опускается на табурет. Абст неподвижно сидит в стороне.

Так проходит несколько минут. Постепенно женщина успокаивается. Вот она глубоко вздохнула, отняла от лица руки.

— А теперь говорите. — Абст закидывает ногу на ногу. — Вы что-то хотели сказать мне. Говорите, я слушаю.

— Лодка... ушла, — шепчет Ришар.

— Да, ушла. — Абст облизывает губы. — Появилась опасность, что ее могут обнаружить. Поэтому, закончив выгрузку, она снялась с грунта и уплыла.

— А как же я? — кричит Ришар и вскакивает с табурета. — Вы обещали!..

— Еще немного, и ее забросали бы глубинными бомбами.

— Я вас просила!..

— Лодка вернется. Наберитесь терпения. Вы долго ждали, потерпите еще немного, и все устроится.

— Просила, — твердит Ришар, — просила еще вчера!.. Вы обещали переправить меня на лодку заблаговременно...

— Возникли обстоятельства... Я не мог, Марта.

— Не могли... — Ришар достает из кармана листок. — Вот письмо. Бомба упала на дом, мать погибла в развалинах. Сестра при смерти!..

— Я не мог, — повторяет Абст. — Будь лодка и сейчас здесь, все равно бы не мог. Обойтись без вас невысказано. Нам поручили важное дело. Вы знаете, мы только начали... Выдержав, вы покроете себя славой. У вас будет слава, много денег... Ну, вытрите слезы и улыбнитесь. Вы — немецкая женщина. Когда мы победим и вернемся, каждый будет считать честью поцеловать вам руку. Надо остаться и ждать замены. Поймите: без врача, специально обслуживающего группу, нам придется туго.

— Когда же вы, наконец, отправите меня? — снова спрашивает Ришар, и в голосе ее звучат злые нотки.

— Так скоро, как только смогу. Наберитесь терпения. Дело нации требует. Еще полгода, год... Стойте!

Абст бросается к Ришар, которая быстро извлекла что-то спрятанное на груди и поднесла ко рту. В непостижимом скачке ему удается дотянуться до руки Ришар, рвануть ее в сторону. На пол падает небольшая склянка. Вслед за ней оседает на подогнувшихся ногах женщина. Абст подхватывает ее, укладывает на стол, приподымает ей веко, щупает пульс. Видимо, состояние Ришар внушает ему опасения. Отыскав глазами злополучную склянку, он осторожно берет ее пинцетом, рассматривает, нюхает.

Глюк, который только что вошел, медленно приближается.

— Яд? — негромко говорит он.

Абст коротко кивает.

— Успела?

— Нет...

— Что же тогда с ней?

— Еще не знаю. — Абст передает ему склянку. — Забрось подальше. Возвращайся с носилками.

Склонившись над столом, Абст слушает сердце Ришар.

Та открывает глаза.

— Как вы себя чувствуете? — спрашивает Абст.

Упершись ладонями в стол, Ришар пытается сесть. В ее глазах страх.

— Ноги! — кричит Ришар. — Я не чувствую ног!

И вновь теряет сознание.

У двери шорох. Это вернулся Глюк. Он пришел не один. Из-за его плеча выглядывает крановщик.

— Что же с ней, шеф? — спрашивает Глюк.

— Отнялись ноги.

— Дьявол ее побери! Вечная возня с бабой. Прошлый раз тоже закатила истерику, неделю валялась, не в силах вымолвить слова. Теперь — ноги!.. Как же мы будем одни?

Абст вынимает пистолет из кобуры на поясе Ришар.

— Унесите ее, уложите в постель и возвращайтесь.

Глюк и крановщик стаскивают женщину со стола, опускают на носилки и выходят.

ГЛАВА 11

Крановщик и рыжебородый вернулись в пещеру и беседуют с Абстом. Говорит крановщик. Сейчас Карцову уже ясно, что подъем из воды грузов — лишь побочное занятие этого невысокого, торопливого в движениях человека. Главная же его специальность — радио: обитатели грота связаны со своими хозяевами в Германии и, кроме того, имеют контакт с военно-морской базой противника. Там действует их помощник. О нем-то и докладывает сейчас радист, точнее — о донесениях агента, принятых во время последнего радиосеанса. Здесь сведения о большом конвое союзников, который вот-вот проследует мимо базы, далее — сообщение о выводах специальной комиссии, изучавшей последствия недавней диверсии.

Абст слушает рассеянно, будто все, что рассказывает радист, ему уже известно. Он сидит на табурете, боком привалившись к стене, словно дремлет.

Радист просит разрешения зажечь сигарету, закуривает и приступает ко второй части доклада.

— А приговоренный пытался бежать, — сообщает радист.

При этом он привычным движением руки оттягивает и без того непомерно широкий воротник свитера, дергает головой на длинной шее. Голос у него высокий, словно у подростка. Перед каждой фразой он с шумом втягивает воздух, а затем выпаливает фразу одним духом, будто боится, что ему не дадут досказать.

— Что? — Абст выпрямляется. — Я не расслышал. Вы сказали: бежал?

— Пытался, шеф. — Радист жмурится, ладонью трет лысину, передергивает плечами. — Прыгнул за борт, когда его ночью вели в галюн.

— Да не спеши, — ворчит Глюк. — Медленней говори, Вальтер!

— Он бежал? — повторяет Абст.

— Какое!.. Часовой еще в воздухе прострочил его из автомата. Парень камнем пошел на дно. — Рванув воротник свитера, Вальтер всплескивает ладонями и выкрикивает: — Я думаю, он был немец, шеф!

— А как полагает агент?

— Передал сообщение — и баста!

Все молчат. В пещере тишина.

Карцов затаил дыхание, чтобы не пропустить ничего, что еще будет сказано о его побеге. Но Абст меняет тему разговора.

— Что с итальянцами? — спрашивает он. — Вчера вы докладывали: лодка рассчитывает прийти через неделю. Нет новых данных? Вечером в рубке были вы?

— Работала Ришар, шеф. Но я просмотрел ее записи в журнале. Ничего нового.

— Итальянцы... — Абст устремляет свои неподвижные глаза на стоящих перед ним людей. — Вы должны знать,

я давно охочусь за одним из них. Впервые я увидел этого человека лет пять назад.

— Джорджо Пелла? — улыбается Вальтер.

— Он вам известен?

— Еще бы! Отличный пловец, шеф! Я встречался с ним до войны, на матче в Италии.

— Но Пелла не скоростник. Я хотел сказать, он не спортивный пловец.

— Да, да! — выкрикивает Вальтер. — Конечно, не скоростник. Пелла — ныряльщик, шеф. В матче он не участвовал — сидел на трибуне и глядел. Он показал себя позже, когда мы закончили. И как показал!.. Спортсменов на катерах вывезли в море. Выбрали местечко получше, где вода прозрачна, стали на якорь. И вот Пелла надел ласты, натянул маску и, как был без респиратора, нырнул на сорок метров. Я глаза вытаращил!

Хихикнув, радист зажигает погасшую сигарету. Курит он тоже особенно — держит сигарету у рта большим и указательным пальцами обеих рук.

— Мне довелось видеть его в другой обстановке, — задумчиво говорит Абст. — Он погружался с дыхательным аппаратом... Ну-ка, Глюк, как глубоко вы спускались на кислороде?

— Ниже тридцати не ходил¹, — басит рыжебородый. — Слышал, будто некоторым удается погружаться на сорок метров. Но я не могу. Однажды попробовал, едва не оказался на том свете — вот Вальтер меня и выгаскивал.

— Ну, так знайте: Пелла опускался на сто пять метров!

— С кислородным прибором?

— На нем был респиратор трехчасового действия. По виду — обычный...

— Брехня!.. — машет рукой Глюк. — Тот, кто рассказал вам это, бессовестный лжец!

— Глюк прав, шеф, — торопливо подкакивает радист. — Ставлю бочку лучшего пива из Аугсбурга против одной вашей кружки, что вас ввели в заблуждение.

— Но я все видел своими глазами, — улыбается Абст. — И он сказал, что может спуститься еще глубже, метров на полтора.

— Как ему удалось? — бормочет Глюк.

— Не знаю. — Абст задумывается. — Но это не все. Послушайте, что было дальше. Пробыв под водой минут тридцать, он всплыл без пауз для декомпрессии!

Глюк стоит, растерянно шевеля пальцами. Радист, дернув плечом, подсакивает к Абсту.

— Как же он мог? Глубина сто метров... Да еще пробыл там тридцать минут. Тяжелого водолаза поднимают с такой глубины очень медленно. Несколько часов, шеф².

¹ В Советском Союзе глубина погружения в респираторе, в котором применяется чистый кислород, ограничена двадцатью метрами. На больших глубинах кислород опасен — он может вызвать тяжелое отравление и гибель водолаза.

² Водолаза с больших глубин поднимают медленно, с остановками, иначе неизбежна так называемая кессонная болезнь.

— Пелла всплыл за двадцать минут. После подъема он улыбался, сыпал шутками, потом привязал к своему респиратору динамитный патрон и зашвырнул аппарат далеко в море. Взрыв — и респиратора как не бывало!

— Выходит, все дело в приборе: какой конструкции, чем начинен? — спрашивает Глюк.

— Полагаю, не только в этом. Но скоро мы все узнаем. И если будет удача... Словом, наконец-то он у меня в руках!

— Мы-то выжмем из него все, — ухмыляется рыжебородый. — Не он первый!

— Теперь о Ришар, — говорит Абст. — Она в тяжелом состоянии... Насколько я понимаю, паралич обеих ног. В этих обстоятельствах я вижу единственный выход. Вы, Глюк, принимаете на себя обязанности по контролю над пловцами, превратившись в няньку. Я понимаю всю трудность задачи. Только опытный врач может справиться с двумя дюжинами существ, в каждом из которых дремлет зверь, готовый вцепиться тебе в глотку.

— Именно так, шеф! В этом вся суть.

— Как видите, я ничего не скрываю. Вы должны знать, какой груз взваливаете себе на плечи. Но думаю, все обойдется. Первые дни я буду неотлучно с вами, обучу вас контролю за ними — и дело пойдет. Главное — не зевать и быть начеку.

Абст вопросительно смотрит на помощника. Тот нервно прохаживается из угла в угол.

— Ну, — говорит Абст, — как вы решили?

— Не могу, шеф. — Глюк не скрывает страха. — Кормить их и понукать — самое легкое. Главное же, вы знаете, не в этом... Главное, чтобы они не взбесились. Ришар пыталась учить меня, как вы и приказывали. Куда там!.. Боюсь, шеф. Боюсь оплошать, просчитаться... А вы знаете, чем это пахнет!..

— М-да... — Абст морщится, будто у него болит голова. — Значит, отказываетесь? Хорошо, тогда ими займусь я.

— Это не выход. Надо радировать, чтобы прислали замену.

— Конечно, врача мы затребуем. Но придется ждать месяц, если не больше. Месяц я буду бездействовать... Глюк, вы должны согласиться.

— Не настаивайте, шеф. Я заглядываю им в глаза, и душа у меня леденеет... Что угодно, только не это!

— Но я обещаю: не покину вас ни на день.

Глюк угрюмо молчит. Абст встает.

— Решено, — заключает он. — До прибытия врача мы прекращаем боевую работу.

И он уходит.

Радист резко оборачивается к товарищу.

— Дурак! — выпаливает он.

— Кто?

— Кто дурак? — удивленно переспрашивает радист. — Разумеется, ты, Густав Глюк. Погоди, шеф припомнит тебе...

— И пусть! — мрачно бормочет рыжебородый. — Пусть припомнит! Хуже не будет.

— А, челуха!.. — Радист извлекает из кармана штанов плоскую коробку, долго шарит в ней пальцами. — Хочешь, Густав?

— Да провались ты с этой гадостью! — негодует Глюк. Выбрав зеленую конфету, радист ловко кидает ее в рот, прячет коробку в карман.

— Надо беречь себя, — наставительно говорит он. — А то дымишь и дымишь... Я вот чередую: сигарета — конфета... Может, дать мятную?

Рыжий брезгливо сплевывает.

— Ну, как хочешь. Так, слушай. Я опять насчет этих... Ты, Густав, будешь не один. Я всегда рядом. Вдвоем мы — сила! Случись что, легко перестреляем все стадо. Уж тебе известно: стрелять я умею... Я, если говорить по чести, сейчас о другом тревожусь. — Вальтер переходит на шепот. — Сегодня улучил минуту и послушал эфир... Захотел узнать, что творится в мире. Они снова бомбили Гамбург!

— Кто?

— Янки, кто же еще! — Радист выплевывает конфету. — Триста «крепостей» висели над городом. Там такое творилось!..

Он выжидающе глядит на собеседника. Тот молчит.

— Вот и на востоке не очень-то блестяще...

— Ты зачем говоришь мне это? — Рыжий угрюмо сдвигает брови. — Ты чего хочешь?

— Хочу, чтобы ты согласился.

— Да ты храбрец, как я погляжу. Ну, а вдруг они выйдут из-под контроля? Ну-ка, прикрой гляделки и вообрази: поплывешь на глубине, справа — один из них, слева — другой да еще парочка движется следом. И вдруг у них начинается... Ты только представь такое, Вальтер!

— Представляю, Густав. — Вцепившись пальцами в воротник свитера, радист порывисто наклоняется к собеседнику. — Представляю все очень хорошо. Но мы с тобой умные парни. И «ошибемся» тогда лишь, когда захотим! Запрем их крепче и оставим без снадобья. И пусть у них все начинается. Понял?.. Пловцов придется прикончить. Жаль бедняг, но что поделаешь, если все так случилось?.. — Он хватает Глюка за плечи, заглядывает ему в глаза. — И нас с тобой отправляют на материк: пловцов нет, нам здесь нечего делать!.. А денег не занимать ни тебе, ни мне. Денег куча! И еще будут. И чистенькие мы: никто ничего не знает. Поживем, осмотримся, а там будет видно. Война продлится не вечно. Надо и о себе подумать!..

Рыжий неподвижно стоит посреди пещеры. Вот он мотнул головой, ссутулился и, выставив кулаки, двинулся на радиста.

— Тихо! — шепчет радист, прислушиваясь.

В пещеру стремительно входит Абст.

— Глюк, одеваться! — говорит он.

Рыжий вздрагивает.

— Что еще стряслось, шеф?

— На скале — человек.

— Что?..

— Человек на восточном склоне, у самой воды. Я увидел его в перископ.

— Человек с базы? — Радист осеняет догадка. — Пловец из противодиверсионной службы?

— Вряд ли: лежит неподвижно, раскинув руки.

— Понятно, — восклицает радист, всплеснув руками, — понятно, кто он! Наверное, тот самый... Наверное, течение прибило труп приговоренного... Шеф, на допросе вы были бок о бок с ним. Не опознали?

Абст пожимает плечами.

— Не до него было: вот-вот грохнет взрыв, а мне надо успеть исправить респиратор... Да и сидел он, закутавшись в одеяло, голова забинтована — одни глаза сверкали... Хватит болтать, пошли!

Абст, Глюк и Вальтер выходят.

Трое обитателей подземелья втаскивают в пещеру двухметровый цилиндр и укладывают его на обитом цинком столе.

— Открывайте, — бросает Абст, направляясь к шкафу с медикаментами.

Пловцы отщелкивают замки, напоминающие стяжные запоры канистр. Их четыре, они расположены пояском в первой трети цилиндра.

Глюк берется за скобу в торце цилиндра, тянет ее к себе. Радист придерживает цилиндр с противоположного конца. Цилиндр разнимается на две части. Он подобен футляру. И в нем человек, бронзоволицый и темноволосый. Его глаза закрыты. Нос, рот и подбородок спрятаны в воронке, от которой уходит в цилиндр толстый резиновый шланг.

Радист стаскивает с человека его стальной футляр. Пустая кассета со звоном падает на пол, будто гильза артиллерийского снаряда. Теперь человек виден весь — тощий, с опавшим животом и торчащими ребрами, которые, кажется, вот-вот прорвут обтягивающую их желтую кожу.

Со шприцем в руках над ним наклоняется Абст. Он делает укол в область сердца, приносит второй шприц и производит инъекцию в руку.

Человек вздрагивает, стонет. Он открывает глаза, силится поднять голову. Абст берет его руку, слушает пульс.

— Воды! — приказывает он. — Горячей воды! Соберите всю, какую найдете, слейте в ванну. Скорее!

Глюк и Вальтер спешат к выходному проему пещеры. Но человек начинает биться, закатывает глаза, хватая руками воздух, хрипит. Затем глухой удар затылком о крышку стола, волна дрожи от груди к ногам — и он замирает.

Абст пальцем поднимает веко у него на глазу.

— Готов! — бросает он.

Помощники возвращаются. Радист набожно крестится. Подойдя к покойнику, складывает ему на груди руки.

— Быстренько ты отчалил... — бормочет он, разглядывая лежащего. — Кто же ты был, малаец или индус?

Из карманчика на груди свитера Глюк достает круглую белую коробочку. От нее тянется длинный шнурок.

— Взгляни.

Радист развинчивает коробочку. Вываливается свернутая в трубку бумажка. Он развертывает ее и читает:

— «Рагху Бханги, бакалавр медицины. Семьсот восемь, Рэд-стрит, Лондон». Ну и что? — говорит он, подняв глаза на товарища.

— А то, что бакалавр медицины — это врач. Парень носил эту штуку на шее. Он был врач. Сама судьба пригнала его сюда. Надо же, доплыл, чтобы испустить дух у нас на руках!..

— Врач, — шепчет Вальтер, начиная понимать. Он обращивается к Абсту. — Шеф, и вы рискнули бы довериться черномазому?

— Почему бы и нет?

— Чужому, шеф?

— Чужому? — переспрашивает Абст, возвращаясь к столу. — А какая, собственно, разница? Ведь он никогда бы не вышел отсюда.

И снова Карцов видит солнце, яркое, жгучее солнце прямо над головой, и ощущает струи влажного теплого ветра.

Он лежит у самой воды, ноги его свисают с края скалы, так что волны холодят ступни, лодыжки.

Время от времени он шевелится на своем неудобном ложе, громко стонет: быть может, на скалу выведены микрофоны; пусть тогда обитатели подземелья не только видят в перископ полумертвого от перенесенных лишений человека, но и слышат его голос.

Подаренный Джаббом нож — рядом, на краю каменной щели. Карцов прикрыл его коленом и готов мгновенно столкнуть в глубокую щель. Как только Абст появится из-под воды, нож исчезнет.

В те часы, когда Карцов, дождавшись темноты, вновь переплыл лагуну, с фонарем в руках отыскал ориентир и свое убежище, а затем выбрался на волю, в те часы он многое передумал. Определен каждый его шаг, взвешено каждое слово, которое он скажет хозяевам грота.

Есть ли шансы на успех? Почти никаких. Но он должен сделать последнюю попытку. Военно-морской базе союзников грозят новые диверсии — Абст и его люди не остановятся на полпути. Только он может помешать этому, сохранить корабли, которые действуют против общего врага, спасти жизнь сотен моряков. То, что военный суд базы приговорил его к смерти, ничего не меняет.

Есть и еще причина, заставляющая Карцова свершить задуманное. Что это за люди, которых опекает Ришар? Больные, чья психика расстроена в результате какого-то проис-

шествия? А что, если в подобное состояние они приведены умышленно, с целью?

Карцов восстанавливает в памяти диалог помощников Абста, когда те остались одни в пещере. Радист предлагал выжебородому уничтожить группу пловцов. Зачем?

Ни на секунду не может забыть он неподвижных глаз водителей буксировщиков. И особенно отчетливо видится ему обнаженный пловец — тот, которого у воды настигла Ришар.

Солнце палит нещадно, а у Карцова ноги заледенели. Завладев ступнями, холод ползет выше. Это страх при мысли о предстоящем.

Все равно он обязан проникнуть в тайну хозяев грота. Банды подводных пиратов действуют, быть может, и в других местах. Надо узнать, где именно, как с ними бороться.

Бороться!.. Подумать только, он все еще не теряет надежды выжить, выведать секреты врагов да еще и пересечь океан из конца в конец и вернуться на Родину с важными сведениями о противнике!..

Яркое солнце. Заштилевшее море. Бездонное чистое небо. И скала, на которой лежит человек. Голова его неловко подогнута, пальцы разбросанных рук вцепились в камень, тело в порезах и ссадинах вздрагивает...

Ну, а если его не заметят? Или сочтут умершим?

Протянув руку, Карцов нащупывает нож. Вот для чего хранит он подарок Джабба. В крайнем случае при самых критических обстоятельствах, когда уже не на что будет надеяться...

Р-раз! Он сталкивает нож в расщелину.

В воде, совсем рядом, две головы в шлемах!

Пловцы выбрались на скалу, помогли друг другу снять шлемы, приближаются, неуклюже шлепая ластами. Вот они присели на корточки, всматриваются в распростертое на камнях тело.

— Кто ты, старик? — по-английски спрашивает Абст.

Вопрос повторен на испанском языке, затем по-французски. И лишь потом звучит немецкая речь.

— Кто ты, старик? — говорит Абст. — Ты моряк? Твой корабль потоплен?

«Старик!» Карцову кажется, он во сне.

Мозг работает с непостижимой быстротой. Да, конечно же, да! Он истощен, грязен, оброс.

Абст кладет пальцы ему на запястье, слушает пульс.

Он видит страх в глазах лежащего на скале человека. Почему человек пытается спрятать руку?..

Абст хватается ее, поворачивает к себе.

— Немец? — восклицает он, увидев татуировку.

Это последнее, что запомнил Карцов.

Сознание вернулось к нему уже в подземелье.

Он открыл глаза в постели, занимавшей добрую половину тесного каменного закута. Рядом стоял Глюк и кормил его с ложечки.

С наслаждением глотал Карцов мясной бульон — горя-

чий, крепкий, необыкновенно вкусный. Чашка быстро опустела. Знаком он попросил еще.

— Больше нельзя, — наставительно сказал Глюк. — Можешь подохнуть, если обожрешься.

И он ушел, заперев за собой дверь. Абст пока не появлялся.

Трижды в сутки Глюк приносит еду, кофе. Почти не разговаривает. Задал два вопроса: возраст, профессия.

Счет времени Карцов ведет так: три приема пищи, следовательно прошли сутки; вновь завтрак, обед и ужин — еще сутки долой.

Маленькая лампочка, подвешенная высоко, под самыми сводами, горит все время — свет ее чуть пульсирует.

Карцов сыт, отдохнул, полностью экипирован — на нем такой же вязаный свитер, брюки и шапочка, что и у Глюка. Одежду тоже принес рыжебородый — бросил на койку, показал рукой: одевайся! Вспомнив, ушел и вернулся с парой войлочных туфель, швырнул их под ноги Карцову и молча встал у двери.

Карцов натянул брюки, с трудом просунул голову в узкий воротник свитера, надел туфли.

Глюк сел на койку, поднял штанину на своей левой ноге.

— Пощупай, — распорядился он, шлепнув по голени, — пощупай и определи, что здесь было, если ты действительно врач.

Карцов опустился на корточки, осторожно коснулся толстого иссиня-белого колена своего стража.

— Не здесь. — Глюк покрутил головой. — Ниже бери.

Рука Карцова скользнула к икроножной мышце, исследовала и голень. На кости было утолщение.

Пальцы тщательно ощупали кость, промяли мышцы.

— У вас был перелом, — сказал, выпрямляясь, Карцов. — Косой закрытый перелом, скорее всего обеих костей. А лечили вас плохо: большая берцовая кость срослась не совсем правильно. Когда это случилось? Лет пять назад?

— Шесть...

Все это происходило вчера, на третий день пребывания Карцова в гроте. А сегодня, тотчас после завтрака, Глюк вывел пленника из пещеры. За дверью их ждал радист.

И вот они идут узким извилистым коридором. Лампочки, подвешенные на вбитых в скалу крючьях, светят плохо, и надо зорко глядеть под ноги, чтобы не оступиться.

Провожатые останавливаются у полукруглой двери. Глюк тянет за железную скобу. Дверь открывается.

Большая пещера. Вверху обилие сталактитов, стены сравнительно гладкие, пол в центре покрыт брезентом, под которым угадывается что-то мягкое.

Посреди — подобие стола, возле него — несколько складных табуретов. И шест с поперечиной. На нем находился серый какаду — настоящий, живой!

Карцову чудится: вот попугай встрепенется, хлопает

крыльями, прокричит «Пиастры, пиастры!» — и в пещере появится колченогий Сильвер...

Но попугай неподвижен. А вместо стивенсоновского героя к столу подходил Абст.

Он вошел откуда-то сбоку, кивком показал Карцову на табурет, сел сам. За спиной пленника лягнула дверь: конвоиры ушли.

Абст пододвигает попугаю блюдечко с кормом, перекладывает на столе книги.

— Ну, — говорит он, подняв голову и оглядывая Карцова, — как чувствуете себя?

— Спасибо, хорошо.

— Сколько вам лет?

— Двадцать девять.

— Двадцать девять, — повторил Абст. — Кажется вы значительно старше. Много пережили? Что же с вами случилось?

— Я бы хотел спросить... — Карцов с любопытством разглядывает пещеру. — Где я нахожусь?

— Вы у друзей. — Абст простодушно улыбается.

— Это я понимаю. Но кому я обязан спасением?

— Скоро узнаете. Всему свое время. А пока спрашиваю я. Итак, вы назвались врачом?

— Я невропатолог.

— И вы немец?

Задав последний вопрос, Абст видит: тень пробежала по лицу сидящего перед ним человека, руки его, покоившиеся на коленях, задвигались, пальцы так сжали друг дружку, что побелели суставы.

— Да, я немец, — тихо отвечает Карцов. — Но я мирный человек и никогда...

— Имя!

Готовясь к беседе, Карцов решил, что возьмет фамилию своего школьного друга.

Он отвечает:

— Меня зовут Ханс Рейнхельт.

— Хорошо, — говорит Абст. — Итак, Ханс Рейнхельт. В какой части Германии вы жили? Назовите город, улицу, номер дома. Укажите близких соседей. Меня интересует все.

(Окончание следует)

ЧАСОВЫЕ НАШИХ ПОЛЕЙ

Однажды, рассказывая о проблемах современной сельскохозяйственной химии, старейший советский ученый, академик И. И. Черняев, воспользовался любопытным сравнением. Он припомнил легенду, связанную с историей рождения шахмат. Согласно преданию, мудрец, изобретший шахматы, попросил у восточного царя Шерама скромного, казалось бы, вознаграждения. Он хотел, чтобы на первую клетку шахматной доски ему положили одно пшеничное зернышко, на вторую — два, на третью — четыре, и так далее.

Решив, что его милостью просто пренебрегают, разгневанный властитель распорядился немедленно выдать нищенскую, по его мнению, плату. Но когда придворные математики сочли, сколько зерен придется положить на все 64 клетки маленькой доски, то стало ясно, что даже с пашен всего мира не собрать нужного количества зерна.

Удивительное свойство геометрической прогрессии порой приобретает, по словам И. И. Черняева, грозную роль в сельском хозяйстве. Вот одна тля. Мелкое, невзрачное насекомое. Много ли нужно ему для пропитания? Пустяк! Но при благоприятных условиях пара тлей может дать за одно лето 18 поколений. И в полном соответствии с законами геометрической прогрессии каждое из них тоже будет размножаться с чудовищной быстротой. И так не один враг сельскохозяйственных полевых самым изощренным способом борьбы с ним противопоставляет фантастическую плодовитость.

«Человек думает, что съедает сам то, что выращивает, на самом деле ему достаются объедки со стола насекомых-вредителей», — в этой грустной шутке одного ученого, конечно, много преувеличения. Но попытаемся прикинуть, во что обходится нашим заказчикам аппетит всех жующих, сосущих, грызущих, кусающих и прочих вредителей сельского хозяйства. Результаты получаются сшеломляющие. Одна пара колорадского жука — получи она возможность размножаться беспрепятственно — лишь за один сезон произведет на свет ни мало, ни много — 30 миллионов особей. И если учесть, что один жук способен съесть за свою жизнь примерно 25 граммов картофельной ботвы, то простой, хотя и условный, конечно, подсчет покажет: поколение одной только пары может уничтожить за сезон 25 тонн зеленой картофельной массы!

Доподлинно известно, что из 1 200 тысяч насекомых и микроорганизмов, населяющих нашу Землю, по крайней мере 68 тысяч причиняют вред сельскому хозяйству.

А сорняки? Неприхотливые, выносливые, баснословно плодовитые, эти «безобидные цветочки» ежегодно крадут с каждого гектара не один центнер урожая. Подсчитано, что из-за вредителей, болезней растений и сорняков наша страна всего пять-шесть лет назад теряла столько даров полей, что убытки выражались в астрономической цифре: 5,5 миллиарда рублей в год!

Защищая плоды своего труда, человек испокон веков шел войной на этих врагов. Он выжигал сорняки и перепахивал поля, протравливал семена и морил грызунов, окуривал дымом посадки и умело натравливал одних, безобидных, представителей мира насекомых на других — вредных. В этой борьбе он знал и успехи и поражения...

В истории человеческого общества среди описаний эпидемий и стихийных бедствий встречаются страницы, рассказывающие о болезнях растений, поражавших целые страны, и о «тотальных» нашествиях вредителей полей, огородов, садов.

...Сороковые годы прошлого века. Ирландия. Страну постигает несчастье, от которого никто не знает избавления. Ботву и клубни картофеля поражает микроскопический грибок «фитофтора инфестанс». Картофель гниет на полях, расплзается в руках мокрой, скользкой гнилью. Лето за летом гибнет урожай. Сороковые годы остаются трагической страницей в памяти ирландцев: миллион человек, погибших от голода; полтора миллиона эмигрировавших за границу, чтобы избежать этой участи.

Другая страна света — другая беда. «Баканаэ» — «болезнь дурных побегов» — обрушивается из века в век на рисовые плантации Японии и других стран. Листья риса вытягиваются и желтеют, растение хиреет и теряет жизненные силы... Урожай гибнет от руки невидимого микроскопического врага — грибка «гибберелла фуджикуройе».

Число подобных примеров можно было бы умножать бесконечно. Подобно проказе, поражает ржавчина чайные плантации на Цейлоне. Производство бананов во многих странах терпит тяжелый урон: нет надежных средств борьбы с возбудителями так называемой панамской болезни.

Нашествия саранчи отмечают как величайшее бедствие летописцы народов, населявших долину Нила, земли плодородной

Месопотамии, Индии и Ирана. Более ста лет назад приобрел разбойничью квалификацию и безобидный до того колорадский жук. Облюбовав для себя посадки картофеля в западноамериканском штате Колорадо, он покинул колючий паслен — дикое растение, на котором сбивал до тех пор, и превратился в опаснейшего врага земледельца. Сначала он свирепствовал в Америке, а в годы первой мировой войны, пропутешествовав по океану на американских пароходах, обосновался сначала на полях Франции, а потом и всей Западной Европы. В 1948 году он появился и на территории нашей страны.

1922—1926 годы потрясли лесоводов нашей страны. Почти миллион гектаров прекрасной восточносибирской тайги погиб от нашествия шелкопряда. А всего несколько лет назад угрозе подверглись леса и сады уже Центральной зоны Европейской территории страны. Внезапно, безо всякой видимой причины, подчиняясь каким-то биологическим законам, началось чудовищное размножение непарного шелкопряда. По июльским улицам Москвы летали бабочки вредителя, откладывая яйца не только на деревья, но даже на каменные стены домов.

Полна драматизма и история борьбы человека с грызунами, с пернатыми врагами полей.

Из века в век, из тысячелетия в тысячелетие земледелец отстаивал плоды своего труда. И все это время верным союзником в его борьбе служила одна из древнейших наук на земле — химия.

Из очень отдаленных времен доходит до нас рассказ Гомера о сере, «отвращающей вредителей». Плиний-младший предлагал обрабатывать зерна вином, в которое добавлена истолченная хвоя кипариса. Никотин и далматская ромашка применялись для борьбы с насекомыми еще во времена Александра Македонского. В древнем Египте, в Персии и на Кавказе люди воевали за урожай с помощью разных химических веществ. Хлористая ртуть помогала охранить древесину от гнили; серой, смешанной с мягким мылом, защищали персиковые деревья. Сулему и мышьяк, позже нефть, и керосин, и другие вещества с разными свойствами брал человек на вооружение.

Так рождалась наука защиты растений — наука, которая сегодня непременно включает в свое название термин «химическая».

Гербициды и фунгициды, инсектициды, зооциды и прочие средства химической защиты растений, родившиеся уже в наше время, на наших глазах, непременно несут в своих названиях один корень «цидо» — звонкий, как удар военного гонга, воинственный, как призыв к атаке.

«Цидо» — по-древнелатински это значит «убиваю». Земледельцу, представителю самой мирной на земле профессии, приходилось упорно искать в окружающих его веществах способность убивать вредителей полей. Открытие приходило не сразу, а путем долгих наблюдений. Порой человеку улыбался случайный случай, порой выручало неожиданное везение. Но, как правило, открытия с течением времени становились все более систематическими и в общем-то ожидаемыми. И это понятно. История естествознания свидетельствует о том, что открытия совершаются людьми, в первую очередь подготовленными. Изобретают что-либо люди, в первую очередь наблюдательные.

Среди обширного семейства ядохимикатов, которыми пользовался человек, одно из заметных мест занимают медь и ее соединения. Открытие защитных свойств меди — история характерная и поучительная.

Официальное ее начало относится к 1807 году, когда французский аббат Прево заметил, что если семена пшеницы протравить перед посевом медным купоросом, то гнездящиеся в семенах злака споры головни погибают до единой. Опыт ученого аббата был подхвачен. Но определенных выводов о фунгицидных свойствах меди отсюда еще не последовало. Больше того, прошло совсем немного времени, и в Ирландии вспыхнула та самая эпидемия болезни картофеля, которая унесла столько человеческих жизней.

Средств борьбы практически никаких не было. А тем временем в одной из газет появилось сообщение, в котором упоминались результаты интересных наблюдений. На картофельных полях Уэльса, расположенных близ заводов, переплавлявших медную руду, не было заметно и следа болезни. Сообщение не привлекло внимания. А в итоге ученые, занятые лихорадочными поисками средств защиты от свирепствующей эпифитотии (так называют эпидемии среди растений), буквально упустили из рук секрет нужного лекарства.

Признание «лечебных» свойств медного купороса произошло лишь спустя несколько десятилетий.

В 1882 году виноградарь Бордо, на юге Франции, переживали тревожное время. На виноградных гроздьях появились зловещие белые налеты, листья начали скручиваться, побеги засыхали и опадали. Надвигалось бедствие — виноград был поражен болезнью «мильдю», или, как ее иначе называют, «ложной мучнистой росой». Микроскопический грибок грозил погубить весь урожай. И тут французский естествоиспытатель Милларде, искавший средства борьбы с эпидемией, обратил внимание на то, что виноградники вдоль проезжих дорог выглядят на удивление здоровыми. Могло случиться, что ученый прошел бы мимо замеченной странности, не придавая он особого значения всем, даже случайным, фактам, которые встречаются на пути исследователя.

Он принялся внимательно изучать здоровые растения. Но так как они отличались от больных только тем, что были обмазаны смесью извлекшего молока и купороса (чтобы прохожие не польстились на спелые плоды), то Милларде заключил: именно обмазка и предохраняла растения от болезни. Он поставил серию опытов и доказал, что его предположение правильно: смесь исключительно успешно защищает виноград от «ложной мучнистой росы».

В 1885 году Милларде обнародовал свой рецепт и назвал новый препарат бордоской жидкостью. Именно этому сельскохозяйственному яду суждено было в течение следующих десятилетий сослужить отличную службу садоводам и виноградарям.

А работы по исследованию фунгицидных свойств меди продолжались. Разные соединения этого элемента были мобилизованы на борьбу с болезнями, вызываемыми микроорганизмами. Новые препараты защищали посадки картофеля и помидоров, яблоневые деревья, хмель и виноград. Пройдет время, на смену

этим препаратам придут другие — цинеб, кантан, циран, более сильные, более тонкие, но история открытия бордоской жидкости останется в истории агрохимии, как пример творческого отношения ученого к своей работе, как доказательство того, что упорный поиск и внимание к маловажным, казалось бы, фактам могут дать в науке удивительные плоды.

Наука о химических ядах развивалась все дальше. Новые открытия и новые идеи завоевали мир сельского хозяйства. Поиск ученых давал порой совершенно неожиданные результаты. Пришла очередь и страшной «баканаэ» открыть свою тайну. 1934 год. Японские исследователи Ябута, Сумики и Хаяши выделяют из продуктов обмена грибка — возбудителя болезни органическую кислоту, действие которой в сильных дозах вызывает у растений симптомы болезни, а в малых количествах заставляет растение бурно развиваться, словно подстегивая его и наливая жизненными силами.

Новый препарат становится в ряд с другими ростовыми веществами. А имя ему дают по названию грибка — гиббереллин.

Открытие гиббереллина — явление примечательное сразу в нескольких планах. Болезнь, убивающая живое, наталкивает на поиски и открытие средства, дающего растению новые силы. Жизнь рождается у истоков смерти, еще одно проявление диалектического единства противоположностей.

Любопытно и другое. Гиббереллин как бы един в двух лицах. Он и стимулятор, он и яд — все зависит от концентрации, в которой применен препарат. Позже это его свойство, как, впрочем, и подобные же свойства других ростовых веществ, станет тонким прицельным оружием в руках человека, возделывающего урожай.

Наступает момент, и совершенно закономерно в сражение на полях включается самая молодая и многообещающая ветвь химии — химия органического синтеза. Положение качественно меняется. Тысячелетиями человек занимал по отношению к природе пассивную позицию, используя в своей борьбе за существование только плоды ее созидательной работы: продукты и материалы, которые ему удавалось открыть или отвеивать. Он мог рационально использовать полезные для себя качества этих материалов, мог произвольно комбинировать друг с другом их свойства. Но никогда не был в состоянии «заказать» природитворцу продукт или материал, в котором особенно нуждался. Все это в полной мере относилось и к «полезным ядам».

Человек открыл массу веществ и соединений, способных выполнять роль защитников растений. Он выяснил, что многие элементы — азот или хлор, сера или медь, олово или ртуть — могут стать ядохимикатами. В распоряжении агрохимика был довольно богатый, но в то же время и ограниченный запас веществ — ядов, взятых словно напрокат из мастерской природы.

Развитие органического синтеза раскрыло секрет получения материалов с заданными свойствами. Было рассеяно убеждение, что органические вещества могут рождаться только в живой лаборатории. Перед человеком открылся новый мир, где он становился создателем веществ и материалов.

«...Органическая химия может в настоящее время кого угодно

свести с ума... она представляется дремучим лесом, полным чудесных вещей, огромной чащей, без выхода, без конца, куда не осмеливаешься проникнуть». Эти слова принадлежат химику, первому в мире синтезировавшему органическое соединение из неорганических веществ, немецкому ученому Фридриху Вёлеру, который вопреки своим же словам смело проник в область таинственной органики.

Новый этап в развитии химии стал важнейшим событием и в истории создания веществ — защитников полей. Органический синтез дал жизнь новым, эффективным ядохимикатам, и с тех пор число их стремительно растет.

На февральском Пленуме ЦК КПСС, наметившем пути дальнейшей интенсификации сельского хозяйства, в числе других мер большое внимание было уделено использованию химии для борьбы с сельскохозяйственными вредителями.

В нынешнем году советским агрохимикам служили верой и правдой 60 средств химической защиты растений. Много это или мало? Будет ли увеличено их число в ближайшем будущем? Как создавались эти препараты? Какие среди них существуют виды и каким отдается предпочтение? Наконец, какими путями идет сегодня химик, отыскивающий новые полезные яды? На десятки подобных вопросов ответил во время нашей беседы заместитель директора Всесоюзного института химических средств защиты растений профессор **Николай Николаевич Мельников**, автор более 350 научных трудов, владелец 140 свидетельств об изобретениях и открытиях.

— В термине «полезные яды», довольно часто употребляемом в наши дни, скрывается весьма ощутимое противоречие, которое хотелось бы сразу и выявить и оттенить, — заметил профессор. — Мы, химики, стремимся создавать для полей вещества, по возможности не имеющие ничего общего с ядами, всеми силами пытаемся лишить наши препараты токсичного влияния на человека, направить карающую силу химии только по одному адресу — против вредителей сельского хозяйства.

А ведь не секрет, что многие из применявшихся тысячелетиями ядохимикатов были ядами в полном смысле этого слова — и для вредителей полей и для человека. Земледелец постоянно имел дело с обоюдоострым оружием, сила которого могла при неосторожности обратиться против него самого.

Из сказанного вытекает основной принцип нашей работы, виден предмет главнейших наших забот. Уже очень многие препараты, утвердившиеся сейчас на полях страны, так же безвредны для человека, как, допустим, поваренная соль или одеколон. Но, конечно, остались в практике еще и такие вещества, обращение с которыми требует особой осторожности. Легко понять, как важно было бы заменить их препаратами безобидными.

Вот почему создание любого нового пестицида — всегда процесс тонкий, сложный, долгий, напоминающий поиск, который ведет опытный фармацевт, отыскивающий новое лекарство. Но разница здесь состоит в том, что больной принимает лекарство в течение немногих дней или в крайнем случае недель, а когда «заболевают» растения на пашнях, в садах, огородах, то срок приема ими «лекарства» исчисляется куда большими периодами. И это регулярное лечение должно пройти, совершенно не затро-

нужно здоровья самих людей. А это значит, что пестициды положено сохранять в плодах лишь строго определенное время. Сработав с точностью часового механизма и выполнив свою задачу, они должны распротиться со своими смертоносными свойствами. В этом им «помогают» и биохимические процессы в растительном организме, и солнце, и дождь, и ветер...

Значит, мало создать новое соединение и выяснить его угнетающие функции по отношению к вредителям полей. Надо ответить еще на тысячи вопросов, связанных с характером и последствиями деятельности нового союзника, решить несчетное множество больших и малых проблем.

Кстати сказать, применение пестицидов особенно остро ставит вопрос о взаимной связи человека и природы. Природа жестоко мстит за неумелое, грубое вмешательство в ее дела, она карает неосторожного, смеется над недалевидным. Почти каждый акт в творческой, преобразующей деятельности человека волно или невольно сдвигает равновесие, устанавливавшееся в природе веками. И очень трудно бывает наладить новый разумный порядок.

Здесь можно было бы припомнить историю, ставшую, пожалуй, хрестоматийной и случившуюся в свое время на острове Ямайка. Чтобы избавиться от ядовитых змей, в изобилии водившихся на острове, местные жители ввели к себе птицу-секретаря. Вскоре число змей действительно резко уменьшилось, но зато на острове расплодились полевые крысы, которых раньше уничтожали змеи. Над плантациями сахарного тростника нависла угроза, и настолько серьезная, что вскоре на остров пожаловал новый гость — индийская мангуста. Ей предстояло избавить островитян от новой напасти. Избавила. Но, расплотившись невероятно, сама обратилась за пропитанием в сады, на плантации и поля и даже начала уничтожать домашнюю птицу, мелкий скот. Теперь пришлось воевать и с недавним союзником...

Рассказанная история к пестицидам прямого отношения не имеет. Но она подтверждает мысль, высказанную раньше — о необходимости разумного вмешательства в дела природы, — и еще раз говорит, что и нам, применяя новый ядохимикат, всегда приходится очень точно рассчитывать эффект его действия. Здесь может случиться, что яд, убивая насекомое или животное, освободит дорогу другим вредителям полей и садов. Или лишит пищи полезных птиц и насекомых...

Итак, в силу очень многих причин из тысяч веществ, синтезируемых в химических лабораториях, на поля попадают лишь единицы. Но даже у прошедших этот строгий отборочный конкурс срок жизни обычно недолог. Проходит 5—7—10 лет, и пестицид отзывают с поля брани. Сорняки, вредители, микроорганизмы успели к нему приспособиться, выработали защитные функции. Поэтому всегда приходится иметь в резерве новые вещества, чтобы ни на минуту не ослаблять атаки на полях.

Среди химических средств, с помощью которых человек защищает посевы от целой армады врагов, сегодня существует несколько четко выраженных групп с направленным действием. Фунгициды воюют с микроорганизмами, инсектициды убивают насекомых, гербициды взяли на прицел буйное племя сорняков.

Плодовитость и аппетит сорных растений вошли в поговорку. Скромники васильки, поселившиеся в посевах, за лето только на одном гектаре отнимают у злаков 65 килограммов азота, 25 килограммов фосфора, 98 килограммов калия. Эту сумму ценных веществ, которую по питательности можно приравнять к полутонне удобрений, васильки жадно и прозорно высасывают из почвы. Оставьте такого прожорливого едока на поле, и удобрения, отданные посевам, попадут в его рот.

Гербициды помогают избавиться от непрошеного соседства. Они уничтожают сорняки. Но яд не минует и самих посевов. Что же будет с ними?

Да ровным счетом ничего! Гербициды — оружие с оптическим прицелом. Губительно действуют они только на сорняки. Попадая же на полезное растение, активное начало аддохимиката нейтрализуется, и злак остается неповрежденным. Однако ли действует один и тот же гербицид на все посевы? Нет. Среди гербицидов есть, если можно так выразиться, вещества-специалисты и вещества-универсалы.

Среди «специалистов» вы найдете защитников отдельных культур. Вот, например, симазин. Он защищает от сорняков посевы кукурузы. Попробовали применить симазин на полях — и урожай кукурузного зерна сразу вырос на 5—6 центнеров с гектара. А зеленой массы получили почти на 80 центнеров больше.

У других культур тоже должны быть свои персональные защитники. И сложность и увлекательность задачи, стоящей перед химиками, заключается в том, что надо найти, синтезировать именно то единственное вещество, которое возьмет на себя задачу охранять посев той или иной культуры, сумеет безошибочно ориентироваться среди растений на поле, точно выбирая цель, указанную ему человеком.

Десятки, сотни опытов чередой сменяют друг друга в лабораториях, на опытных делянках, пока исследователь не убедится в точности своего выбора и не рекомендует новый препарат для химической прополки полей.

Но случается, что на многих километрах земли не нужно ограничивать действие яда. Заросло ли железнодорожное полотно травой, надо ли очистить от сорняков поле аэродрома или высохший водоем — в этих случаях вступает в ход армия гербицидов-универсалов. Подобно исполинской косе, они за несколько часов расправляются с сорняками, продельвая работу, на которую раньше у человека ушли бы дни, а может, и недели.

Химия становится на защиту урожая с того момента, когда подходит время сева. И эту службу она несет неусыпно: и при протравке семян, и в пору, когда над землей вскидываются первые нежные проростки, и в дни, когда колос наливаются тяжелым зерном, и, наконец, тогда, когда собранный урожай приходит на элеваторы и в амбары...

На каждом этапе этого пути урожай подстерегают многочисленные враги. У одного картофеля можно насчитать больше 300 противников.

Перед химиками встала проблема — к вредителям специфическим и подходить нужно специфически. Подобно тому, как

врач лечит грипп одним лекарством, а больному корью или скарлатиной прописывает совсем иные снадобья, так и «врачеватель» полей применяет в разных случаях препараты с избирательным действием. Зачастую же приходится поломать голову над тем, как лучше выбрать направление удара.

Есть у хлопчатника такая болезнь — вилт. Вызывает ее грибок, который попадает в растение из почвы, пробирается во все сокровенные уголки его, забивает сосуды, а в результате хлопчатник увядает и гибнет. Обработать почву фунгицидом и так уничтожить инфекцию было бы трудоемко и дорого. Можно действовать экономичнее: поразить вилт внутри самого растения. Это удастся, если найти препарат, который проникнет в растение тем же путем, что и грибок, задержит развитие болезни, а затем и очистит зараженные сосуды. Химики известны вещества такого внутреннего действия. Их называют системными ядами. Создать подобный препарат нелегко. Его нужно наделить не только силами для борьбы с грибком, но и дать ему способность передвигаться внутри растения. А поборов врага, ему еще придется избавиться и от своих ядовитых качеств. Создать фунгицид против вилта с такими свойствами — задача, которая для нас необычайно привлекательна.

Препараты системного или внутреннего действия — область, где почти монопольно властвуют фосфорорганические соединения.

Идея создать на основе этих веществ ядохимикаты, в первую очередь инсектициды, родилась лет двадцать назад. Исследования в этой области были отмечены каскадом работ, в результате которых родились такие широко распространенные сейчас химические препараты, как систокс, октаметил, рогор, метилмеркаптофос, метилнитрофос, и многие другие. Одни из этих соединений защищали растение от вредителя извне. Их называли ядами контактного действия, потому что соприкосновение с ними убивало насекомых. Другие действовали замаскированной и надежной. Дождь и ветер, солнце и роса могут быстро свести на нет силу контактного яда, но они бессильны против веществ, которые, проникая в ткани и сосуды растения, делают его настоящей отравой для прожорливого вредителя.

Научная база и промышленность фосфорорганических ядохимикатов росла год от году. Сегодня яды на основе фосфора, избавленные в большинстве своем от токсичных свойств, несут неусыпную охрану посевов хлопчатника и многих других ценных культур.

Пример с фосфорорганическими инсектицидами лишь одна страница в работе агрохимиков. Фронт их исследований непрерывно расширяется, и уже в этом году мы в Институте химических средств защиты растений будем испытывать около 30 новых препаратов.

Как же идет сам процесс поиска нужного химического яда, как создается армия защитников полей? Когда подобный вопрос нам задают журналисты, то обязательно имеется в виду какое-нибудь громкое и неожиданное открытие или, наоборот, курьезная история о том, как в работу ученого вторгся счастливый случай.

Но, «к несчастью», дело обстоит как раз таким образом, что тем больше шансов на успех у исследователя, чем меньше

он уповает на случайное везение. Положение это, безусловно, распространяется на все отрасли науки. И на мой взгляд, только накопление знаний, только владение всей суммой фактов, оставленных человечеством в наследство ученому, могут стать тем плацдармом, с которого стартует открытие.

«Изучайте, сопоставляйте, накапливайте факты, — говорил Иван Петрович Павлов. — Как ни совершенно крыло птицы, оно никогда не смогло бы поднять ее ввысь, не опираясь на воздух. Факты — это воздух ученого. Без них вы никогда не сможете взлететь...»

Именно факты могут подсказать исследователю и новую идею. Возьмите, например, такую увлекательную область в химии пестицидов, как создание так называемых привлекающих средств.

Еще в XIX веке известный французский натуралист Жан Анри Фабр открыл любопытное явление в природе. Сажая в клетку бабочку-самку, он наблюдал, как со всей округи начинали, словно по волшебству, слетаться к клетке самцы этой же породы бабочек.

Фабр предположил, что бабочка испускает какое-то пахучее вещество необычайной силы, которое привлекает других насекомых ее вида.

Вслед за опытами Фабра наука получила еще много других фактов, подтверждающих точку зрения ученого. В конце концов вещество, которое является источником запаха у бабочек, было выделено, и удалось расшифровать его состав.

А затем логически родилась мысль попытаться получить это вещество искусственным путем и сделать на его основе что-то вроде химической приманки. Идея была воплощена в жизнь. В 1964 году в США был опубликован патент на получение синтетического вещества — гексадекадиенола, привлекающего непарного шелкопряда.

Химические приманки созданы пока только для отдельных представителей из многих тысяч видов насекомых, населяющих мир. Но можно представить себе то, видимо, уже не очень далекое будущее, когда на запах созданных человеком привлекающих веществ полетят полчища крылатых вредителей. Расправиться же с ними в одном определенном месте уже не составит особого труда.

Процесс поиска нового химического средства защиты растений начинается с исследования биологических процессов, протекающих в организме вредителя. И это понятно. Для того чтобы выковать оружие, разящее наповал, нужно знать уязвимое место врага. Нужно выяснить, какие звенья в его жизненных процессах следует разрушить, чтобы вывести из строя всю цепь. Как правило, химик нацеливается на ферменты, управляющие ходом основных биохимических процессов в организме, и пускается на поиски веществ, способных блокировать работу этих регулировщиков.

В процессе поиска рождается рабочая гипотеза, которая становится для исследователя тем отправным пунктом, от которого он прокладывает пути в неизвестное. Бывает — и довольно часто, что гипотеза оказывается шаткой. Но новые факты, новые предположения позволяют рано или поздно создать другую, третью.

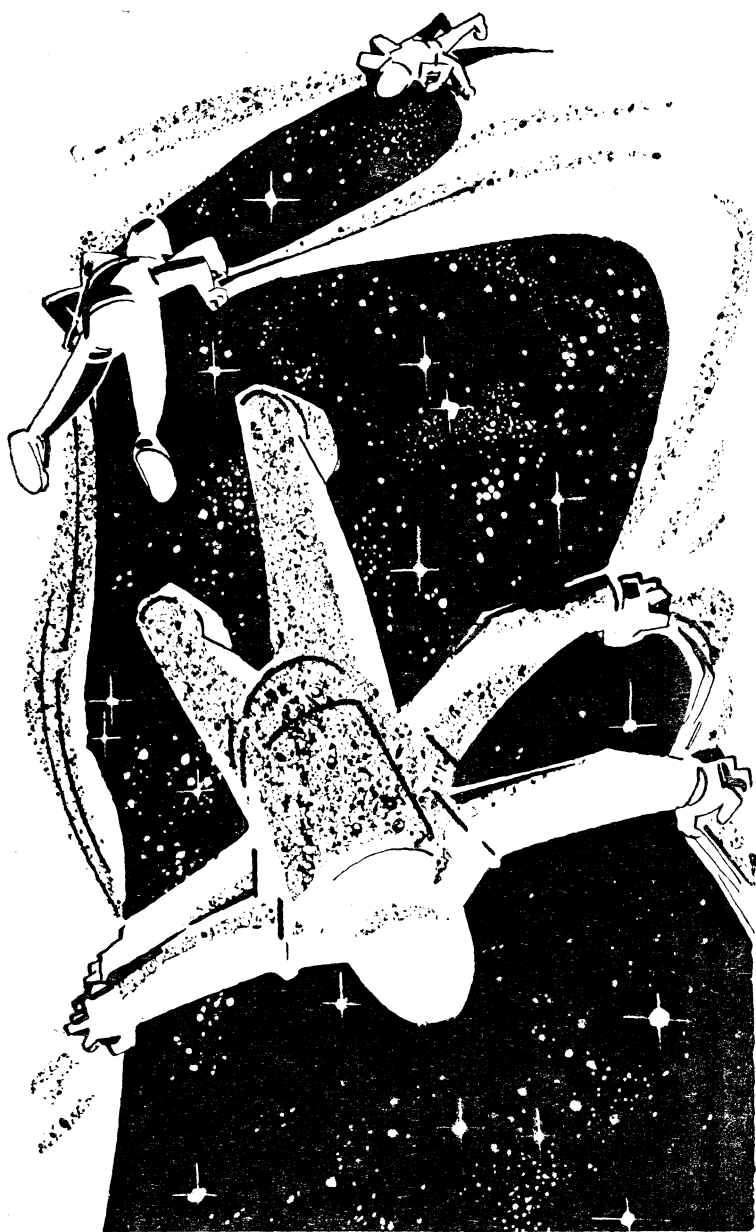
И чем солиднее был запас знаний и фактов, с которыми исследователь пускался в путь, тем менее случайным становится достигнутый, наконец, успех.

Ошибкой было бы, конечно, представлять себе процесс поиска нового химического препарата как труд ученого-одиночки. Современные средства химической защиты растений так сложны по своему составу, так непроста технология их изготовления, что каждое новое соединение рождается только в результате труда большого коллектива, сплачивающего таланты разных специалистов. Именно в такой коллективной работе молодежь вырастает в настоящих ученых. (Прервав на секунду рассказчика, заметим между прочим: больше чем всеми своими трудами и открытиями Николай Николаевич гордится тем, что 17 его учеников вышли в большую науку, защитили звания кандидатов наук.)

— В нашей работе, — продолжает профессор, — еще много работы на ощупь. Но все больше она начинает поддаваться планированию. Сегодня биохимик еще не в состоянии сказать вам, какова будет формула пестицида, который поможет расправиться с овсюгом. Но он уже определенно знает, что такой препарат может быть получен, и даже укажет класс веществ, в котором это соединение надо искать.

День ото дня наш поиск становится все более точным и направленным. И мы живем ощущением того времени, когда в нашу работу окончательно придет строгий математический расчет, когда результаты наших поисков можно будет предсказывать с той же долей определенности, которая уже сейчас доступна исследователям во многих отраслях наук. Сегодня электронная машина уверенно сообщает химику формулу катализатора, способного ускорить ход той или иной реакции. Завтра, мы надеемся, она с таким же успехом сделает это применительно к какому-нибудь пестициду, новому пополнению армии часовых наших полей.





СПУТНИК „ШАГ ВПЕРЕД“

Научно-фантастическая повесть

Рисунки Н. ГРИШИНА

Кедрин зажмурился, он вспомнил, что «спрыгнул с обрыва», летит, но до дна далеко. Далеко — он только начал падать.

— Почему же это не захочу? Только сейчас спать.

— Сначала — обед.

— Есть и спать.

Кедрин съел обед. Потом он спал. Когда он проснулся, все тело ломило, хотя он всегда занимался спортом. Но здесь был не спорт, а работа, и это было не одно и то же.

Настало время выходить в пространство. Все его существо протестовало против этого. Сердце стучало бешено.

«Она выходит каждый день, — подумал он, — и я «спрыгнул с обрыва», — сжал кулаки и пошел в камеру.

Снова было страшно. После тренировки он даже не пообедал как следует. Герна не было, был другой дежурный, он не удивился и не взволновался, просто отвел Кедрина спать. Пришлось долго устраиваться в постели, чтобы не болело тело.

На третий день он начал знакомиться с работой. Теперь его уже не втягивали в люк на тросе. Скваммер почти позиновался ему, хотя грудные дети, которые, если верить Герну, запросто могли бы управлять скваммером, были бы, наверное, невыносимо гениальными детьми. Его волновало, какую работу он должен будет выполнять ежедневно, чтобы доказать хоть себе самому, что он «спрыгнул с обрыва» не с желанием разозжить

Продолжение. Начало см. в «Искателе» № 2.

себе голову и поэтому достоин самой горячей любви самой чудесной женщины. Кстати, он так еще ни разу и не встретил ее на спутнике.

Он вышел и внезапно стал замечать всю конкретность окружающего мира. Он удивился тому, как велик этот мир и как не похож он на Землю. Земля была видна вся. Она заслоняла лишь небольшую часть вселенной.

Его проводили в тот куб пространства, который назывался рабочим пространством и где монтировались корабли. Там спешно достраивался пузатый планетолет, который, как оказалось, монтажники даже не называли кораблем, настолько он не был похож на это стройное слово, а именовали «пузырем» — и никак больше. Для его небольших скоростей такая форма была выгодна, и такие шары строились один за другим, но за пределы ближних орбит они не выходили, потому что тот, кто думает, что обводы корабля не играют роли в пространстве, пусть-ка сам попробует выйти на пузыре хотя бы в район Пояса астероидов. Кедрин уже знал, что пузырь теперь понадобится самому поясу, чтобы возить металл с Луны. Обычные транспорты не смогли бы справиться с обеспечением пояса металлом по новому строительному графику, по которому будет строиться звездолет — длинный корабль.

Шар висел в пустоте и вместе со спутником образовывал единую систему. Она медленно обращалась вокруг общего центра тяжести, который, в свою очередь, исправно вращался вокруг Земли. Кедрин смотрел и представлял. Если бы здесь работали автоматы, можно было бы сидеть в спутнике и думать хотя бы о том, как улучшить направленную связь с автоматами. Вслух Кедрин этого не сказал. Все равно монтажники вряд ли согласились бы с этим.

Они сновали вокруг шара. Монтажники — бронированные муравьи, как подумал Кедрин. Они что-то тащили, устанавливали, варили, стремительно пролетали или медленно обращались вокруг планетолета по каким-то своим орбитам. Чем больше смотрел на них Кедрин, тем менее подходящим казалось ему сравнение с муравьями, точность орбит подсказывала другое — это были люди-планеты, чьи пути пролегали в мироздании на равных правах с бесконечной спиралью Земли, трассой Солнца, дорогой Галактики, по тем же законам обращались они плюс еще один — закон человеческой воли, которая позволяла им менять свои орбиты, а когда-нибудь, возможно, позволит менять и орбиты планеты. Да, наверное, надо было обладать всеми видами силы, чтобы не пугаться такой планетной судьбы, а монтажники ее не пугались, они работали. Совсем так же, как работали люди на Земле; и если чего-то не хватало этой аналогии, то свиста или песни, потому что люди на Земле насвистывали за работой, а скваммеры молчали, во всяком случае, пока ты не включался на их частоту.

Молчал и Кедрин. Ему предложили облететь корабль, не торопясь, рассмотреть его со всех сторон. Он полетел. Конечно, прямо на корабль. Его поправили, догнав и самым грубым образом перевернув за ногу. Тогда он все-таки облетел корабль. Кое-где не хватало здоровенных кусков оболочки, и, наверное,

еще много чего не хватало. Хотя, как разъяснили Кедрину, внутри все было на месте: корабли в пространстве начинали монтировать изнутри, механизмы постепенно обрастали разными помещениями и оболочкой.

Потом понадобилось перегнуть одну из массивных деталей в нужное место. Кедрин выжал педаль стартера с такой силой, как будто давил каблуком змею. У него покраснело в глазах: это был предел перегрузок... Он очнулся. Ему кричали: «Тормози!» — кричали на общей волне. Он слышал. Он забыл, как тормозят. Вместо этого он еще прибавил ходу. Стало ясно, что плохо придется монтажнику, летящему впереди в том же направлении, но куда медленнее. Вокруг него были захлестнуты тросы от какой-то сложной и, судя по виду, особо массивной детали, которую он толкал перед собой, а в четырех руках он нес еще какие-то штуки поменьше. Кедринская деталь — гамма-отражатель — уже хищно нацелилась острым углом между лопаток скваммера, чуть повыше дверцы. Стало ужасающе ясно, что в точку встречи они придут одновременно... В пору было закрывать глаза.

Затем Кедрин почувствовал удар. Из глаз посыпались искры бенгальского огня. Кто-то сидел на его вытянутых, все еще сжимающих край отражателя руках, ухитрившись на полном ходу протиснуться между деталью и Кедриным. Металлический живот упирался в фонарь кедринского скваммера. Налетевший тормозил — тоже на пределе ускорений.

Кедрин не удержал деталь, но ее скорость была уже сбита. Она прошла точку встречи через две секунды после перегруженного монтажника, и за нею сразу устремились двое других. Кедрин тяжело дышал.

— Надо спокойнее, — безучастно сказал стеклянный голос Холодовского.

— Значит, это был ты, ученый друг мой? — донеслось откуда-то. — Благодарю тебя, о предотвративший смертоубийство. Ты шел с запасом в миллиметры, как мне сказали...

— Запас вообще не нужен, — сказал Холодовский. — Нужна уверенность.

Он отцепился от Кедрина, железная рука хлопнула его по косому плечу скваммера.

— Спокойней, — еще раз сказал он. — Скорости нужны, особенно сейчас. Благодаря скоростям мы уже выиграли для тех, у Транса, день жизни. Но прежде всего уверенность...

Ее не хватало Кедрину. Вечером, ворочаясь в постели, которая, казалось, была набита метеоритами, он страдал. Стыд не давал заснуть, и еще одна мысль: вот так когда-нибудь новичок налетит на него, острым углом детали вскрыет скваммер, как банку консервов... Если бы можно было не выходить!.. «Ты человек?» — спросил он себя.

Он выходил каждый день, и с каждым днем что-то менялось. Управление скваммером становилось проще. Детали тоже начинали повиноваться. Теперь он успевал переместить и поставить на позиции три детали за то время, что в первые дни — одну. Темп работы был стремителен, и он немного пугался лишь

вечером, перед сном, вспоминая события дня. Впрочем, целые часы куда-то исчезали. Его тело в конце концов стало перемалывать острые метеориты в постели, и сон приходил сразу.

Наконец ему сказали, что обучение закончено. Это было, когда Кедрин еще не перестал уставать. Усталость сама по себе была удивительна: ведь мускулы не воспринимали тяжести деталей. Работали сервомоторы, он лишь управлял ими. Но для того, чтобы управлять, надо было представить себе, что ты делаешь все сам — и, очевидно, уставала прежде всего нервная система: она-то работала в полную силу... Значит, понял Кедрин, не мышцы, а нервы определяют меру силы человека, и поэтому монтажники не имели холеной мускулатуры — были тоньше, стройнее и сильнее. «Интересно, — подумал Кедрин, — стану ли я таким. Возможно». Ему кажется, что он делается сильнее.

Теперь он мог возвратиться на спутник, в свою каюту. Его сменой остается четвертая, с которой он тренировался. По этой смене идут часы в каюте: ведь у смен свое время. Есть ли у него пожелания?

У него было одно пожелание, но он его не высказал. Он и так был уверен, что та женщина работает именно в этой смене. Именно в этой и ни в какой другой.

IX

На орбите Трансцербера все росли и росли рулоны записей, катушки лент, заполненные дневниками исследователей. Обрабатывать полученные материалы было некогда, сейчас шла пора накопления. Окончательные выводы можно будет сделать потом. А если нет, то их сделают другие. Ориентированный на Землю разведчик, набитый материалами, уйдет в тот момент, когда приборы покажут нарастание поля тяготения Транса до критического. После этого, конечно, будут сделаны еще какие-то наблюдения, но нельзя утверждать с полной определенностью, что они дойдут до Герна и других ученых.

У людей просто не хватало времени для работы с приборами. Даже капитан Лобов включился в дело. Тем более что инженер Риекст, проводя предписанную ему программу, предложил капитану бриться один раз в сутки, не чаще одного раза, как сказал инженер, потому что бритва потребляла энергию, а второе бритье не входило в понятие минимума. Капитан Лобов вздохнул, погладил щеку и согласился.

Гравитация была выключена, к невесомости привыкали недолго — новичков в полете не было. Борода у капитана Лобова при невесомости росла еще быстрее, но если он и переживал, то про себя. Бытовой агрегат был тоже отключен, и заниматься стиркой приходилось самим. Они занимались стиркой, варкой обеда и приборами и все реже поглядывали в сторону Земли: они знали — пока оттуда ждать нечего. Время шло, и с каждым днем Трансцербера придвигался чуть ближе. Но у них еще оставалось четыре с половиной месяца — по общему счету, и три с половиной — по счету капитана Лобова, который он держал про себя.

Он держал этот счет про себя, и никто не знал об этом — абсолютно никто, исключая разве что инженера Риекста, который должен был знать. И еще двух пилотов, которые тоже должны были знать, на то они и пилоты. Итак, получается, что знала ровно половина. Да, но риск — профессия летящих и путешественников.

Он отдыхал в каюте почти целый день. После мужественной, даже чересчур мужественной простоты корабля, здесь было очень хорошо. Он отдыхал на уже установленном мягком диване, ни о чем не думая. Чтобы стало возможным ни о чем не думать, он начал рассчитывать в уме возможные параметры установки скользящего поля. Голова была удивительно ясна, и считалось хорошо, только не было машинной памяти и нумертаксора для записи данных, так что довести расчеты до конца он не смог.

Тогда снова на первый план выдвинулся Андрей. Отчего он погиб? Медики говорили, что он не разбился. Медикам можно верить. Не разбился, не задохнулся, не... Ничего «не». Единственное, что он повредил, был медифор. Но и медифор продолжал работать. Так в чем же дело?

Ты тоже подвергался опасности в пространстве. Но с тобой ничего не случилось. Он не подвергался опасности, и с ним случилось... Вся разница в том, что ты ожидал чего-то, а он не ожидал ничего. Ну и что? Что от этого меняется?

Выяснить это ему помешал Холодовский. Он вошел, словно в свою каюту — не постучавшись и не спросив позволения; уселся в кресло и обвел каюту взглядом.

— Сюда поставь еще столик, — сказал он.

— Зачем?

— Надо.

Это прозвучало так, что не было никакой возможности возражать.

— Надо, — согласился Кедрин.

— Как думается? — спросил Холодовский.

— Хорошо.

— Не люблю маленьких помещений, — сказал Холодовский. — В них невозможно думать.

— Я привык, — сказал Кедрин. — В маленьком помещении мысль всегда ищет выхода на простор. И находит.

— Я могу думать только на просторе. В доке. Или в кают-компании, когда она не занята. Только она всегда занята. Тесный спутник.

— По-моему, нет.

— Тесный. Мысль о природе запаха впервые пришла ко мне в кают-компании. Додумал я гипотезу в порту. Спутник тесен. Он уже устарел, по сути дела. Задачи растут. И все устарело. Скваммеры... Реликты!

— Хоть ты мне объяснишь, что такое запах?

— Электромагнитные колебания в микронном диапазоне.

— Это все знают. Но каким образом здесь?

— В скваммерах возникает запах. Иными словами, излучение

проникает в скваммеры. Запах вызывает потерю сознания. Утрату контроля. Запах возникает не всегда, его нельзя предусмотреть. Был один способ борьбы: при первых же признаках укрыться в спутник. Дело страдало.

— А теперь?

— Теперь дело не может стоять. Всегда у нас был резерв времени. Сейчас этот резерв со знаком «минус».

— Значит, работать, рискуя потерять сознание?

— Потерявший сознание не может работать, — безучастно сказал Холодовский. — Элементарная логика: колебания могут проникать в скваммеры только из пространства. Нужна экранировка: или скваммеров, или пространства. Что бы вы выбрали?

— Скваммеры, — сказал Кедрин.

— Неверно. Мы ограничим подвижность скваммеров. Это невозможно. Остается только заэкранировать рабочее пространство.

— Гигантская работа.

— Другого выхода нет. Надо знать лишь, откуда приходит излучение.

— Это пока неизвестно?

— Пока нет. Сейчас ведется экранирование участка, который я считаю наиболее опасным. Все делается в соответствии с моей гипотезой.

— Она подтвердилась?

— Подтвердится. Ничего другого ей не остается.

«Уверенности надо учиться у Холодовского, — подумал Кедрин. — Таким не страшно пространство».

— Мы не можем терять времени, — говорил Холодовский. — Они ждут.

— Успеем?

— По старой технологии — нет. Разрабатываем новую на ходу.

— Но это невозможно! Для перепрограммирования необходимо остановить процесс. А это замедлит...

— Мы не программируемся — мы мыслим, — сказал Холодовский. — А мыслить можно и за работой. И менять все на ходу. Завтра кончаем пузырь. И сразу заложим корабль. Длинный корабль. — Он произнес эти слова с нежностью. — Звездного класса.

«Черт его знает, — подумал Кедрин, — что-то в этом есть! Звездного класса. Да, что-то есть!..»

— Мы возьмем его с двух сторон, — сказал Холодовский. — Параллельным монтажом. Это мысль Гура. Между прочим, он нашел ее в пространстве. Он любил думать, вися в пространстве. Там он набрал на лучшие свои фантазии.

— Почему фантазии?

— Он прогносеолог — борец с отсутствующими звеньями. Наука проходит путь шаг за шагом. Прогносеология совершает прыжки. И вот он может висеть в пространстве целыми часами и думать, пока хватает ресурсов. Только сейчас у нас нет свободного времени.

— А о чем думаете вы?

— Моя специальность — раум-физика. Только об этом и стоит

думать. Теория запаха в вакууме — неплохой вклад в раум-физику. Для чего еще стоит жить?

— Для любви, — сказал Кедрин, потому что он подумал: для любви.

Холодовский коротко усмехнулся.

— Любить надо физику. Вообще — свое дело.

«Ну, конечно, и это тоже, — подумал Кедрин. — Но что нужно Холодовскому?»

Холодовский взглянул на него и усмехнулся.

— Ты прав, мне что-то нужно. Вернее, не мне. Все-таки было бы очень хорошо получить твою помощь при расчете аппаратуры предупреждения. Ты сможешь помочь Дугласу в конструировании?

— Конечно, — сказал Кедрин. — Только без «Элмо» я не очень привык.

— Кое-какие машины у нас ведь есть.

— Что ж, это лучше, чем ничего.

— Так вот, сейчас смена собирается в кают-компанию, а мы потом решили встретиться у Гура. Уйти в свободный полет. Так он называет это. Мышление как будто бы без определенной цели, но на самом деле самыми неожиданными путями приводящее к нужному результату.

— Это интересно — свободный полет...

— Так вот, мы ждем, что ты через час зайдешь.

— Не поздно?

— Нет, у нас свой режим. Мы называемся — Особое звено. Вот такие вопросы, вроде запаха, обычно достаются нам.

— Значит, вы не работаете на монтаже?

— Почему же? Как и все...

— Тогда вам приходится работать больше всех.

— Что может быть лучше — знать, что ты отдаешь больше других?

— Это правильно, — сказал Кедрин.

Холодовский вышел, и Кедрин вскочил на ноги. Вечер в кают-компании. А он сидит в каюте и думает неизвестно о чем.

Он вышел в коридор. В нем был фиолетовый сумрак позднего вечера. Но чем дальше от каюты уходил Кедрин, тем становилось ясней. Около кают-компании царил ранний вечер. А в соседнем коридоре, куда он по ошибке заглянул, царил вечер, люди отдыхали в своих каютах; и, наверное, как и на Земле, только наиболее одержимые поиском, те, у кого решение было уже близко-близко, оставались в своих лабораториях, и для них смена суточных циклов превращалась в пустой звук. Правда, с завтрашнего дня, когда будет заложен длинный корабль, работать придется в полтора раза больше, чем обычно, и лабораторные проблемы будут отложены — замрут приборы, останутся в сосудах реактивы, в кабинетах и студиях замрут недописанные книги, полотна, незаконченные скульптуры — все будут заняты на монтаже длинного корабля, который должен спасти людей.

Он остановился у входа в кают-компанию. Здесь была зелень, деревья росли прямо из тугого пластикового пола, под ними были расставлены столики, удобные сиденья. Правда, их было, пожалуй, слишком много — не зря Холодовский говорил,

что спутник становится тесен. Спутнику уже много лет, а кораблей строится все больше.

В одном углу кают-компании раздавалась музыка, люди то плавно, то резко, порывисто двигались в танце. Откуда-то доносились песня, в ней были грусть и непреклонность — грусть о Земле и непреклонность уходить все дальше от нее, потому что иначе не может человечество.

Глаза его обшаривали зал, искали — и не находили ее.

Иногда чьи-то голоса нарушали его сосредоточенность, вторгались в нее. Где-то недалеко говорили о том, что утвержден проект экспериментального корабля совершенно нового типа, а ведь какого бы типа ни были корабли, им не миновать рук монтажников, а значит — с каждым днем работать будет все интереснее. По соседству толковали о том, что кое-кто из монтажников уже месяцами не бывал на Земле и устроился от непосредственного общения с планетой, с ее мыслью и искусством, что монтажнику уж никак не простительно. «Хотя климат на Земле, конечно, не столь идеальный, как здесь», — говоривший вздохнул, и сразу двое подтвердили: «Да, разумеется, климат здесь идеальный...» Возле самой двери спорили о космометрии пространства в связи с недавно вышедшей работой Аль-Азиза «Об истинной геометрии плоскости»; и кто-то был согласен с автором относительно эволютивной природы того, что мы называем плоскостью, а кто-то не был согласен и возражал.

Кедрин досадливо морщился: разговоры отвлекали его, он привык делать все в тишине — даже искать кого-то взглядом. Но он не мог не вслушиваться, когда речь заходила о тех восьми, и из уст в уста передавались слова их радиограмм, и производилось имя Герна, забросившего на время астрономию и усевшегося на связь с «Гончим псом». Герна, который никогда в жизни не признавал ничего, кроме астрономии и кораблей, бывших ее руками, как телескопы — глазами. Все это было хорошо и интересно, однако он так и не увидел ее.

Очевидно, ее здесь не было, а время шло, и скоро надо было уже идти в каюту Гура в переулке Отсутствующего звена, но он никак не мог уйти.

Вдруг Кедрин почувствовал, как сердце рванулось, набирая ход, развивая невиданную скорость. Все вокруг стало вдруг синим. Он не слышал больше ничего. Она выбралась откуда-то из самого угла и медленно пересекла кают-компанию. Она шла к выходу, и Кедрин отступил в тень. Он догнал ее за углом.

— Я провожу тебя, — сказал он.

Она чуть заметно пожала плечами, и он зашагал рядом.

Они вышли в коридор — на проспект Дружеских Встреч, как гласила табличка. Кедрин хотел взять ее за руку и уже взял — это получилось у него бессознательно. Она удивленно и чуть насмешливо взглянула на него, и Кедрин отпустил руку.

— Как давно я не видел тебя, — сказал он.

— Да? Я не заметила... Ты ведь недавно у нас?

— Ирэн, не надо... Пять лет, Ирэн...

— Молчи, — сказала она. — Или уйди сейчас же.

Они медленно шли по проспекту, и Кедрин готов был отдать, что угодно, и сделать, что угодно, лишь бы она не ускоряла шаг. Она не ускорила шаг, и Кедрин подумал: «Все-таки надо



сказать все то, что надо сказать», — и иначе он просто не может.

— Ирэн, — сказал он. — Ну, бей виноватых, ну!.. Пять лет, Ирэн... Многое изменилось с тех пор... Я ушел из института... Видишь, я здесь. Это было нелегко, Ирэн, но я...

— Все то же «я», — грустно сказала она. — Нас здесь тысячи, не один ты.

— Не надо... Я не знаю, как ты живешь, Ирэн. Только когда-то ты... А я — и сейчас...

— И доказательство — пять лет молчания. Что бы я ни сказала тогда, ты должен был искать.

— Сначала я не мог. Ведь ты была права.

— Это я знала и без тебя... Но я все равно ждала. А потом стало ясно: нет...

— Да, Ирэн, да! И я знаю...

— Пусть так. Но я тебя придумала тогда. И не хочу повторяться.

— Хорошо, Ирэн. Каким ты хочешь видеть меня?

— Таким, каким хотела всегда. Таким, как Гур, как Славка, как Дуглас. Я не говорю уже — как Седов.

— Ирэн, этот Седов — это...

— Разве об этом спрашивают?

— Прости. Но все они какие-то... особенные. Таких не было в нашем институте. Я не встречал. Это жизнь в пространстве делает их такими? Или они вообще такие и потому работают в пространстве? Знаешь, Андрей погиб...

— Да, — сказала она. — Вам всем у Слепцова так хорошо, что скоро вы при случайном стуке начнете умирать от страха. Он оторвал вас от всего, Слепцов. От жизни. Ну, вот моя каюта. Спасибо. Доброй ночи.

Дверь закрылась за ней. Он стоял в коридоре. «Скоро мы у Слепцова начнем умирать от страха? погоди, погоди!..»

— Умирать от страха? — спросил он вслух.

— В этом есть рациональная мысль, не правда ли? — чуть насмешливо проговорил голос.

Массивная фигура прошла мимо него по другой стороне коридора-проспекта, в случайном отблеске света на миг мелькнуло безмятежное лицо. Это был миг — и фигура скрылась, растаяла в темноте, уже воцарившейся в коридоре, для которого наступила ночь.

— Велигай! — громко сказал Кедрин. — Где вы, Велигай?

Ответа не было. Кедрин двинулся по проспекту в том же направлении, в котором скрылся странный человек. Чувство одиночества вдруг охватило его, пугающими показались пустые переходы этого странного мирка, который уже не был Землей и жил по своим, иным законам. Еще не было количественно установлено, в какой степени ритм жизни, настроение, многое другое в жизни человека зависит от близости значительных тяготеющих масс, но, во всяком случае, не Земля была здесь, а другая планета — спутник «Шаг вперед», как называли его сами монтажники с легкой руки прогносеолога Гура. Пол — или следовало называть его почвой? — не обладал незыблемостью Земли. Совсем рядом его участок был поднят, два человека при свете скрытого освещения возились в открывшейся под гладкой

поверхностью неразберихе проводов, трубок, волноводов всех цветов, диаметров и назначений, что-то приглаживали, поправляли... И даже не зрелище обнаженной сущности этой планетки, а именно то, что здесь люди, согнувшись в три погибели, руками исправляли что-то, тогда как на Земле эта работа давно уже стала уделом роботов, заставило Кедрина с небывалой остротой почувствовать удаленность этого мира от того, в котором он прожил последние годы. А ведь мысли о своей отрешенности чаще всего приходят именно ночью, и это была первая ночь, когда он не спал.

Наверное, и отсутствие биополя сыграло в этом роль — ведь на Земле мы всегда, если только мы не в центре обширной пустыни, бессознательно воспринимаем биополе, созданное напряжением мозга миллионов людей, и в какой-то степени находимся под его влиянием; здесь же все каюты были заэкранированы, и если человек в коридоре был один, то он был один... Кедрин не хотел быть один. Он вспомнил, что его ждут, но в темной сети переходов сориентироваться было трудно, где теперь искать переулочек Отсутствующего звена. Кедрин заторопился.

Через каждые несколько метров из-под пола выходили невысокие, тонкие колонки с гранеными головками; пробегая мимо них, Кедрин все же заметил, как эти слабо светящиеся головы бесшумно поворачиваются, словно следя за ним, что-то сообщая друг другу. Ему стало жутко. Раздался жалобный, протяжный свист, отразился от стен и прозвучал в другом конце коридора. Кедрин свернул в первый попавшийся переулочек. Печальный свист провожал его. «Это был плач по человеку», — пришло ему в голову. Куда же это он в конце концов идет?

Он остановился с ходу, сильно качнувшись вперед. Неярко освещенная преграда возникла перед ним, казалось, внезапно: переулочек оказался тупиком. Огромная, во всю стену, дверь не поддавалась усилиям Кедрина. Она выглядела совсем иначе, чем остальные, — гладкая, без всякого выступа стальная поверхность, чуть выпуклая и с маленьким прозрачным глазком в середине. Прозрачным — так казалось, но когда Кедрин прильнул к нему, он не увидел ничего, только черноту. Очевидно, за дверью было темное помещение. Вдруг в нем возник слабый огонек, зеленоватые лучики протянулись от него — это была звезда, внезапно возникшая в глазке звезда, а чернота была чернотой пространства. Кедрин отшатнулся. Как он не подумал, что здесь могут быть резервные выходы в пространство?

«На Земле нет дверей, ведущих в бездны», — подумал он, и тоска по родной планете с ее надежностью и с ее ночами, полными теплого, душистого воздуха, охватила его, как зыбкая вода пловца.

Наверное, этот внезапный приступ тоски по запахам Земли привел к галлюцинации: запахло сильно и чудесно, чем-то странным, неизвестным и таким простым... Это было что-то похожее — на что? Похожее, только гораздо более сильное и вместе повелительное и влекущее, чем лучшие запахи Земли. Мысли ушли, и осталось только желание вбирать в себя этот запах не только ноздрями, но всей кожей, глазами, ртом, волосами. Внезапно Кедрин почувствовал, что уже полон запахом, еще немного —

и он разорвется, распадется; он больше не может дышать, он сыт дыханием, как человек бывает сыт едой и питьем. Он поднял руки к лицу, чтобы прекратить доступ запаха в легкие, что бы ни было потом.

Он не знал, куда бежит, и слишком поздно понял это; он бежал к человеку, к которому приходят мужчины в тяжелые минуты, чтобы найти защиту от многого и в первую очередь от самого себя. К женщине, которая тебе ближе всех или была ближе всех. Дверь ее каюты Кедрин открыл стремительно, даже не подумав о том, что не следует делать так.

Она была одна, длинная ткань обтягивала ее тело, почти целиком открывая грудь. Он закрыл за собою дверь и прислонился к ней спиной, тяжело дыша. Женщина студила ему на встречу, и Кедрин послушно сделал шаг вперед и остановился перед нею.

— Ты испуган, — сказала она, коснувшись рукой его влажного лба. — Что произошло?

— Не знаю, — сказал он медленно, — не знаю... Что-то произошло... Да, запах. Возле резервного выхода.

— Которого?

— Не знаю...

— Ты сможешь найти его?

— Не знаю... Может быть.

— Ты уверен, что это?..

— Запах. Вдруг расхотелось дышать... Что делать? Надо что-то делать. Это ведь опасно...

— Успокойся, Виталий, — сказала она.

Она видела, что он не успокоится, и, чуть приподнявшись на носках, поцеловала его. Он сразу обмяк, и сел на кровать, и сидел неподвижно — только глаза следили за нею. Она набрала номер.

— Седов... Слушай, только что обнаружен запах. Кедрин. Он у меня... Об этом потом. Вторая еще не вышла? Седов, может быть, запретить выход?

— Нельзя запрещать выход, — проговорил голос в трубке. — Надо установить направление. Он помнит, где именно?..

— Он вспомнит, — сказала она, мельком взглянув на Кедрина. — Он уже вспоминает...

— Пусть вспомнит. Немедленно вышлем Особое звено. Может быть, им удастся, наконец, определить направление и закончить экранирование рабочего пространства. Смена должна выйти — запах не держится долго.

— Хорошо, — сказала она. — Я тоже выйду.

— Незачем. Ты не Особое звено.

— Я хочу выйти.

— Нет. Сейчас я подниму Особое звено. А он пусть вспоминает.

— Хорошо, — нехотя проговорила она, положила трубку. — Ты вспомнил, где это было? Как ты шел? Сейчас шеф-монтер поднимет Особое звено, они выйдут в пространство.

Он сидел, опустив голову. Она уселась рядом с ним, положила руку на его плечо.

— Тебе все еще страшно? Ты не хочешь идти к себе?

Кедрин встал, сделав усилие, почти исчерпавшее его силы. Но он принял решение, и силы откуда-то прибывали снова.

— Я выйду с Особым звеном. Они не сориентируются без меня.

— Ты можешь рассказать им все, пока они будут одеваться.

— Нет, — сказал он. — Я должен выйти с ними.

«Должен, — поняла она, — чтобы завтра не стыдиться самого себя и тебя».

— Хорошо, — сказала она. — Только в таких случаях одевают компенсационный костюм. Возьми мой, он достаточно эластичен.

— Спасибо, — сказал Кедрин.

Он поцеловал ее, уже не боясь, что она расбердится, и подумал, что она все та же и так же красива.

Уже по дороге в гардеробный отсек, где стояли скваммеры, он вспомнил, что должен был зачем-то зайти вечером к этому самому Особому звену, командиром которого, как ни странно, был не решительный Холодовский, а несколько легкомысленный Гур. Но теперь поздно было думать о том, чего он не успел. Время было думать о том, что он еще может сделать.

Х

Если до сих пор в поведении исследователей на орбите Трансцербера и наблюдалась какая-то нервозность, то сегодня она исчезла окончательно. Капитан Лобов с удовольствием констатировал про себя, что исследователи наконец-то окончательно поверили в спасение. Теперь, как понимал капитан, они будут спокойно заниматься своими исследованиями до того самого момента, когда помощь придет — или не придет.

Так же полагает и инженер Риекст, который по-прежнему молчит, но на этот раз удовлетворенно. Того же мнения придерживаются и пилоты.

Так считают и сами исследователи. Наконец-то стало ясным то, что заставляло их нервничать все последнее время: несовпадение показаний приборов. Теперь выяснилось: виной этому было не какое-то новое, неисследованное явление, а просто часть приборов по неизвестной причине сбилась с точной настройки. Ученые отрегулировали приборы, и теперь их показания совпадают. Правда, при этом выяснилось, что встреча с Трансцербром произойдет не через четыре с половиной месяца, а через три.

Четыре скваммера неслись, удаляясь от спутника, от почти уже законченного круглого корабля, от мерцающих маяков — к внешней границе рабочего пространства, туда, где были установлены экраны для защиты от запаха.

Солнце было за Землей, стояла темнота. Звезды неподвижно висели на местах, не приближаясь и не удаляясь. Это было очень хорошо — лететь стремглав в пространстве не одному, а вместе с тремя товарищами, на которых можно положиться, с которыми, пожалуй, не будет страшно нигде. Они летели ко-

лонной. Это полагалось на тот маловероятный случай; если произойдет встреча с чем-либо: тогда опасность будет угрожать только первому. И они менялись, как меняются на ходу велосипедисты: чтобы не приходилось одному все время принимать на себя давление возможных опасностей. Трое менялись. Кедрин и сам понимал, что до этого ему еще далеко — до права лететь впереди Особого звена. Он летел замыкающим, и ему было доверено нести небольшой контейнер с какими-то приборами, которые могли понадобиться.

Они летели минут двадцать. Потом шупальца прожекторов зацепились за странную конструкцию впереди — громадную снежишку замысловатого рисунка, медленно перемещавшуюся в пространстве. Это была одна из антенн статического поля, окружавшего рабочее пространство. Звено держало курс на нее. Монтажники уменьшили скорость. Внезапно мурашки стали разбегаться по телу, приятно закололо и защекотало сначала в кончиках пальцев, потом по всему телу. Тогда Холодовский, шедший в это время первым, дал команду тормозиться. Они начали торможение, одновременно развертываясь в цепь, и Кедрин вышел точно на свое место крайнего слева. Все-таки скваммер привыкал повиноваться ему.

Здесь начинались экраны. Широчайшие прозрачные полотнища из гибкого, почти эластичного полиметаллопласта уходили во все стороны; их растягивали и удерживали на месте гравификсаторы, обозначенные маяками, — приближаться к ним не рекомендовалось.

Монтажники медленно плыли вдоль экранирующих полотнищ. Приблизиться к ним вплотную было нельзя — слишком сильным было напряжение статического поля, наведенного скрытыми в центре антенн мощными генераторами. Оказалось, все было в порядке. Никакого нарушения целостности экранов не замечалось, как сформулировал Холодовский. «Ну, ну...» — с сомнением ответил ему Дуглас, но возражать не стал.

Запах не было. Прошел час, пока была пройдена почти половина заэкранированного пространства. Тогда Гур подал сигнал остановиться.

Они сблизилась, хотя разговаривать можно было и на расстоянии. Такова уж была привычка — разговаривая, сходиться. Несколько секунд они глядели туда, где чуть в стороне от спутника мелькали огоньки: вторая смена вышла в пространство. Кедрин вдруг почувствовал себя чем-то вроде часового, которому поручено сейчас охранять этих людей, торопившихся очистить место для закладки нового корабля. Он не знал, думают ли то же самое монтажники из Особого звена, и вряд ли они думали так торжественно; вернее, они не представляли себе, что об этом нужно еще специально думать. Но Кедрин не мог не думать об этом.

— Итак, многоуважаемые друзья мои, — неторопливо сказал Гур, и по голосу его можно было, пожалуй, подумать, что он чем-то озадачен. — Итак, половина экранов в порядке. Если и вторая половина окажется в порядке, то могут быть лишь два вывода.

— Три вывода, — сказал Холодовский.

— Третий за тобой. Мои таковы: или мы неправильно определили направление, которое следовало защитить, или твои экраны, о высокочтимый друг мой Слава, ни к черту не годятся, и защищаться ими все равно, что носить воду... этим — ну, как его? — которое с дырочками.

— Ну, ну, — сказал Дуглас. — Проанализируй.

— С неизъяснимым удовольствием, — сказал Гур и заставил скваммер сделать нечто напоминающее реверанс. — Направление. Кедрин принял запах. Он находился у резервного выхода. Он не знает, у какого. Я не ошибаюсь? — вежливо спросил он.

И Кедрин буркнул:

— Не знаю.

— Он не знает. Но, решая эту задачу в пространстве — времени, мы пришли к выводу; это мог быть только резервный люк номер восемь. До других люков он не смог бы дойти, постоять там, принять запах и вернуться в... туда, куда он вернулся в такой промежуток времени, какой ему понадобился в действительности. Этот вывод был принят единогласно. Имеются ли иные соображения?

— Не имеются, — сказал Дуглас.

— Угу. Итак, известен люк, и известно время в пределах плюс минус пять минут. И известна траектория спутника. Значит ли это, что известно направление?

— Да значит, — сказал Холодовский. — Вернее, сектор.

— Вернее, радиан. Чудесно! И этот радиан указывает как раз на это вот заэкранированное пространство. Так? Так. Следовательно, проницательные друзья мои, с направлением все в порядке.

— Когда-нибудь, — задумчиво сказал Холодовский, — я буду тебя бить за эту манеру разговаривать.

— Так это еще когда-нибудь, о мой воинственный друг. Итак, мы предположили, что экранировка повреждена. Пока мы не нашли никакого повреждения. И это значит всего лишь, что она не годится.

— Чушь! — сказал Холодовский. — Не думаю даже, что это надо опровергать. Экраны прошли все мыслимые испытания на миллиметровые волны. Значит, дело не в них.

— А в чем же? В излучении? Это твой третий вывод?

— Ничуть не бывало. Мой вывод, что запах просто почудился Кедрину.

— Мальчика не было, — сказал Дуглас. — Ну, ну...

— Вот именно: не было! Кедрин был в достаточной мере взволнован. Так?

— Так, — сказал Кедрин.

— Ну, и вот. Галлюцинация, только и всего! Тем более что он в этот момент, по его словам, заметил какую-то звезду. А я вам говорю, что он не мог ее заметить. Реставрируйте обстановку — и вы убедитесь в том, что глазок резервного выхода восемь упирался в «Угольный мешок». Там нет ни одной звезды.

— М-да, — сказал Гур. — Убедительно, о мой... да! Кедрин, как ты думаешь?

— У меня никогда не было галлюцинаций, — сказал Кедрин обиженно. — Разве что при первом выходе...

— Значит, были, — сказал Холодовский. — Вот и все. Вот мой вывод.

— Что ж, — сказал Гур. — Так или иначе, вторую половину экрана исследовать надо. Прошу вас, высокочтимые друзья мои, принять походный порядок... Может быть, мы еще успеем поспать сегодня. А сон, как известно, драгоценнейшее из благ...

Они выстроились в колонну. Перед тем как дать сигнал к движению, Гур еще раз обернулся, взглянул на экраны и негромко сказал:

— Теперь, кажется, галлюцинирую я... Слава, ну-ка... Все головы повернулись разом.

Что-то произошло в пространстве. Только что спокойная и монолитная, как казалось, поверхность экранящих полотен внезапно стала извиваться, словно оттуда, с внешней стороны, кто-то тяжело ходил, бегал, прыгал по ней, старался пробить ее, разорвать. Колонки гравификсаторов окутались голубоватыми облачками, удерживая экраны на месте, но, очевидно, их мощности не хватало — что-то могучее старалось растащить полотнища в разные стороны. Казалось, они сейчас не выдержат такого напряжения и лопнут, разлетятся. Это представлялось необъяснимым, и в то же время это было, и приходилось срочно сделать что-то, иначе пропала бы вся громадная работа по изготовлению, транспортировке и установке экранов.

Они не успели даже перемолвиться. Все четверо кинулись вперед, к полотнищу — трое одновременно и один на долю секунды позже, но не потому, что он колебался, просто у него еще не было той быстроты реакции, какой обладали монтажники. Они рванулись в середину, потому что именно здесь экранам грозила максимальная угроза, здесь, кроме неведомых сил, прикладывалась вся мощь гравификсаторов, которые старались растянуть и удерживать экраны на месте — и тем самым помогали разорвать их в клочья, но ведь гравификсаторы были всего лишь автоматами. Тысячи игл вонзились в тела монтажников, Гур на ходу крикнул в микрофон: «На спутнике, убавьте статическое, иначе мы скоро начнем светиться!.. Убавьте, тревога, мы вышли на экраны». Поле мгновенно убавили, и монтажники достигли поверхности экранов в тот самый момент, когда разрыв возник там, где и следовало ожидать, в самой середине, в месте наибольшей напряженности.

Гур был первым. Все четыре «руки» его скваммера вцепились в края разрываемого пополам полотнища. Напрягая мускулы и сервомоторы, Гур попытался стянуть края полотнища вместе, но для этого были нужны совсем другие силы, и все, что он мог сделать, — это не разрешать краям расходиться дальше. Но полотнище, чья целостность была уже нарушена, продолжало рваться дальше, и через несколько десятков метров в разрыв вцепился Кедрин — уж этого-то никто не мог запретить ему, сил у его скваммера было не меньше, чем у остальных. Дуглас метнулся к противоположному концу экрана и ждал, пока разрыв дойдет туда, чтобы заблокировать его окончательно. Холодовский повис над самой серединой и уже развел все четыре «руки», увенчанные могучими клешнями.

— Слава, — сказал Гур хрипло. — Слава... — И Кедрин уди-

вился, как Гур еще может что-то произносить — сам он напрягся так, что не мог бы даже разжать зубов. — Не вцепляйся... Давай на пределе на спутник. Это быстрее всего. Нужны механизмы, аппаратура для сварки... Мы здесь долго не удержимся.

Очередной изгиб экрана перекошил Гура, и какой-то миг казалось, что конечности скваммера вылетят из суставов, но, как оказалось, скваммер все-таки был крепким устройством.

— Да давай же! — крикнул Гур. — Давай, о быстрейший!..
Делай свой шаг вперед!

— Пусть Кедрин, — сказал Холодовский спокойно, примериваясь к разрыву, уже доходившему до него.

— Ни за что! — прохрипел Кедрин и сам удивился тому, что все-таки разжал зубы.

— Пусть Кедрин остается. Он не знает, что взять, да и вообще, — проговорил Гур, и тогда Дуглас добавил:

— Ну, Слава, ну, ну... Теряешь время...

— Хорошо, — сказал Холодовский.

Он умчался на предельной скорости. Трое остались. Сильное сотрясение ударило их, как током, нагрузка неизмеримо возросла. Это разрыв дошел до конца, и сразу же Дуглас вцепился в края полотнища. Трое были распяты на экране, Холодовский потерялся где-то вблизи спутника.

— Минут пятьдесят мы провисим, — сказал Гур. Он дышал все более хрипло. — Туда, там, обратно. Не меньше.

Кедрин только прикрыл глаза — на большее он сейчас не был способен. Странно, он не чувствовал никаких нагрузок — их принимало на себя металлическое тело скваммера; кулаки Кедрина со всей силой стискивали пустоту — стискивали так, что слипались пальцы; мускулы его были напряжены до предела именно для того, чтобы стиснуть эту пустоту; но он знал, что не может даже на долю секунды ослабить хватку: тотчас же клешни верхних «рук» скваммера разжались бы и отпустили края полотнища, а прекрати он сосредоточиваться на мысли о вторых «руках», нижних, разжались бы и они. Оставалось только стискивать края — «руками» и напряжением мысли — до тех пор, пока не иссякнут силы.

— Нет, — поправил он себя, — до тех пор, пока не придет помощь. Ведь здесь. Особое звено, и это на них мне надо быть похожим. Я буду...

— Ну, ну... — пробурчал Дуглас. — Положение не из веселых. Гур, надо бы еще убавить статическое. Меня так и ест...

Действительно, иглы еще кололи, хотя и не так сильно, как раньше, но иногда уколы были так резки, что хотелось потереть уколотые места, а сделать это было невозможно, и Кедрин только шипел по временам сквозь зубы.

— Ладно, — сказал Гур. — Ты прав, о мой друг-великомученик! Вы, на спутнике, управляющие полем! Сбросьте еще напряжение статического.

Кедрин не слышал, что тому ответили.

— Ага. Ну, прискорбно, конечно. Если запах? Что ж, рук мы не разожмем. Иначе этот роскошный экран придется собирать по всему пространству: гравификсаторы сделают свое черное

дело. Ну, очень хорошо, что и вы понимаете: отключить их действительно нельзя, о мыслители?

Он снова помолчал.

— Ну, то ли еще приходилось монтажникам!.. Нет, природа абсолютно загадочна. Холодовскому еще будет работа, когда он разделается с запахом. Нет, сейчас спокойно. Буря улеглась...

И Кедрин теперь заметил, что больше не трясло и не швыряло, только гравификсаторы продолжали растягивать полотнища экранов в стороны. Им было абсолютно наплевать на то, что разорванное полотнище еле удерживают три человека...

Гур снова умолк, слушая.

— Ну, сейчас не период метеорных дождей. Надо полагать, мы им не попадемся на дороге. Главное — они не попадут к вам.

«Может, и не попадем под метеориты, — подумал Кедрин. — Вот запах — тогда мы действительно пропали. Бежать нельзя. Будем задыхаться здесь».

Он понимал: никогда еще опасность не была так близка, как сейчас. Странно — он не боялся. Нельзя было бояться, если по одну сторону его находился Гур, а по другую — Дуглас. Они бывали в переделках посерьезнее, безусловно. Они не собираются погибать. Они найдут способ. «А раз они, то и я останусь цел и невредим. И нечего об этом думать».

Сил становилось меньше, а держать надо было с тем же напряжением. Руки начали неметь. Кедрин пожалел, что на башмаках скваммера нет клешней. Иначе можно было бы держать и ногами — ноги как-никак сильнее. Он сказал об этом Гур. Тот ответил:

— Вряд ли стоит усовершенствовать скваммер. Надо менять его... Мне только что пришла в голову мысль: есть совсем другой материал и другие возможности, принципиально иные... Я это продумаю всерьез.

«Ого! — подумал Кедрин. — Он думает как ни в чем не бывало. Значит, ничего опасного. О чем думать мне? Конечно, об Ирэн».

Он начал думать, как, вернувшись на спутник, войдет к ней, а она, конечно, будет знать уже все: он вел себя точно так же, как люди из Особого звена, — держал до последнего, не трогаясь с места.

— Гур, — сказал Дуглас. — Мне надоело так висеть. Попробую стянуть концы. Фиксаторы сильны, но и я тоже.

— Это мысль! — сказал Гур. — Это идея, интеллектуальнейшей. Давай, надо же готовить почву для сварщиков.

— Мне тоже попробовать? — спросил Кедрин, внутренне ужасаясь.

— Нет. Ты держи края, — сказал Гур. — Я тоже буду держать. Разве что продвинусь поближе к Дугу...

— Сидел бы на месте, — сказал Дуг. — Перемещаясь, больше шансов схватить метеор.

— Все равно, — сказал Гур. — Поле ослаблено, а Приземелье — густой суп... Лезу.

«Они серьезно, — понял Кедрин. — Но я не буду бояться. Не буду. Не буду!..»

Он повторял это, пока впереди не показались огоньки. Их было много, и они неслись сюда.

— Ну вот, — сказал Гур. — Они летят, благословенные. Сейчас вся эта история кончится.

Скваммеры окружили их, приближался катер со сварочной установкой. Множество скваммеров вцепились в разрыв. Словно сквозь туман все это доходило до Кедрина.

— Ну, отпускаяй, — услышал он наконец. — Ты уснул, что ли?

Он не мог разжать кулаки. Ему понадобилось несколько минут уговаривать себя сделать это. Наконец руки разжались. Кедрин машинально дал слабый импульс, отплыл от экранов. С той стороны, где был Дуглас, уже шла сварка.

Кедрин подождал, когда к нему присоединятся остальные монтажники — Особое звено. Он висел в десятке метров от экрана и усиленно растирал руками тело, насколько это было возможно в скваммере: сказывались иголки статического поля. Наконец Гур заметил его:

— Кедрин, мужественный друг мой, давай-ка сюда. Здесь как раз не хватает одного. Не уходить же, пока дело не сделано, а?

Кедрин вздохнул. Он послушно подлетел к Гуру и принялся поворачивать какие-то рычаги. Он не знал, сколько прошло времени, пока закончилась сварка. Он помнил только, что Гур сказал:

— А ты молодец, связист...

Он попытался улыбнуться. Потом все летели к спутнику. Гур летел рядом. Он мечтательно проговорил:

— Сейчас я съем два обеда. Возможно, три, но два обязательно! Два хороших звездолетных обеда.

— Два ты не съешь, — сказал Дуглас.

— Почему, о недоверчивый?

— Не успеешь. Через три часа — смена.

— Ничего. Съем после смены. Второй, подразумеваю я.

«После смены, — ужаснулся Кедрин. — Они еще думают выходить в смену. После такой работы! Я просто не смогу. Глупо было подумать — мне так быстро сравняться с ними. И я ничего не скажу Ирэн».

— Кедрин, а что ты думаешь насчет обеда?

— Я? Ничего...

— И напрасно, о мой усталый друг! Ешьте свой обед каждый раз, лишь к этому предоставляется возможность, так сказал некий мудрец. И еще: не обедающий совершает ошибку, которой ему не исправить более никогда. Кто это сказал, не помнишь?

— Не знаю, — сказал Кедрин.

— По-моему, это сказал я. А теперь прибавим скорость, ибо времени действительно мало, а на обед опаздывать не полагается. Кедрин, что ты думаешь насчет смены?

— Насчет смены? — спросил Кедрин, и у него заболело все тело.

Вот именно! Что он думает насчет смены? А что можно думать насчет смены, когда хочется только лежать?

— Что ж, — сказал Кедрин. — Я не хуже вас. Смена так смена!

Гур засмеялся, потом сказал:

— Ну, в смену ты не выйдешь. Ты не хуже нас, но пока слабее. Но шеф прав: кому суждено быть монтажником — он им станет. Кстати, ты сегодня не очень боялся?

— Сначала да, — сказал Кедрин, опускаясь на площадку. — Потом я понял, что вероятность попадания метеорита ничтожно мала, и успокоился.

— Это, безусловно, правильно, — сказал Холодовский.

— Ну, Слава, ну, ну... Не дезориентируйте парня.

— Что ж, — сказал Гур, — он мыслит традиционно. В общем метеоры нам не угрожали.

— Разве что-то другое?..

— Пожалуй, — вздохнул Слава, — напряжения были таковы, что скваммеры могли не выдержать. Они были на пределе прочности. Не так романтично, но все же неприятно. Видишь ли, если скваммер дегерметизируется, в нем становится нечем дышать.

— Что же, — сказал Кедрин, внутренне содрогнувшись и пытаясь острить. — Мы бы узнали, есть ли в конце концов этот запах в пространстве.

— Ну, Слава, — сказал Дуглас, — один — ноль не в твою пользу.

XI

На орбите Трансцербера расстояние между убегающим кораблем и настигающей его планетой — или что это там? — уменьшилось. Но время еще есть — значит, есть еще надежда, и отправлять набитый материалами разведчик на Землю рано. Все занимаются своими делами.

Капитан Лобов занимается стиркой. Это не очень приятно, и капитан не освоил технологии, но нет сомнений в том, что он ее освоит. Он стирает, и предметы капитанского гардероба, поскольку на корабле нет женщин, сушатся на инклинаторной установке, которая вряд ли пригодится, ибо, как все горячо надеются, высадка на Трансцербер состоится не в это путешествие.

Остальные занимаются своими делами и ждут очереди на стирку. Ничего не поделаешь. Капитан Лобов сообщил, что в следующий рейс он не выйдет без корыта и прочих приспособлений. Он заставит историков раскопать их описание, а также восстановить давно утраченное человечеством искусство стирать руками. Исследователи поддакивают ему и, по очереди отрываясь от приборов, пытаются давать советы, которые, впрочем, никуда не годятся.

Инженер Риекст занимается эконоциклом, каким-то из его звеньев. Он не может ничем не заниматься и теперь выясняет, нельзя ли сэкономить энергию на эконоцикле. Хотя он знает, что энергии-то хватит...

Оба пилота сейчас отдыхают. Как предупредил капитан Лобов, может случиться, что им еще придется поработать...

Кедрин проснулся, когда в лицо ему ударил мягкий свет разгорающейся зари. Чистый и плотный утренний воздух, казалось, сам входил в легкие и наполнял не только грудь — все тело легкостью и готовностью к полету.

Он взглянул на часы. Он спал три часа — или сутки и три часа, но столько он не был способен проспать даже при самой крайней усталости. Значит, всего три часа, но он чувствовал себя полностью отдохнувшим.

Легко поднявшись с постели, он поискал глазами привычные снаряды для гимнастических упражнений и вспомнил, что здесь их и быть не могло. Он не отвык еще просыпаться на Земле. Он принял душ. Прохладная, насыщенная каким-то газом и, очевидно, ионизованная вода прогнала последние остатки сна и заставила его даже запеть незатейливую песенку — ту самую, что приходила на ум, когда он, бывало, с головой погружался в мир понятий, которые так трудно было представить себе сущими в обычном мире трех измерений. Песенка напомнила было ему о проблеме скользящего поля, и он усмехнулся: доберемся, доберемся и до скользящего поля...

Кедрин осторожно вынул из камеры бытового комбайна вычищенный и отглаженный комбинезон, расправил его и сам удивился тому волнению, которое вызвала в нем эта нехитрая одежда. Может быть, это волнение возникло потому, что после происшествий этой ночи — сумасшедшей ночи с бурями, опасностями, изнеможением, обедом и со второй сменой — он имел уже какое-то право называть себя монтажником, а значит, и носить рабочую одежду монтажников звездных кораблей. Он надевал комбинезон и думал: «А все-таки я не сдался. Я выдержал. Это очень хорошо, что я выдержал! Это не то, что прыгать с обрыва. Я оказался сильнее опасностей».

Он вышел из каюты и ступил на упругий пол улицы Бесконечных трасс. Утренний прохладный свет заливал и ее. Такими бывают на планете утра, обещающие длинный день, полный чудесных событий. Уже одно то, что он встал вовремя и успеет в смену, было чудесно.

Монтажники в серебристых костюмах шли в одном направлении; Кедрин двинулся за ними, внешне уже неотличимый от них. Его узнавали и приветствовали так же, как и друг друга, не поворачивая головы, лишь поднимая руку или дружески кладя ее тебе на плечо. Монтажники любили прикасаться к живому телу — может быть, потому, что в пространстве это было невозможно.

Поток вливался в кают-компанию, разбивался на ручейки и оседал за накрытыми столиками. Кедрин оглянулся и услышал свое имя. Длинное лицо Гура улыбалось ему, рядом виднелись острые скулы Холодовского и круглое лицо Дугласа. Кедрин подошел, и внезапно ему показалось, что продолжается тот вечер на острове Отдыха и только столик вдруг перенесся в Приземелье, в этот мир, обладающий высокой степенью странности.

— Вот, — сказал Холодовский. — А ты говорил, что он не выйдет в смену.

— Я не учел одного фактора, — сказал Гур, его глаза смеялись. — Иногда ошибаюсь и я, мой придирчивый друг. Этот фактор находится здесь и сидит... Впрочем, этого я не скажу.

Кедрин все-таки оглянулся, но разыскать кого-либо в кают-компании во время завтрака было нелегко. Тогда он принялся за еду.

— Вот, — сказал Гур, поднимая вилку. — Видите, он становится монтажником. Он с аппетитом пообедал ночью и не потерял от этого желания позавтракать.

Кедрин кивнул.

— Это такой воздух, — сказал он.

— Правильно, — подтвердил Холодовский. — У нас умеют дать человеку отдохнуть даже за три часа.

— Подложи-ка еще... — Он протянул тарелку, и Гур нагрузил ее целой кучей поливитаминного салата.

— А что, — сказал Гур. — Если он работает так, как ест, то...

— Со временем, — подтвердил Холодовский.

— Ну, Гур, — сказал Дуглас, — ну, ну... Не сразу же — в Особое звено.

Кедрин не обиделся — он знал: рано ему в Особое звено. Надо как следует научиться самой простой работе. Сегодняшняя ночь, понимал он, была случайной — и, наверное, должна пройти еще не одна такая ночь. И все-таки это было хорошо.

Он так и сказал, и Гур усмехнулся.

— Не только мышление доставляет радость... — сказал он, допил кофе и встал. — Я готов.

— Ну, Гур, сейчас, ну...

— Это в честь нашего друга Дугласа назван проспект Переменных масс, — серьезно сказал Гур. — После обеда и даже после завтрака его масса ощутимо увеличивается. Сейчас в пространстве его придется раскачивать, чтобы ранец-ракета взяла с места.

— Я тоже готов, — сказал Дуглас.

Холодовский молча встал. Кедрин тоже поднялся: хоть выйти в пространство он может вместе с ними. Например, он не поддался на шутку Гура: ведь проспект назван не в честь Дугласа. В честь кораблей назван он — тел переменной массы. Нет, кое-что Кедрин уже понимает и помимо техники связи и ее теории...

— Ну вот, — сказал Гур. — Пришли...

Теперь Кедрин мог рассмотреть все как следует. Коридор втекал в огромный зал. Ночью, когда четверо бежали к скваммерам, Кедрин не заметил, но теперь увидел: и этот коридор уставлен свистящими гранеными столбиками, такими же, что напукали его вчера. Он указал на них Гуру.

— Это элементарно, мой наблюдательный друг, — сказал Гур. — У вас вчера еще не было нашего комбинезона. Вы были чужой и шли один. А за любым посторонним нужен контроль: мало ли куда он забредет, здесь ведь не Земля, здесь Звездолетный пояс. Спутник должен вращаться абсолютно равномерно, и передвижение хотя бы одного человека требует регулирования вращения — ведь масса спутника не так уж и велика. Эти автоматы следят за каждым из нас, но звуком реагируют только на чужих. Вот мы сейчас входим в гардеробный зал, а сколько же автоматов вынуждено начать регулировать вращение спутника...

Они входили в гардеробный зал.

Он не уступал размерами кают-компания. Громадное, хоть и низкое помещение казалось пустым — только в полу его виднелось множество расположенных по определенному узору круглых люков, прикрытых металлическими шторками. Монтажники встали каждый около своего люка, и Кедрин тоже отыскал свой, с номером двести восемьдесят три. Светящаяся цифра эта была врезана в пол. Шторки с коротким рокотом исчезли в своих гнездах, и из люков медленно выдвинулись скваммеры.

Смена начиналась. В спинах скваммеров распахивались дверцы. Люди исчезали в них. Массивные скваммеры заглатывали их, медленно, сыто захлопывали дверцы, удовлетворенно встряхивались и неторопливо, вразвалку уходили к выходной камере. В зале становилось все просторнее.

Кедрин вздохнул, заглянул в открытую дверцу. В скваммере царили сумерки. Он потрогал холодную металлическую броню.

— Пластмассовый был бы теплее, — сказал он.

— Да, — откликнулся еще не закрывший дверцы Гур. — Но в пространстве, в мире излучений, пластики разрушаются куда быстрее. Здесь металл надежнее. В пространстве нужна не только крепость, но и выносливость.

«Не только скваммерам», — подумал Кедрин. Он влез в отверстие. Дуглас и Холодовский уже захлопнули дверцы, теперь скваммеры были ими, и в знак этого они подняли верхние «руки», прощаясь. Вслед за ними тронулся Гур. «Что ж, — подумал Кедрин, — как и любые другие, все загадки спутника обрачиваются просто следствием неизвестных или выпавших из виду закономерностей. Все объясняется. И то, почему погиб Андрей, тоже объяснится. Но, может быть, прав этот Велигай и ключ к разгадке смерти Андрея он найдет здесь, в пространстве?»

— Не отставай... — На пороге шлюза Гур высунулся из дверцы. — Не забудь включить связь в шлюзе.

— Не забуду, — сказал Кедрин.

Он не забыл. Индикатор связи замерцал в шлеме, как близкая зеленая звезда.

Скваммер ступил из выходного шлюза в пространство. Так ступают за борт парашютисты: только в пространстве человек не падает и Земля не приближается стремительно к нему. Она остается такой же далекой, хотя и хорошо видимой. На ней так много хорошего... Но нет времени думать о ней, если ждут люди и ждут звездные корабли.

Монтажники быстро удалялись в рабочее пространство, уменьшались, растворялись в темноте. Кедрин остался один. Нет, один он еще плохо чувствовал себя в пространстве. Что за отвратительное ощущение — один в бездне! Хоть полезай обратно в спутник... Нет. Нет!

— Где вы там? — спросил Кедрин.

Он ждал знакомых голосов. И голос, ответивший ему, был знакомым. Но это не был голос никого из трех монтажников Особого звена. Это был другой голос, и Кедрин резко повернул голову, словно бы безмятежно-спокойное лицо оказалось здесь, рядом, и ясные глаза знакомого взглянули, как всегда, наивно и чуть удивленно.

— А, это ты, Кедрин? — сказал голос. — Рад слышать тебя в пространстве. Ты разворачиваешься назад, Кедрин? К спутнику? Ага, понимаю — ты еще не вполне владеешь гиросулем. Отверни его назад, Кедрин, отверни его.

— Черт! — сказал Кедрин. — Это капризная вещь, Велигай, гиросуль.

Он включил ракету. Скваммер быстро забрал ход. Рабочее пространство текло навстречу, как всегда навстречу нам течет время, и нам всегда дано плыть лишь против его течения. Вот почему время сравнивают с рекой, хотя оно гораздо более сродни космосу: оно так же всеобъемлюще, и недаром лишь в пространстве — времени существует все, что мы знаем. Но если пространство — океан, то время — течение этого океана; странное течение — всегда встречное, никогда не попутное. И поэтому только тот ощущает и в конечном итоге побеждает его, кто борется с этим течением всегда, везде. Только в такой борьбе исчезает все лишнее и остается то, что должно остаться.

Лишнее отпадает, как мельчайшие частички вещества отпадают в процессе приработки заново вложенной детали ко всему механизму — приработки, в результате которой час за часом, день за днем все больше становится площадь взаимодействия, все ровнее и точнее — движения. Но это детали — это не люди. Даже не очень опытный специалист с первого взгляда определит, подойдет ли взятая часть к целому, встанет ли на свое место, войдет ли в зацепление с соседними деталями механизма, и если не подойдет — решительно отложит ее в сторону. При чем чем сложнее механизм, тем точнее должна деталь соответствовать заданным размерам. Если же речь идет не о механизме, а о коллективе, состоящем из людей, то здесь мы встречаемся с обратной закономерностью: чем больше и сложнее коллектив, тем меньше может вначале соответствовать тот или иной его член требованиям. Начиная с определенной стадии, коллектив сумеет переформировать и подчинить своим требованиям даже человека, казалось бы, вовсе неподходящего. И если экипаж звездного корабля, состоящий из немногих людей, подбирается с привлечением последних достижений психологии и не один и не десять дней изучается каждый, то люди Звездолетного пояса, в котором население спутников исчислялось тысячами, могли позволить себе роскошь взять обыкновенного человека на приработку. Мощь многолюдного организма не подводила даже в одном случае из тысячи.

И вот уже шла эта приработка, и первый признак этого заключался в том, что Кедрину по дороге в рабочее пространство более не вспоминался ни позор его первых тренировочных дней, ни деталь, едва не ставшая в его руках смертоносной, и даже воспоминания минувшей ночи отошли куда-то. Сегодня был первый настоящий рабочий день, и сегодня же должно было произойти нечто гораздо более значительное: закладка того самого корабля, который уже ждали, с большим нетерпением ждали на орбите Трансцербера и который ждала вся планета со всеми своими пригородами — планета, которая вовсе не собиралась отдавать восемь жизней хотя бы и непредвиденным обстоятельствам.

И никто не собирался. И все тринадцать спутников Звездолетного пояса, которые изготовляли все, что требовалось для того, чтобы седьмой спутник мог смонтировать из этого корабль; и лунные рудники, из которых доставлялся на пояс металл; и земные вычислительные центры, без помощи которых не могло, конечно, обойтись ни одно серьезное дело; и земные энергоцентрали, без которых тоже ничего не могло произойти, хотя на Звездолетном поясе и было два своих энергетических спутника — третий и девятый. Все ждали того дня, когда круглый планетолет покинет рабочее пространство и даст возможность заложить новый корабль. И вот сегодня третья смена, наложив, наконец, последний мазок, передала корабль испытателям, и они увели его в Заземелье. Рабочее пространство опустело.

Монтажники растянулись в нем широким кольцом. Кедрин чувствовал, что волнуется, но виной тому был не страх: он был забыт, как думалось Кедрину, навсегда. Корабли закладываются не каждый день. И хотя на Земле Кедрину приходилось видеть, как закладываются основы зданий и теорий, но это было совсем не то. И не только потому, что при современных методах строительства и исследования выделить момент закладки основ было практически невозможно.

Дело заключалось в том, что на Земле еще никогда и ничто не закладывалось на пустом месте. В крайнем случае была сама Земля — тот участок ее, на котором что-то начинало воздвигаться. Тем более это относится к теориям, которые даже в принципе не могут возникнуть на пустом месте, и даже прогносеология не является исключением из правила, потому что как у строителя есть земля, так у прогносеолога есть хотя бы логика. Здесь же, казалось, не было ничего. Здесь было пространство, которое для физика является сложнейшим образованием, но в обычном трехмерном восприятии человека все еще остается пустотой, иными словами — ничем. И вот в определенном объеме этой пустоты — в заданном кубе, как говорят монтажники, — внезапно появилось нечто.

Сначала трудно было определить, что это такое, и поэтому казалось, что не люди привели сюда этот предмет, а само пространство в напряженном усилии породило его, чтобы занять, заполнить то место, куда с таким ожиданием были устремлены глаза всех монтажников. Предмет, ведомый невидимой тягой магнитных силовых линий, подплывал все ближе — и вот по краткой команде, которую своим резким, курлыкающим голосом подал шеф-монтер, несколько монтажников кинулись к предмету, окружили его: кто-то из них нацепил на выступ эластичную ленту, светящуюся яркими, торжествующими красками; и вот предмет, в котором все больше и больше узнавалось сердце корабля — диагравийонный реактор, — величественно, словно светило, окруженное планетами в скваммерах, вплыл в центр рабочего пространства. Тормозя, грянули двигатели скваммеров. И реактор сразу же застыл, повис на своем месте. Вспыхнули прожекторы, заработали радио и оптические маяки, точно обозначившие границы участка, и возникло и разрослось розоватое облако, ясно видимое издали и с Земли, чтобы и на Земле видели его и радовались закладке корабля.

Так шла закладка кораблей в пространстве; они начинали расти с сердца, и сердце начинало биться с первой же минуты. Потом оно обрастало мускулами и кожей — оболочкой, как известно, в последнюю очередь, чтобы оболочка не мешала монтировать крупные детали.

Работа началась. Кедрин услышал команду в свой адрес и не обиделся тому, что его ставили на подсобные: больше он ничего и не умел делать на монтаже. Он без труда нашел по номеру свою деталь и немного испугался ее размеров, но храбро ухватился клешнями всех четырех «рук» скваммера за назначенные места; вторые «руки» подчинились ему, хотя и без особого желания, но все же подчинились. Кедрин включил ранец. Деталь не хотела сдвигаться с места, она была велика и массивна, инерция была сильнее двигателя — и Кедрин напряг все мускулы. Он не мог не напрячь их, хотя и знал, что это абсолютно ни к чему, что он на этот раз не поможет этим скваммеру. Но, видимо, он все-таки помог — или это двигатель в конце концов переборол инерцию? — и вдруг деталь чуть сдвинулась, звездный пейзаж поплыл, поворачиваясь в нужном направлении, все быстрее, быстрее... Кедрин ощутил радость: грудь с грудью столкнулся он с инерцией вещества — и победил ее, и деталь послушно шла с исходной позиции на краю рабочего пространства вперед, туда, где перехватят ее установщики. Второй раз уже за эти сутки испытывал Кедрин радость от своей силы, от возможности подчинить ей еще что-то, кроме тензорных уравнений, хотя и от них он не собирался отказываться. Нет, это было совсем не то, что забить гол команде антеннистов с Букиным во главе; там, конечно, тоже была радость и удовлетворение, но только теперь Кедрин понял, что ни в какое сравнение они не могут идти с тем, что испытывал он сейчас.

Дальнейшее он помнил плохо. Были детали, и тяжелое упрямство инерции, и каждый раз — острая радость преодоления массы и расстояния. Были детали полечче, были минуты отдыха, когда транспорты не успевали подавать узлы с других спутников Звездолетного пояса, потому что темп монтажа превышал даже и рассчитанный по новой технологии. Шесть часов рабочего времени — удлинённая смена — ушли куда-то, пролетели мгновенно, так показалось Кедрину, когда раздался сигнал конца смены. Монтажники торопились очистить рабочее пространство для другой смены, которая вот-вот покажется возле спутника. И только теперь Кедрин сообразил, что у него как-то выпало из виду, что вся эта работа происходила в том самом грозном пространстве, которое еще в начале смены пугало его. Сейчас оно стало как-то безразлично Кедрину — быть может, потому, что вокруг летели, направляясь домой, монтажники. Во всяком случае, стало ясно, что пространство — само по себе, а он, Кедрин, — тоже сам по себе и они могут абсолютно не мешать друг другу.

Он летел к спутнику и пытался угадать, в каком же из этих скваммеров скрывается Ирэн. Если он не найдет ее в гардеробном зале, то пойдет к ней в каюту и они пообедают вместе. Конечно, он не думает, что все наладится сразу, само собой, но ведь...

— Кедрин!!

- А-а?
- Наконец-то! Я уж думал, что ты выключил связь. В пространстве это не разрешено, ты не забыл?
- Я и не думал выключать. С чего это...
- Я тебя окликаю третий раз, мой рассеянный друг.
- Я задумался...
- Ты не устал?
- Н-нет... — сказал Кедрин и сообразил, что он в самом деле устал куда меньше, чем в дни тренировок.
- Чудесно! В таком случае ты, конечно, захочешь побывать на нашей обсерватории? Не так ли, о любознательный!..
- На обсерватории? — спросил Кедрин. — А зачем? Я, собственно, думал...
- И все же было бы очень хорошо. Ты ведь не забыл, что это именно ты видел прошлым вечером какую-то звезду? Ты ее действительно видел?
- Видел, — хмуро сказал Кедрин. — Но я же не могу вас убедить.
- Но, возможно, сумеет Герн. Служба наблюдения у него поставлена хорошо. И если в пространстве появилось что-то новое, кто-нибудь да заметил это, кроме тебя.
- Если так, — сказал Кедрин, — то идем к Герну. Я готов.
- Смена покинула рабочее пространство. В зале монтажники высвобождались из скваммеров и шли мыться, переодеваться, отдыхать, обедать, чтобы затем превратиться в конструкторов, технологов, операторов, аналитиков, продумывать темп-схему завтрашнего дня. Пока не будет закончен корабль, все остальные работы и занятия в лабораториях, студиях, мастерских и кабинетах были отменены, потому что человеку свойственно стремиться к тому делу, которое сегодня нужнее всего.
- Я готов, — повторил Кедрин.

ХИ

На орбите Трансцербера капитан Лобов закончил стирку и теперь сидит и читает бортовой журнал. Расходовать энергию на то, чтобы смотреть старые фильмы, инженер Риекст не рекомендует, и капитан не расходует.

Инженер Риекст все еще занимается эоциклом. На помощь себе он привлек одного из пилотов. Второй по-прежнему находится в рубке. Считается, что он на вахте. Но на вахте делать нечего — наблюдением, предупреждением и всем прочим занимаются исследователи.

Сейчас они страшно заняты: очень интересны факты, совершенно непонятное явление. Пока подыскать ему объяснение трудно. Вот если бы здесь находился Герн... Но Герн находится далеко, в обсерватории спутника дробь семь Звездолетного пояса, и вряд ли он оттуда мог наблюдать это интереснейшее явление. Впрочем, кто знает: астрономам в особенности известно, что Герн подчас бывает способен на невозможное. Особенно когда он находится в привычной обстановке своей обсерватории.

На спутнике дробь семь, как и на всех искусственных небесных телах, обсерватория помещалась в вынесенной за пределы главной оси пристройке. Она соединялась со спутником скользящим рукавом; в отличие от самого сателлита обсерватория не имела собственного вращения: мудро было бы наблюдать небесные тела из помещения, делающего оборот вокруг своей оси менее, чем за два часа.

Нельзя сказать, чтобы в обсерватории было просторно; это станет понятным, если вспомнить, что обсерватория строилась для двух наблюдателей, а сейчас их там шестеро. Входя, Кедрин не ожидал этого, а уменьшенная тяжесть была тоже непредвиденной. Рассерженные лица астрономов (которые, разумеется, тоже были монтажниками и строили корабли) в первую же минуту обратились к Кедрину. Однако ему каким-то чудом удалось не сбить с места, не перевернуть и даже не задеть ничего существенного.

Остальные трое монтажников, вошедшие вместе с Кедриным, были здесь, очевидно, не впервые, и их приветствовали даже с некоторым уважением. Хотя кто-то из астрономов и не мог удержаться от нескольких слов в адрес дилетантов и вообще людей, которые не занимаются своим делом, а толпятся около астрономических приборов, в которых абсолютно не разбираются. В его речи скользило круглое «о» и слово «астрономический» казалось почетным званием, которое уже само по себе делало инструменты неприкосновенными.

В обсерватории все монтажники как-то разместились. И тогда круглая дверца снова распахнулась, и на пороге показался Герн. Он смотрел куда-то в пространство и шевелил губами. Потом он налетел на Дугласа, который так и остался посреди обсерватории, потому что все места у стен были уже заняты.

— Ах, да, — сказал Герн, ощупывая Дугласа. — Позвольте, что это?

Он поднял голову и увидел Дугласа.

— Здравствуйте пожалуйста, — сказал Герн и заложил руки за спину. — Что, на спутнике больше нет места для бездельников, а? Вам уже непременно надо ходить в обсерваторию и мешать людям работать? А? Я вас очень уважаю и поэтому прошу немедленно освободить помещение. Я же не влезаю в ваши лаборатории? А? Хотя они гораздо просторнее, и это, конечно, безобразия. Я всегда говорил...

Дуглас умоляюще посмотрел на Холодовского, потом на Гура. Герн вышел на свою орбиту и теперь мог не менее часа говорить о жалкой участи астрономов, обитающих на спутнике дробь семь. Холодовский пожал плечами. Гур очаровательно улыбнулся.

— Маэстро Герн, — сказал он сладчайшим голосом. — Вы слышите меня, о мой эрудированный друг? Мы все, конечно, согласны...

— ...Если бы эту жалкую каморку увеличить хотя бы вдвое, мы бы могли проводить такие наблюдения, что ни одна другая обсерватория в Приземелье не посмела бы.

— Например, наблюдения на фоне «Угольного мешка», — сказал Гур.



— Что? — спросил Герн.

— Я говорю: не проводили ли вы этой ночью наблюдений в направлении «Угольного мешка»? Хотя, вероятно, нет: что там может быть такого, что интересовало бы астрономов.

— Чтобы вы знали, астрономов интересует все! — сердито сказал Герн. — Так вы пришли затем, чтобы узнать это? Допустим, мы проводили наблюдения. Ну и что?

— Вот этот юноша, — сказал Гур и вытолкнул вперед Кедрина. — Вот этот многообещающий юноша уверял нас... Ведь вы знаете этого юношу?

— Неужели вы представляете, что я знаю всех юношей? — спросил Герн. — За кого вы меня принимаете, а?

— Но вот этого...

— Одну минуту, — сказал Герн и воззрился на Кедрина. — Что-то припоминаю... Вы астроном? А, нет, вы как раз не астроном, помню. Это вас принимали как раз в мое дежурство. Мне удивительно везет: если на спутнике что-то происходит, то обязательно в мое дежурство. Так что нужно этому юноше? Скажите, как вы себя чувствуете теперь в пространстве? Величественный вид светил, не закрытых колеблющейся атмосферой...

— Этот юноша, — сказал Гур, — уверяет нас, что сегодня ночью, по времени четвертой смены, по вашему времени это вечер, в направлении примерно восемнадцать — сто сорок семь ноль два он увидел нечто напоминающее небесное тело. Звезду. Определить звездную величину он затрудняется, но, судя по его рассказам, она близка к нулевой. Другой наш товарищ — вот он...

— А, Холодовский, — сказал Герн. — Очень рад вас видеть. Что у вас нового?

— Нового у него то, — сказал Гур, — что он сомневается в возможности наблюдения такого тела там, где его никогда не было и, судя по всему, быть не должно. У него — да и у всех нас — есть причины интересоваться этим всерьез. Поэтому, о наш наблюдательный друг, если бы у вас случайно оказались какие-либо данные...

— Как вам нравится, случайно, а? — сказал Герн. — По-вашему, у нас наблюдения производятся случайно? От случая к случаю?

— Тем лучше, — сказал Гур. — Значит, вы наблюдали?

— У нас нет такого количества наблюдателей, чтобы круглые сутки наблюдать за всей сферой, — сказал Герн. — Вот если бы шеф-монтер и все вы тоже...

— Значит, вы не наблюдали, — сказал Гур.

— Мы не наблюдали. Но автоматика наблюдала. И если там что-нибудь произошло, то все это будет на пленке. Анри, дайте мне сегодняшние пленки. Мерси. Ну, вот они. Сейчас посмотрим...

Он растянул пленку в руках, бормоча: «Посмотрим, посмотрим...» Все следили за ним, вытянув шею, пытаясь заглянуть в медленно проходившие перед глазами Герна кадры. Он отложил пленку, сказал: «Ничего интересного... Сева, внесите коррективы в модель «Леонид», — взял другую пленку. На ней

тоже не оказалось ничего интересного — для неспециалистов, как сказал Герн. Он взял третью. Ничего. Четвертую. На седьмой Холодовский махнул рукой, негромко сказал: «Ясно, ничего и не будет. Я в этом не сомневался». Герн услышал его.

— Сомневаться надо, — назидательно сказал он. — Всегда надо. Пусть нет на седьмой — может оказаться на восьмой. А?

Он бегло проглядел восьмую, потом опустил руку и стал глядеть в потолок.

— Нет? — спросил Гур.

— Есть, нет! — рассердился Герн. — Как это у вас все легко!..

Он заправил пленку в проектор. Кадры медленно поплыли по крохотному экрану. Через минуту Герн остановил проектор.

— Анри, вот эти кадры немедленно отпечатать.

Последующий час был до отказа заполнен тишиной. Только напряженное дыхание замерших людей свидетельствовало о том, что обсерватория все еще обитаема, да изредка — краткие возгласы. Потом кто-то пробормотал:

— Он ошибся на ноль пять. У меня величина получается ноль пять. Вы слышали о чем-нибудь подобном?

— Все летит непонятно куда, — откликнулся второй. — Там же не было абсолютно ничего. Только радиообъекты, но не оптические... Люди столетиями...

Он не закончил, но и так всем было ясно, что делали люди столетиями: они заблуждались, если только можно назвать заблуждением незнание каких-то фактов. Они заблуждались и еще будут заблуждаться, ибо ясно — в вечно меняющемся и развивающемся мире и открытые людьми закономерности не остаются неизменными, кроме самых основных, да и они приобретают для людей новый, все более глубокий смысл. Но человечество накапливает знания и делает выводы все быстрее, ибо все больше людей участвует в процессе познания; и еще неизвестно, как далеко и в каких направлениях успели зайти люди других человечеств. Но в конце концов и это станет известно.

Размышления текли все дальше и дальше и зашли бы очень далеко, если бы не Гур.

— Великий пир астрономии, — негромко произнес Гур, — где нам досталась всего лишь скромная роль кулинаров. Что же, столы накрыты, и не скоро теперь сии мужи почувствуют сладостное ощущение сытости. Пойдемте и мы, ибо наша работа не кончена, о друзья мои, и мы узнали главное: такое тело было, наш друг Кедрин и на сей раз не галлюцинировал. А как это связано с запахом — этого нам, увы, не скажут астрономы и даже сам Герн...

— А? — сказал Герн. — Нет, конечно, не скажу.

— Но хотя бы о природе явления. Что это? — спросил Холодовский.

— Вы думаете, на нем написано? Нет, я не могу ответить сразу. И никто не может.

— Идем, — сказал Холодовский.

— Побудем еще: здесь интересно, — сказал Дуглас.

— Нет, — сказал Гур. — Нет времени. Кедрин, пошли. Нам предстоит обдумать еще многое.

Они выбрались из обсерватории, и вряд ли их исчезновение заметил хоть один из ее обитателей. Они прошли переходный рукав, миновали негромко рокочущее соединительное кольцо и, войдя в пределы спутника, с удовольствием ощутили уверенную тяжесть.

— Ко мне, — сказал Дуглас. — Время свободного полета. И сегодня мы должны что-то привезти из этого полета.

— Что ж, — сказал Гур, — пусть к тебе, мой парящий друг. Как знать, может быть, мы что-нибудь и привезем.

В каюте Дугласа они расселись, и Холодовский сказал:

— До первой идеи. Додумывать я пойду в док. Ну, Кедрин, я был не прав. Приношу извинения. Полетели. Гур, возглавь.

— Так, — сказал Гур, и его правая рука мерно задвигалась, словно отбивая такт словам и мыслям. — Летим вот в каком направлении: раз была звезда — значит был и запах.

— Вероятность девяносто, — сказал Дуглас.

— Достаточная вероятность. Направление подтвердилось, значит остается в силе вывод: экраны не удержали запаха. Слава?

— Ну, — скучным голосом сказал Холодовский, — возможно, мы тут что-то путаем. По моей гипотезе, излучение возникает при торможении метеоров в статическом поле. Я считаю, это не подлежит сомнению. К чему же эта звезда, если даже она и была? До сих пор всегда, когда возникал запах, фиксировались и метеориты.

— Сегодня их не было.

— Значит, не было и запаха. Мало что девяносто процентов. Не сто.

— А чем ты объясняешь историю с экраном?

— Пока ничем. Герн прав: нельзя же объяснять просто так, с ходу строить гипотезы. Всякая гипотеза требует размышлений.

— Итак, Слава считает, что запаха не было. Мы полагаем, что он все-таки был. Дело не в этом, сварливые друзья мои. Дело в том, что мы еще не умеем определять направление. Нужен прибор. Один метеор не создает атаки запаха. Только целый поток их протяженностью примерно в минуту — до сих пор атака не продолжалась дольше. Получив прибор, пеленгирующий направление на источник запаха, мы соединяем его с озомером. Такие блоки выносим в пространство во всех направлениях.

— И маневренный экран, — сказал Дуглас. — Небольшой, но маневренный. Метеор как источник излучения можно приравнять к точечному излучателю. Заэкранировать его легче небольшим, подвижным и мощным экраном.

— Почему бы просто не экранировать метеоры? — спросил Кедрин.

— Незачем. Если излучают метеоры, то мельчайшие. Излучение идет на уровне атомов и молекул. А локаторы своевременно предупреждают нас только о больших.

— Итак, нужен прибор. Начинаем бредить... — сказал Гур. — Мне это представляется вот как: если озомер Холодовского рассчитан на колебания миллиметрового диапазона и опреде-

ленной амплитуды — ведь ощущение запаха вызывают, очевидно, колебания с небольшой амплитудой, иначе мы слышали бы запах неопределенно далеко от излучающего объекта, но мы воспринимаем их главным образом вблизи — так вот, если озомер рассчитан на слабые колебания и даже сверхслабые, то задача...

— Мне это представляется так, — сказал Дуглас. — Я беру озомер. — Пальцы его так уверенно взяли этот прибор, что показалось — озомер и впрямь оказался в руке монтажника. — Беру озомер... К нему присоединяется устройство, способное выделять сверхслабые колебания миллиметрового диапазона из потока более сильного излучения, которое на нас не действует и нам не опасно. Остальное — задача чисто техническая, кроме узконаправленной антенны миллиметровых колебаний, которую просчитает Кедрин.

Кедрин кивнул: это он просчитает, задача несложная, если ему дадут хоть маленькую машину.

— Дадим, — сказал Гур. — Итак, главное: как выделять слабые, отводить, задерживать или нейтрализовать сильные колебания. Ну?

— Надо ассоциировать, — сказал Холодовский.

— Ассоциация есть самодеятельность мозга, — усмехнулся Гур, — его спонтанная деятельность. Проявление избирательности, способность отыскивать в памяти подобное. Какие возникают ассоциации?

— Выделять, — сказал Дуглас. — Разделять, отделять. Что-то очень старое. «Разделяй и властвуй». Старое...

— Поверим интуиции. Пошли в старое. Слава?

— Паровоз. Теплотвор. Мировой эфир...

— Телеграф, — сказал Кедрин. — Гонец. Ящик. Барышня.

— Почему барышня?

— Раньше телефонную связь осуществляли барышни. Я читал.

— Как это характеризуется?

— Что-то такое хрупкое... нежное...

— Хрупкое, — сказал Дуглас. — Лампа. Кенотрон. Пальчиковая лампа. Кристаллический диод. Неоновая лампа. Хрупко... Диод. К чему бы диоды?

— Диоды, — сказал Гур. — Триоды. Квадрупеды. Пентаметры. Секстеты. Секстеты — оркестры. Барабаны. Трубы. Ничего? Далее: трубы. Заводские. Еще?

— Паровозные, — сказал Холодовский.

— Паровозные. Пути. Рельсы. Тоннели. Тоннели. Что?

— Тоннели, — сказал Дуглас. — Тут что-то есть... Тоннельные диоды.

— Тоннельные диоды, — сказал Холодовский.

— Маленькие, милые, старые тоннельные диодики, — сказал Гур. — Ну и что?

— Это годится, — сказал Кедрин. — Это стоит продумать. А я пока подумаю над антенной.

— Тогда отключись, — сказал Дуглас. — Тебе мешают голоса?

— Нет, — сказал Кедрин. — Когда отключаюсь, нет.

Он на мгновение напрягся — и каюта с тремя людьми ушла куда-то, осталась пустота, и в ней четкие синусоиды колебаний, резкие и совсем слабые, и образующая. Потом образующая осталась одна, синусоиды исчезли — и надо было лишь восстановить их, поймать и подвести к тому, что сейчас продуывали трое монтажников. Как это сделать? Кедрину представились какие-то еще не совсем ясные ему силы в виде крючков, которые протягивались со всех сторон и старались выудить из пустоты одну синусоиду и оттащить ее от остальных, но это не удавалось. Потом сбоку появилась вторая слабая синусоида; она мерно пульсировала, колебалась, и это был резонанс.

Он записал резонанс где-то в левом верхнем углу плоскости, которая представлялась ему, и стал думать дальше. Он начал мыслить формулами, но невооруженный мозг оказался не столь пригоден для этого, как «Элмо». Тогда он вернулся к резонансу, потому что другие схемы, чертежи и графики, которые он представлял себе, не дали никакого намека на необходимое решение. Он вернулся к резонансу и понял в общем, что именно следует вводить в машину, которую ему обещали предоставить. После этого он, вздохнув, проник в оставленный было мир действительности.

Остальные трое молчали, очевидно тоже найдя свои задачи и отключившись от всего остального. Кедрин отдыхал, голова казалась какой-то пустой. Вскоре встрепенулся Дуглас, поднял голову, задумчиво посмотрел на Кедрина, видимо еще не узнавая его, потом узнал.

— Я представляю так, — сказал он. — Вот тело прибора. Вход. Фильтр. — Он взял невидимый фильтр и поставил его на место, присоединил. — Здесь идут каскадные блоки. Усиление «А» и «а» малое... — Он продолжал точными движениями размещать элементы прибора. — И вот выход на озомер. За ним — выходы на запись и на контроль. Все.

— Чудесно, мой проектирующий друг! — Гур вступил в разговор легко, словно и не выключался. — Чудесно! Отфильтрование по амплитуде у меня вроде бы получается. Остается лишь подождать, пока вернется наш друг Слава, и если окажется, что и у него все в порядке...

— У меня не все в порядке, — мрачно проговорил Холодовский, не открывая глаз. — Я же говорил, что не могу думать в такой сутолоке мыслей. Мне нужно большое помещение. Пожалуй, пойду на док.

— В доке стоит транссистемник «Балтика». Ему надо менять гравигенную аппаратуру, выработался весь ресурс.

— Кстати, — сказал Кедрин. — А почему за «Гончим псом» не посылают транссистемник? Ведь в конце концов орбита Трансцербера относительно недалеко, за бывшими рубежами солнечной системы, за орбитой Церберы. Неужели он не дошел бы за три месяца?

— Увы, изобретательный друг мой, — сказал Гур. — Импульсному транссистемнику туда идти полгода. У него ведь не диаграммный привод, а всего лишь ионный. Это медленные транспортные корабли, транссистемники. Их задача — заходить за орбиту Сатурна, не дальше. Ведь дальше вообще проникают

считанные экспедиции. Их возят длинные корабли, которые чаще всего забрасывают их по дороге — по дороге к звездам.

— А обратно?

— Обратно их, как правило, забирают тоже длинные. Сроки экспедиций заранее рассчитаны, а посты на дальних планетах не меняются чаще, чем раз в год.

— Не хотел бы я попасть на дальнюю планету, — сказал Кедрин.

— Обещаю, что в ближайшие дни ты туда не попадешь, — сказал Гур. — Но если ты хочешь попасть к вычислителю, который я забронировал для тебя на часок, то время торопиться.

Кедрин вскочил.

— К вычислителю! — ликующе сказал он. — Вот это да!

— Не радуйся, это не «Элмо»...

— Все равно. Хотя, конечно, было бы намного легче работать, если бы здесь была нужная степень автоматизации. А то ведь Дугласу пришлось самому компоновать прибор. У нас в институте это отдали бы в композиционное устройство и на программу.

— Вот они, — сказал Гур, укоризненно качая головой, — вот они, привычки кабинетников! Мало вычислить — еще и компоновать, и запрограммировать, и еще, наверное, передать автоматам не только для изготовления, но и для испытания. Так?

— А как же иначе?

— Нет, — сказал Дуглас.

— Зачем, о друг мой? Зачем лишать себя радости? Можно работать и головой и руками. И, придумав прибор, его делают. Хотя бы опытный экземпляр. Это доставляет радость. Союз рук и головы. Ведь руки сделали человека человеком. Руки! И мозг.

— Слепцов, мой руководитель, говорит, что это устарело.

— Кушать за себя ты тоже доверишь машине? Нет? А почему?

— Да простится мне это! — сказал Холодовский. — Целовать женщину ты будешь сам? Или и это доверишь машине? Чтобы она делала это для тебя?

«Не красней, — сказал себе Кедрин. — Не красней, слышишь?»

— Довольно, монтажники, — сказал Гур. — Вы вогнали его в краску, о мои язвительные друзья! О, как томит его сознание собственного консерватизма! Томит ли, о друг мой?

— Томит, — мрачно ответил Кедрин.

— Посему ступай же на вычислитель, сделай расчеты. И тогда...

Дверь каюты начала растворяться медленно и неумолимо — так медленно и неумолимо, словно за нею стояла сама судьба. С минуту никто не входил. Затем на пороге показался Герн, глаза его задумчиво смотрели из-под нависающего лба. Он остался стоять в дверях, глядя куда-то вдаль и всем своим видом выказывая крайнее удивление.

— Если он удивится еще сильнее, брови окажутся на затылке, — хладнокровно констатировал Гур.

— Ага, — сказал Герн, и брови его на миг заняли нормальное положение. — Это вы. Мне так и казалось с самого начала, но я не был уверен.

— Гур, он узнал тебя по перлам остроумия, — сказал Холодовский.

— Допустим, — сказал Герн. — Так зачем я пришел? А, вот что: мы разобрались в этих фотографиях. Конечно, это было нелегко, но мы разобрались.

— Ну? Что это такое? Что это было?

— Вот именно! — сказал Герн. — Что это было? Этого никто не знает. Я склонен лишь думать, что это было нечто, чего теперь уже нет. Потому что, по моему убеждению, это было явление взрывного порядка. Если аннигиляция, то мог взорваться корабль. Если атомный взрыв, то могла взорваться и не очень большая планета.

— К чему такие сравнения? — сердито проговорил Холодовский. — Почему надо сравнивать именно с кораблем?

— Потому, — сказал Герн, — что направление-то мы установили точно. Это в пределах ошибки — направление на Трансцербер. Или на корабль. На таком расстоянии это практически одно и то же.

— Значит? — Гур схватил астронома за плечо. — Значит?..

— Ничего не значит... — медленно ответил Герн. — Может быть, там уже ничего не осталось.

— Вы доложили?

— Я доложил.

— Что Седов?

— Вы не знаете Седова? Он мне сказал примерно так: он поверит в это тогда, когда получит от них радиограмму об их собственной гибели. До тех пор работы будут продолжаться так, как они начаты, и никак иначе. Это же Седов!

— Что ж, — сказал Гур. — Тогда все в порядке. Переживать и сомневаться будем про себя. Монтажники не сомневаются, не правда ли, Слава Холодовский?

— Иногда они слишком много говорят, — сказал Герн, не глядя ни на кого в особенности. — Так, собственно, я зашел только поблагодарить вас за то, что вы обратили наше внимание на эту вспышку. Иначе мы добрались бы до нее только вечером. Спасибо.

— На здоровье, — сказал Гур. — Кедрин, тебе время на машину.

«К чему?» — хотел спросить Кедрин. Но не спросил и пошел на машину.

Еще несколько минут тому назад он опустился бы в кресло вычислителя с удовольствием. Теперь он сделал это машинально, мысли его были там, на орбите Трансцербера. Вот, казалось, все было продумано, все делалось для того, чтобы спасти людей. Но слишком много непонятого еще происходит в пространстве, даже в пределах уж такой знакомой, кажется, солнечной системы. Нет, какая уж тут гарантия!..

Он быстро запрограммировал задание, ввел данные в машину. Это был новый вычислитель — конечно, среднего класса, но и такой был единственным на спутнике дробь семь. Не очень

сильная машина, но и за ее пультом Кедрину сидеть не то что приятно, а просто необходимо. Столько лет он занимается такой и еще более сложной работой, и, наверное, ею ему и надо заниматься. Конечно, в пространстве неплохо, но хорошо, если бы здесь были «Элмо» и большие вычислители.

Машина работала, чуть слышно жужжа. Кедрин думал. Нет, конечно, пока не следует делать выводов. Сколько он здесь? Без году неделю. Что-то здесь все-таки хорошо, что-то есть такое, чего не хватало в его жизни. И Ирэн здесь. Без нее он не уйдет на Землю. А с нею? С нею — может быть...

Машина закончила вычисления, результаты были отпечатаны на ленте. И все же Кедрин не торопился подниматься с кресла.

Ему вдруг стало необычайно хорошо. Нетрудно было представить, что это небольшое помещение — часть вычислительного зала где-то на Земле. Сейчас, выйдя из двери, можно будет ступить на зеленую траву и пойти по ней или просто упасть на нее и лежать, прижимаясь щекой к упругим стебелькам. Солнце, на которое можно смотреть и без посредства поляризующего фонаря. Запахи, которых не надо бояться. Люди, которые не надевают скваммеров. Женщины, которые...

«Женщины, которые не похожи на нее, — подумал он. — У которых нет таких волос. Таких глаз. Таких губ. Такого голоса. Женщины — которые не она».

Он взглянул на часы. Время обедать.

Кедрин бережно спрятал кусок ленты в карман. Под ногами потекла не трава, а пластик, безжизненный, хотя и упругий. Солнца не было, и полдневный свет, заливавший коридор, был все же искусственный, как бы он ни был похож на настоящий. И чтобы выйти из спутника, хочешь или не хочешь, придется влезать в скваммер, иначе нельзя. А что касается запахов, то их можно обонять в кают-компании, можно заказать запах в свою каюту. Но только не в пространстве. Только не в пространстве.

XIII

На орбите Трансцербера не происходит ничего. Ничего не видно. Темнота, пространство. Вот все, что можно сказать сейчас об орбите Трансцербера.

Он вышел в пространство назавтра. И послезавтра. Каждый день. Неделю. Две недели.

Никаких известий не было с орбиты Трансцербера. Но шеф-монтер Седов вел работы так, как будто бы каждый день «Гончий пес» умолял ускорить, сократить, нажать... Таков был он, и такими были монтажники. Они верили, что те восемь живы и ждут. Монтажники верили, потому что хотели верить. А уж если они чего-нибудь хотели, они этого добивались.

Кедрин становился монтажником. И он добился того, что видел Ирэн каждый день. Целый час он проводил у нее. Не было разговоров о будущем. Не было разговоров о прошлом. Они говорили только о настоящем. О том, что сделано сегодня и что

будет сделано завтра. Заходить дальше, чувствовал Кедрин, было опасно.

Посидев час, он вставал и шел в каюту Дугласа. Прибор становился все более похожим на то, что было нужно. К счастью, ни разу за эти дни запах не возникал. И корабль все более становился похож на то, что было нужно, — на длинный корабль. Линия смонтированных механизмов уже протянулась на нужную длину. Наступала пора монтировать окружающие механизмы помещения. Затем в них будут монтироваться остальные, вспомогательные механизмы. Это займет месяц. А затем пойдет монтаж внешнего пояса помещений и, наконец, оболочки и внешней арматуры. И, наконец, наступит день, когда о корабле можно будет сказать: «Он готов».

Он будет готов. А пока надо выходить в пространство.

Теперь усталость уже почти совсем не ощущалась. Да и над неловкостью нового монтажника вряд ли стоило смеяться. Теперь он был специалистом, если еще и не таким, как большинство других, то, во всяком случае, полезным. С этой мыслью он проснулся сегодня утром — таким же розовым утром, как и все утра на спутнике.

Пространство тоже начало становиться другим. Правда, Кедрин не привык к нему: пространство было так величественно и так бесконечно, что привыкнуть к нему было нельзя. Но в его бесконечности, оказывается, крылась не угроза, а, наоборот, какое-то спокойствие, и, может быть, именно это спокойствие и являлось одной из причин того, что монтажники вовсе не торопятся покинуть Приземелье и вернуться на гораздо более удобную Землю, хотя могут сделать это в любой день и час, и им не пришлось бы скучать на Земле — там тоже много всякой работы. Но, оказывается, к пространству можно ощущать любовь, так же, как к Земле, к месту, где ты родился или вырос — ну, не совсем так, как-то по-другому, — но можно любить его, и спутник, и корабли, любить все это и чувствовать себя среди всего этого как дома. И, кажется, Кедрин уже начал привыкать к этому...

Кедрин, не ища, вышел точно на свое место в гардеробном зале. Скваммеры были уже подняты. Он по-хозяйски обошел вокруг своего двести восемьдесят третьего и по укоренившейся среди монтажников привычке хлопнул его по бедру и с удовольствием выслушал ответный гулкий и внушительный звон. Все было в порядке, оставалось влезть, устроиться поудобнее и закрыть за собою дверь.

Он так и сделал и, потянув поводок, защелкнул дверь и проверил предохранители. Затем, шагнув, он послал скваммер вперед.

В пространстве было темно, как и всегда бывает темно в пространстве, но будущий корабль был освещен — солнце стояло за спиной у монтажников. Горели зеленые маяки, показывавшие, что рабочее пространство открыто для смены.

Кедрин нажал стартер, это произошло само по себе — он больше не думал, какой силы импульс надо дать, чтобы очутиться в нужном ему кубе пространства. Корабль дрогнул и начал приближаться. Монтажные летели рядом — люди, возве-

денные в ранг небесных тел. Корабль надвигался стремительно. Холодные звезды вонзались в корпус реактора, как отточенные стрелы. Где-то над головой плыла Земля. В той стороне вспыхнуло, блеснуло — шла очередная партия транспортных кораблей.

Внезапно Кедрин судорожно крутнул головой: показалось, что кто-то приближается и вот-вот ударит справа. Нет, все было в порядке, сосед соблюдал дистанцию. Но кто-то начал надвигаться слева, становиться все более заметным. Кедрин торопливо взглянул и в ту сторону. И отсюда никто не угрожал ему, однако после каждой смены от этого непрерывного оглядывания у него деревенела шея, и все же он не мог не вертеть головой.

На всякий случай Кедрин все-таки взял левее — ему показалось, что в этой стороне свободнее. В тот же миг царившая в телефонах тишина рассыпалась на дробные осколки, раздался громовой щелчок, и вслед за тем оглушительный голос Гура произнес:

— Непоседливый друг мой! Не вилай! Оставь рули в покое!

— Ты не можешь громче? — разъяренно взревел Кедрин.

— Могу! — еще громче заорал Гур и оглушительно расхохотался.

Кедрин мог поклясться, что это был хохот в миллионы децибелл.

— Так что же ты...

— Не кричи, — нормальным голосом произнес Гур. — Моя скромная голова раскалывается от твоего голоса.

— Вот как?

— Еще тише.

— Так? — Кедрин почти шептал. — В чем дело, Гур?

— Ослабь на две позиции, закрепи так.

— Но ведь все время при этой настройке звук не казался мне громким. Так?

— Уже похоже на норму. Теперь скоро твой день рождения.

— Мой? Нет...

— Скоро... Теперь слушай: возьми руль влево. Видишь оптический маяк номер восемь? Около него подождешь нас.

— Особое звено, да?

— Особое звено. Надо же, наконец, испробовать наш приборчик — хотя бы настолько, насколько это возможно пока.

Кедрин кивнул, хотя этого никто не мог видеть. Плавно включил гируруль горизонтальной оси. Дал импульс. Еще чуть-чуть подправил рулями курс.

Уже не казалось странным, что можно было лететь в любом положении — не только головой, грудью или даже спиной вперед, но и нанскось, и, как говорили монтажники, локтем вперед, и вообще в любом мыслимом положении... Сейчас основная масса монтажников находилась под ним; впрочем, стоило ему представить, что он летит не вперед, а вверх — и они тотчас же оказывались перед ним. Второй раз уже он видел смену со стороны, но тогда ему было не до того, чтобы вглядываться в нее, а сейчас он убедился в том, как все-таки много людей на спутнике: здесь была лишь четвертая часть монтажников и даже меньше — и все же их было очень много. В простран-

стве было настолько желюдно, насколько пусто казалось в спутнике — тому, кто не знал, где искать людей. Их надо было искать в каютах, если в этой смене была ночь, и в лаборатории, библиотеке, концертном зале или телезале, где можно было получить переданное непосредственно с Земли изображение любого полотна и рассматривать его столько, сколько нужно. На спутнике можно было жить по соседству с человеком и не встречать его месяцами, если его смена была сдвинута, как говорили монтажники, на сто восемьдесят градусов и работал он, когда ты спал, и спал, когда ты бодрствовал. Впрочем, в пространстве тоже трудно было встретить нужного человека, если, конечно, ты не хотел вызывать его по связи и орать на все Приземелье, а хотел просто увидеть, хоть издалека, и проводить взглядом, и порадоваться тому, что человек этот здесь, вблизи. Все-таки в пространстве было оченьлюдно.

— Нелюдно, а скваммерно, — пробормотал Кедрин.

— Ну, Кедрин, — одобритительно проговорил откуда-то Дуглас. — Ну, ну... Дай еще плюс три, и ты придешь прямо в свой куб.

Кедрин непроизвольно оглянулся — голос Дугласа раздавался совсем рядом, и трудно было избавиться от впечатления, что он тут, за спиной. Кедрин оглянулся и оцепенел от изумления. И с ходу включил торможение, так что потерял стабилизацию и закувыркался в пространстве, описывая кривую великой сложности.

Дуглас действительно был совсем рядом, но не в скваммере, а в обычном полетном костюме, да еще с раскрытым забралом шлема, словно бы он находился не в вакууме, а за непроницаемой броней. Но он находился тут, в пустоте, он сидел в удобном креслице, прикрепленном к раме, легкой раме с четырьмя отходившими от ее углов усами, а сзади, за креслом, был прикреплен массивный по виду черный ящик — и больше ничего. Очевидно, скваммер с полной убедительностью выразил степень изумления Кедрина, потому что Дуглас радостно усмехнулся и назидательно поднял было палец, но промолчал, жестом фокусника снял шлем, подбросил, поймал и победоносно водрузил на место. Затем он слегка тронул один из лимбов на небольшом, стоявшем в ногах пульте, слегка задрожал, словно бы между ним и Кедриным встала вдруг стена нагретого воздуха, и вдруг рама плавно скользнула вперед, оставляя Кедрина далеко позади.

Тогда Кедрин снова вышел на курс. Оптический маяк придвинулся совсем близко, проскользнул рядом, но Кедрин уже тормозился. Торможение получилось очень удачным.

Дуглас был теперь совсем рядом и поглядывал то на Кедрину, то на свою раму и время от времени трогал какие-то лимбы и рычажки, так что дрожащая стена вокруг него то почти совсем исчезала, то становилась менее прозрачной, темнела, и тогда вместо рамы с Дугласом в пространстве возникал какой-то черный, плотный, приплюснутый кокон. Наконец запасы кедринского долготерпения иссякли окончательно.

— Что за фокусы? — спросил он обиженно. — Ты больше не дышишь воздухом? Тебе хватает межзвездного водорода? А мо-

жет быть, ты сидишь где-то в спутнике и просто стереопроцируешься в этот куб, как статуи из Эрмитажа?

— Верь своим глазам, Кедрин, — с достоинством произнес Дуглас и даже обошелся без своего излюбленного «ну, ну». — Глаза — аппарат, заслуживающий доверия. Не верь своим построениям. Сомнительным построениям, страдающим отсутствием логики. Я здесь, а не где-либо в другом месте. И почему я должен отказаться от неплохой привычки дышать воздухом?

— Но эта рама?

— Пока это рама. Когда-нибудь люди станут строить такие звездолеты. Так я думаю. Здесь работает всего лишь фи-компонента гравиполя. Это поле непроницаемо для многих вещественных субстанций. А когда оно выключается, остается рама. И вот этот реактор. Легкость транспортировки, простота управления. И другие достоинства...

Холодовский развернулся рядом. В вытянутых верхних руках его скваммер нес готовый прибор. Так во время оно подавали на стол самовар — некогда тоже плод технической мысли и конструкторского остроумия.

— Ну вот, — облегченно вздохнул Холодовский, словно он опустил тяжелую ношу, и вытер пот со лба. — Только что это испытывалось в закрытом доке, и все оказалось в порядке. Берет направление с точностью до градуса, больше нам пока, по сути, и не нужно. Сейчас испытываем в пустоте.

— Что он будет принимать?

— Гур пойдет со стороны экранов с пороховой ракетой. Она пройдет мимо и оставит пахнущий след. Несколько в стороне от направления, в котором я сейчас ориентирую озотаксор — так мы его назвали. Дуг, не лопни в своей раме от самодовольства.

— А что? — сказал Дуглас. — Это уж, Слава, ну, ну... Обзор исключительный, на ходу легка. И забот всего — через месяц заменить элементы реактора. Вот покатаюсь в свое удовольствие — отдадим на Землю. Пусть запускают в серию.

— Что ж, пусть... — рассеянно отозвался Холодовский. — Кедрин, держи: блок записи. Еще не закреплен, так что держи на руках и старайся не дергать: полетят провода... Твое дело следить, как будет писаться. Гур, где ты там?

— Я здесь, любезный друг. Скучаю по позиции и ожидаю решительной команды.

— Ты взял прицел точно?

— О, конечно, нет, — сказал Гур.

— Ну, Гур, — сказал Дуглас. — Ну, ну... Только не старайся, чтобы твоя ракета угодила в нас.

— Не буду стараться, — пообещал Гур.

— Внимание, — сказал Холодовский. — Наблюдать. Гур, пять. Четыре. Три. Два. Один. Да!

Кедрин не отводил глаз от толстого стекла, за которым неподвижная круглая пластинка, кажется, никак не собиралась реагировать на запуск небольшой сигнальной ракетки. Кедрин уже хотел сказать, что запись не работает, как вдруг пластинка медленно тронулась с места, закрутилась, подставляя магнитной головке все новые участки. Затем пластинка остановилась, и это означало, что все кончено.

— Очень хорошо! — сказал Холодовский. — Гур, вторую...
Пять, четыре, три...

Была выпущена вторая, и третья, и пятая. Прибор действовал — да иначе, собственно, и быть не могло. Испытания кончились. Дуглас сказал:

— Теперь бы настоящий запах — для окончательной уверенности...

— Не каркай, о мой дотошный друг! — сказал издали Гур.

— Не думаю, что надо еще убеждаться, — сказал Холодовский. — Все ясно. Надо монтировать мобильный экран и считать проблему решенной. Запаха больше нет. Максимум, что еще можно сделать, поставить еще парочку таких агрегатов с разных сторон. Хотя те направления и не столько метеороопасны... Например, нет никаких оснований предполагать, что какая-то группа метеоров может вторгнуться в нас, скажем, со стороны девяносто — семнадцать. Или двести семь — ноль восемь — сто...

Холодовский не успел закончить. Высокий, пронзительный вой раздался в телефонах. Кедрин невольно зажмурился. Вой повторился, затем негромкий голос произнес:

— Тревога номер один... Тревога один... Метеоры высокой энергии, пакетами, направление девяносто три — восемьдесят семь — пятнадцать. Угроза кораблю. Угроза кораблю. Немедленно принять меры. Укрыться в спутнике. Метеорный патруль начинает отсчет... Заградители, огонь! Заградители, огонь! Пять минут ровно. Четыре пятьдесят восемь. Четыре пятьдесят шесть...

(Продолжение следует)

Я убежден, что для создания современного научно-фантастического произведения необходимо знать современную науку. Конечно, от писателя-профессионала нельзя требовать знания научного предмета во всей его полноте и глубине. Однако общие принципы, которые положены в основу научно-фантастического произведения, не должны противоречить тому, что знает читатель из школьных учебников.

Конечно, научно-фантастическое произведение не является ни научным трактатом, ни научной статьей. Это прежде всего художественное произведение. На мой взгляд, идейная направленность и художественная значимость произведения определяют объем «научного» и «фантастического».

В любой науке всегда есть много нерешенных проблем, по поводу которых высказываются различные точки зрения. Чем необычнее предположение, тем легче оно может быть использовано для построения «научной интриги» фантастического произведения. Однако наука не стоит на месте, накапливаются



новые экспериментальные факты, и в конце концов из множества разнообразных гипотез «выживает» только одна. Она превращается в достоверное знание. Что же при этом происходит с художественными научно-фантастическими произведениями, которые были построены на ложных гипотезах? Даже при очень высоком художественном качестве они много теряют, особенно в глазах грамотного, следящего за развитием науки читателя. Вот почему, мне кажется, создание фантастического произведения-гипотезы очень сложное и ответственное дело.

Рассказ «Следы на паркете», по существу, не является научно-фантастическим рассказом, а скорее рассказом о некоторых научно-фантастических рассказах-гипотезах. В последнее время их в научно-фантастической и даже научно-популярной литературе было немало. Путем остроумного сочетания разрозненных фактов авторам удавалось построить якобы «достоверную» теорию непонятого явления природы. Кажущаяся логическая стройность и остроумие таких построений придают произведению ви-

димось научной достоверности. Этот прием ставит иного читателя в тупик: из научных трудов ему известно одно, а писатель доказывает совершенно противоположное. Кому же верить!

В связи с этим я не могу не вспомнить небольшой «трюк». Еще в студенческие годы я проделывал его с теми своими знакомыми, которые не очень хорошо знали элементарную алгебру. Я предлагал написать на листке бумаги любые числа, причем количество их было совершенно произвольным. Посмотрев на эти числа «таинственным» взглядом, я писал уравнение соответствующей степени, корнями которого как раз и являлись наугад взятые числа. Сами числа были случайными, но, оказавшись корнями уравнения, да еще высокой степени, они вдруг приобрели какое-то особое, «магическое» значение. Существует совершенно формальное правило, как любые числа сделать корнями уравнения, причем сделать это можно разными способами. Аналогично любой конечный набор разрозненных фактов можно множеством путей «вognать» в логическую схему. Однако от этой схемы до достоверной теории еще очень далеко.

Мне не хотелось бы, чтобы читатель подумал, что я за научную фантастику, абсолютно очищенную от фантастики. Фантазия нужна и ученым, а писателям тем более.

Читателю интересно знать не только о том, что в науке давно установлено и проверено практикой, но и о «белых пятнах», которые ждут своих исследователей.

Эти «белые пятна» — благодатное поле деятельности для писателей-фантастов. Однако вспахивать неизведанное поле нужно достойно, не повредив те участки, где расцветает драгоценная всему человечеству подлинная наука.

Есть одно «белое пятно» в физике, которое волнует меня с давних времен. Речь идет о знаменитом соотношении Эйнштейна об эквивалентности массы и энергии. Известно, что оно получено из рассмотрения самых общих свойств пространства и времени и по своей природе не имеет отношения к какой-либо специфической теории структуры материи. То, что это соотношение строго выполняется в реакциях деления ядер, в термоядерных реакциях, а также во множестве реакций превращения элементарных частиц, нужно скорее рассматривать как факт многочисленных, но все же частных подтверждений общего закона природы. А что, если любую массу, независимо от ее химической природы, можно превратить в лучистую материю!

Вот это «А что, если!..» и является научной канвой произведения, над которым я сейчас работаю. Что у меня получится — рассудит читатель.



СЛЕДЫ НА ПАРКЕТЕ

Рассказ-шутка



Рисунок В. ЧИЖИКОВА

Паркет танцевального зала блестел, как зеркало. Тетя Нюра улыбалась и водила рукой в косых лучах солнечного света.

— Вот натерла! — восхищенно шептала она, глядя на белоснежный потолок.

Там от паркета отражались лучи и колыхалась тень руки тети Нюры.

— Вот натерла! Вот это...

Она перестала смотреть в потолок, оглядела пустой зал. Вдоль стен чопорно стояли откидные стулья: и справа, где обычно сидят парни, и слева — где собираются девочки. Одни ждут, другие приглашают.

— Вот это... — Шепот тети Нюры вдруг оборвался, рука застыла, а глаза остановились на паркете.

Она нагнулась низко к полу, сделала шаг вперед, потом выпрямилась и, закатав рукава синего халата, решительно пошла к выходу.

Дядю Федю она втолкнула в зал насильно. Он упирался. В его руках был огромный гаечный ключ.

— Скажешь, не ты? — кричала тетя Нюра.

— Что пристала? Не был я здесь.

— Не был? А это чьи лапти? Чьи мокроступы? А? Мои, скажешь?

— Где?

— Вот, гляди вниз, на паркет!

Федя нехотя присел на корточки, посмотрел на паркет и протер глаза.

— Что-то солнце слепит... — пробормотал он.

— А ты гляди, гляди и признавайся...

Дядя Федя щурился.

— И впрямь наследил кто-то, — наконец пробормотал он. — Только не я. Не было у меня здесь работы. Тут все батареи исправные.

— Не было! — возмутилась тетя Нюра. — Может, скажешь, мои башмаки. Так вот глянь, ирод нахальный!

Она поставила свою ногу в центре пыльного пятна на паркете.

— У меня номер тридцать семь, а тут все сорок пять!

Дядя Федя медленно двинулся вдоль пыльных следов. Он дошел до стены и остановился. Потом вернулся.

— Может, кто другой ходил? — неуверенно предположил он.

— Другой! А ключи от залы у кого? Вот у меня, — она потрясла ключами в воздухе, — и у тебя! Нет, скажешь?

Тетя Нюра закрыла лицо передником.

— Работаешь, стараешься, а такой попадется...

Дядя Федя опешил.

— Да нет, Нюра, ей-богу, не ходил я, не мог, потому...

Он не договорил, сообразив что-то, быстро, краем прошелся вдоль следов до стены, почти бегом вернулся и взял тетю Нюру за руку.

— А вот и не я! Покажу сейчас тебе, что это не я. Гляди! Вот один шаг, так? Вот второй. Вот третий! Идем. Опять шаг. Опять. И еще один. Так. Ну вот, все.

— Что все? — спросила тетя Нюра, когда они уперлись лицом прямо в стену.

— Все! — торжествуя произнес дядя Федя. — Не я тут был. Я так не хожу.

— Как это не ходишь?

— А очень просто. Говоришь, я ходил? Хорошо. Дошел я до этой стенки. А дальше?

— Что дальше?

— А вот я тебя и спрашиваю, что дальше-то было? Я, значит, дошел до этой стенки. А что было дальше?

Тетя Нюра медленно опустила голову и внимательно по-

смотрела на паркет. Следы кончались у стены, причем последний отпечаток остался на блестящем воске только наполовину. Вторая половина ушла в стену. Тетя Нюра с недоумением оглянулась вокруг.

— Соображаешь? — весело спросил дядя Федя. — Если это был я, то где я шел обратно, а?

— Правда... И впрямь не ходил обратно...

— Как же я мог идти только сюда? Значит, я здесь был и остался? А где ты меня нашла? В дежурке. Вот покажи, как я вышел, так тогда я сызнова натру паркет.

Тетя Нюра на цыпочках прошла след, посмотрела весь зал и виновато улыбнулась.

— Ошиблась я. Наверное, какой-то другой идол... Ведь лазают здесь всякие...

...Дядя Федя давным-давно не водопроводчик. Он окончил полную среднюю школу для взрослых и к сорока годам сдал экзамены на аттестат зрелости. Потом вместе со своей семьей переехал в другое село, где устроился работать библиотекарем.

Разумеется, и сам он начал запоем читать книжки — самые различные, без всякой системы. Он очень увлекался художественной литературой, прочитывал все приходившие в библиотеку журналы, читал справочники, энциклопедии и всевозможные брошюры. Но однажды ему попался научно-фантастический роман, потом еще один, еще... Благодаря им дядя Федя вскоре приобщился к научным знаниям и оказался в курсе более чем современных идей физики, биологии и астрономии. Он узнал, например, что такое антимир, и рассказывал об этом антимире деревенским старухам такое, отчего они не переставали креститься. Справедливости ради нужно заметить, что многие теории и гипотезы дядя Федя выдумал вполне самостоятельно, хотя, рассказывая о них, всегда ссылался на имена ученых.

Однажды, увлекшись рассказом об антимире и о прочих таинственных вещах, дядя Федя распалился:

— И вот мы с вами здесь живем, а рядом с нами, и даже, может быть, в каждом из нас, есть наш двойник, и у этих двойников свой мир, подобный нашему, но мы их не видим, а они — нас. Так и ходим по парочке, совершенно одинаковые и невидимые...

В этом месте дядя Федя запнулся, одеревенел, застыл.

— А как же стало известно, что есть этот невидимый антимир, если его никто никогда не видел? — спросила одна женщина.

Дядя Федя не ответил. Он медленно поднялся с завалинки и пошел, покачиваясь и спотыкаясь.

— Зачитался, бедняга! — сочувственно сказал кто-то ему вслед.

Рано утром следующего дня дядя Федя был в том самом клубе, где когда-то оставил следы на паркете.

— Ты, говорят, теперь образованный, лекции читаешь! — кокетливо встретила его тетя Нюра.

— Не за этим я сюда, — отмахнулся он. — Помнишь, как ты на меня напустилась за следы на паркете?

Нюра задумалась и вспомнила.

— Ты уж извини меня. Давно это было, а я, кажется, тогда напрасно...

— Нет, ты погоди. Постарайся вспомнить точно все, как было. Покажи, где они были, следы.

Тетя Нюра смогла показать это место лишь весьма приблизительно.

— А ты помнишь, где эти следы кончались? — допытывался дядя Федя.

— Как же, помню. Прямо в стенку упирались.

— Вот в этом все дело! — воскликнул дядя Федя. — Пришельцы из антимира.

— Из чего, чего?

— Из антимира! Из такого мира, где все вроде как у нас, только не видно. И ходить они сквозь стенку могут. Вот и прошелся здесь тогда один такой античеловек — может, я, а может, кто другой из антиматерии...

От такого обилия научных слов у тети Нюры закружилась голова.

— Открытие! Нюра, мы сделали с тобой открытие!

Через неделю взволнованного дядю Федю принимал корреспондент местной многотиражки. Рассказ бывшего истопника о пришельце из антимира был таким захватывающим, что корреспондент срочно выписал командировочные и помчался в таинственный клуб. К вечеру очерк под названием «Антимир — он рядом» был готов.

И надо же случиться, что это прочитал один молодой кандидат наук, приехавший в здешние места на рыбалку. Он тоже побывал в клубе и сразу предложил теорию возникновения следов на основе поверхностных свойств тонких пленок воска. По этой теории даже самые незначительные нарушения молекулярной структуры воска могут быть проявлены оседающей пылью. Теория получила хорошее подтверждение потому, что, как вспомнила тетя Нюра, ночь накануне появления следов была ветреной и пыль вполне могла попасть в зал сквозь неплотно закрытые окна.

Однако пылевая теория не могла объяснить того поразительного факта, что следы шли только в одну сторону и никуда не возвращались.

Тогда — слухом земля полнится — в клубе появился другой молодой ученый, который, вместо того чтобы исследовать паркет, занялся исследованием окон. На одном из окон он обнаружил в стекле пузырьки воздуха, которые, по его мнению, в тот злополучный день сыграли роль собирательных линз, концентрирующих свет на зеркальный воск.

— Никаких следов не было, вам показалось, — категорически заявил молодой ученый. — Просто в местах концентрации солнечного света воск подтаял.

Так возникла оптическая теория следов. Но и она вскоре была опровергнута прямым опытом. Специально тетя Нюра натерла пол, специально дождалась солнечного дня, и убедились, что лучи пузырями не фокусируются и тем более не расплавляют воск.

О таинственных следах на паркете начали поговаривать далеко за пределами клуба, и вскоре его танцевальный зал превратился в место паломничества любителей научных загадок и неразгаданных тайн.

Один теоретик показал, что следы могли возникнуть на воске в результате электрической поляризации поверхности, происходящей при интенсивном натирании полов. Другой выдвигал магнитную теорию следов, потому что согласно объективным данным в день, когда были замечены следы, в ряде районов земного шара отмечались магнитные бури.

В клуб приехал выступать цирковой клоун-эксцентрик. Услышав о пришельцах из антимира, он заявил, что может оставить на паркете только прямой след, пройдя вперед и назад по одним и тем же местам. Артист продемонстрировал, как ловко у него это получается; и тетя Нюра даже решила, что, может быть, именно он и проделал в тот день злую шутку, а ученые усомнились в своих теориях.

Кроме пылевой, оптической, электрической и магнитной теорий следов, было создано несколько комбинированных теорий: электроакустическая, химико-кибернетическая, сомнамбулическая, гипнотическая и психоаналитическая. Все это были очень хорошие, доброкачественные теории, которые камня на камне не оставляли от таинственности следов.

Один только дядя Федя продолжал настаивать на своем: пришельцы из антимира. Его теория будоражила воображение писателей-фантастов, и о следах в клубном зале начали писать повести и рассказы. Один кинорежиссер даже поставил фантастический кинофильм без главного действующего лица, где то на паркете, то на песке, то на снегу то и дело появлялись следы. После всех споров был сделан окончательный вывод: либо никаких следов вообще не было, либо они имели вполне земное происхождение. За давностью следов причины, их вызывавшие, установить со всей определенностью невозможно.

А дядя Федя до сих пор упорно твердит, что его теория единственно правильная.



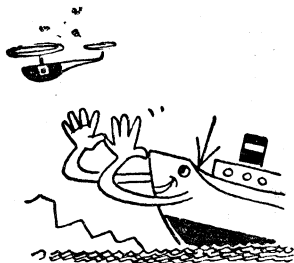
„КОРАБЛЬ-ПРИЗРАК“

Известно немало рассказов о «кораблях-призраках», покинутых своими экипажами, одиноких кораблях, скитавшихся в океанах по воле течений и ветров. Но, представьте себе, оказывается, и в наш век такой корабль-бродяга существует. Он, как рассказывает польский журнал «Morze», скитается по прихоти стихий и своему собственному «нелюдимому характеру» уже больше тридцати лет!

В июле 1931 года небольшой, но крепкий канадский пароход «Байчимо» вышел из Ванкувера в свой обычный рейс на север. В полярных поселках «Байчимо» оставлял припасы, а грузил пушнину. На обратном пути пароход был застигнут ранней зимой и попал в ледяной плен. Основную часть команды снял самолет, а несколько человек во главе с капитаном сошли на берег ближайшего острова, чтобы следить за судном и его грузом до следующей весны.

Однажды после жестокого ноябрьского шторма пароход исчез. Думали, что он раздавлен льдами и затонул, но вскоре эскимосы сообщили, что видели его в 45 милях к юго-западу от этого места. Добраться до своего судна команда, однако, не сумела. В марте следующего года местный охотник заметил «Байчимо» дрейфующим вместе с ледяным полем у острова Гершель. Вызволить судно тем летом не удалось. Еще через год группа эскимосов, поднявшись на борт «Байчимо», из-за вьюги провела на нем без пищи девять дней и при первой возможности его покинула. В последующие годы «Байчимо» видели вновь и вновь, каждый раз в другом, неожиданном месте. Судно стойко сопротивлялось льдам и штормам. В 1939 году была организована еще одна спасательная экспедиция — жаль ведь оставлять Арктике исправное судно, но по-прежнему ничего не вышло.

В 1963 году «Байчимо», блуждающее по Ледовитому океану, наблюдали в море Бофорта.



В. ШТЕЙН

Чем болели бронзозавры?



Признаки старости у давно не существующих моллюсков, самые древние в мире паразиты, укусы на теле морской звезды почтенного возраста, характерные переломы костей у древних ящеров, деятельность давно не существующих болезнетворных микробов...

Этими, казалось бы, странными вопросами занимается один из разделов науки палеонтологии — палеопатология. Недавно венгерский ученый А. Таснади-Кубацка выпустил солидный труд, посвященный палеопатологии.

Вот тебе и сорока!

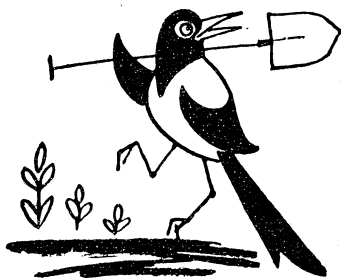
В уссурийской тайге растет бархатное дерево, имеющее ценное практическое значение. Дерево интересно тем, что представляет давно вымершую флору — оно чудом уцелело с древней доледниковой эпохи. Там же, в приморской тайге, есть и еще один обитатель, ведущий свой род с доисторических времен. Это голубая сорока, птица редкая и довольно любопытная.

Любимое лакомство голу-

бой сороки — созревающие осенью черновато-синие ягоды бархатного дерева. Не доказано, что доисторическая птица сохранилась потому, что природа на протяжении тысячелетий заботливо оберегала ее стол. Зато доказано нечто обратное.

Большой знаток приморской природы профессор А. И. Куренцов заметил, что голубая сорока создает под стогами, под кучами палых листьев и просто в земле зимний запас ягод бархатного дерева. Многие тайники потом ей уже не удается найти. А весной на месте зарытых кладов поднимаются нежные ростки и возникают целые плантации ценного дерева. Так сорока разводит лес.

Зря пословица ославила ее пустопорожней болтушкой!



Рисунки Г. Кованова



ВАДИМ ОХОТНИКОВ

ШОРОХИ ПОД ЗЕМЛЕЙ

Рисунки С. ПРУСОВА

— Слышал я его уже много раз... Понимаете, как будто кто-то невидимый ходит по половицам, и они тихо так поскрипывают. Шорох такой... очень странный!

Директор шахты пожал плечами.

— Пустяки, — сказал он. — Это чисто нервное... Да вы не волнуйтесь!

А про себя подумал: «Вот еще, кто бы мог ожидать? Такой здоровяк на вид — и вдруг психоз! Шорохи под землей чудятся».

Петренко, приземистый и широкоплечий человек с загорелым лицом, нервно поднялся с места и принялся расхаживать по кабинету.

— Всегда в одно и то же время... — сказал он, останавливаясь перед директором и глядя на него в упор. — И движется. Тихо так шуршит и уходит куда-то вдаль...

В. Охотников много лет вел исследовательскую и изобретательскую работу в области радиотехники и электроакустики, в частности по звукозаписывающей аппаратуре и радиоуправляемым механизмам. Эти проблемы, которыми занимался автор как научный работник, и послужили темой его рассказов.

«Шорохи под землей» — рассказ, опубликованный в 1947 году в первой книге В. Охотникова «На грани возможного». Книга вышла в издательстве «Молодая гвардия».

Рассказ заново отредактирован автором для «Искателя».

— Пустяки, — повторил директор. — Горных духов, как известно, не бывает, а с непривычки в шахте мало ли чего не покажется! Я сам лет двадцать назад, когда первый раз в шахту спустился, помню, отбил здоровеннейший кусок карналита, он как рухнет! Так тут такой гул пошел, точно несколько человек к выходу побежало. «Ну, — думаю, — где-то обвал...» Прислушался: тихо. Это мой кусок, оказывается, грохот такой вызвал. Вы отдохните денек, да и за работу с новыми силами. А шорохи... Шут с ними! Под землей каких только звуков не бывает!

— Да нет же! — нетерпеливо возразил Петренко. — Вы не подумайте чего такого... Я сам много разных звуков слышал на своем веку. Недаром ведь акустическую аппаратуру изобретаю. Вы знаете, что чувствительность прибора, с которым я сейчас работаю, очень велика. Мы слышим, как двигаются электровозы, работают врубовые машины, — и все это на расстоянии многих километров. Один раз, представьте себе, совершенно отчетливо услышали шум подземной реки. Реки, которую не видел ни один человеческий глаз. Но то, что слышится теперь... Вы меня извините, это очень странно. Я просто теряюсь в догадках.

Директор калиевой шахты Николай Иванович Губанов изобразил на лице сочувствие. Но он без особого удовольствия слушал взволнованную речь ученого.

Директора беспокоило другое.

Вот уже две недели продолжаются на шахте испытания новой аппаратуры, предназначенной для местной геологической разведки. Стране нужно огромное количество калиевой соли, повышающей плодородие земли. Добыча калиевых удобрений должна быть резко увеличена. А тут ученый, от которого он ждет новых открытий, увлекся какими-то посторонними вещами.

Петренко привез на шахту разработанную им новую акустическую аппаратуру. Ее действие было основано на том, что мощный звуковой сигнал, посланный в землю, отразившись, должен

был вернуться в специальный приемник и рассказать о структуре слоев, на которые он натолкнулся. Так обстояло дело в теории. На практике же звук уходил под землю и терялся в толще горных пород. Правда, при этом звук отражался и преломлялся так, как луч солнца, упавший в воду, но к приемнику возвращалась настолько ничтожная часть его, что по показаниям прибора нельзя было представить ясной картины подземных богатств. Требовалось внести какие-то усовершенствования в аппарат.

«Дались же ему эти шорохи! — думал Губанов, с досадой поглядывая на озабоченное лицо своего собеседника. — Нет уж, видно, придется вести разведку обычными методами. А жаль: прибор Петренко обещал значительно ускорить все дело».

Стук в дверь прервал размышления директора. Вдшел высокий сухопарый человек в круглых роговых очках. Это был кандидат физико-математических наук Константин Сергеевич Шабалин, работник одного из исследовательских институтов Ленинграда. Здесь, на шахте, он испытывал свой аппарат, тоже предназначенный для разведки соляных пластов.

— Ну, как успехи? — спросил директор, пожимая сухую, костлявую руку ученого.

Тот поправил очки и огорченно развел руками.

По методу Шабалина в толщу земли посылалась на разведку радиоволна определенной длины. Радиоволны по-разному отражаются от различных горных пород, и на экране приемного устройства в аппарате Шабалина появлялось условное изображение, рассказывающее о геологическом строении земных недр. Так было не только в теории, но и при лабораторном испытании прибора. Но вот в шахте дело не ладилось: какая-то дымка застилала экран через несколько минут после начала работы. Все пропадало в этом тумане. Шабалин бился изо всех сил, менял волну, даже переделывал свой прибор, но пока безрезультатно.

Петренко, замолчавший было на минуту, снова оживился.

— Я вот рассказываю сейчас Николаю Ивановичу про странные явления в шахте, — сказал он, обращаясь к коллеге. — Какие-то звуки непонятные слышны, даже когда наш генератор звука выключен.

— Звуки? — рассеянно переспросил Шабалин. — Ну и что же?

— Легкий такой шорох... и медленно передвигается с места на место.

Ленинградец покосился на Петренко.

— Да не заблуждаетесь ли вы? — спросил он.

И тут же рассказал о случае, который произошел однажды во время сейсмической разведки крупных залежей. Сейсмограф, установленный на поверхности земли, зарегистрировал землетрясение силой в десять баллов. Между тем почва под ногами исследователей была совершенно спокойной. При проверке выяснилось, что неподалеку от сейсмографа в ямку в земле попал лягушонок. Он пытался выбраться и производил легчайшее сотрясение почвы. Чувствительность же прибора была так велика, что он зафиксировал сильные толчки.

— Вот и у вас тоже, — добавил он, — мышь какая-нибудь ползает. Усиление звука в вашем аппарате настолько велико,

что муха за слона сойдет, а мышь, как поезд, будет шуметь... в вашем ухе...

— Да нет же! — окончательно разгорячился Петренко. — Ведь звук-то идет из толщи земли... Какая там мышь!.. Вы просто смеетесь... Конечно, вы не верите в эффективность звуковой разведки.

«Ну вот, кажется, начали ссориться, — вздохнул про себя Губанов. — Самолюбие проклятое заедает! Нет того, чтобы спокойно разобраться в сути дела. Общими бы усилиями... А то каждый считает свой метод наилучшим и готов на рожон лезть».

Директор задумался и почти не слушал спорящих.

— Ну, это вы уж оставьте! — доносился голос Шабалина. — Проникновение радиоволн в толщу земли исследовано очень хорошо. А ваши звуковые колебания, вы меня извините, еще требуют изучения и изучения.

Наконец в комнате наступило молчание.

— Куда вы, Петр Тимофеевич? — обратился директор к Петренко, заметив, что он встает с места.

— Пойду, — хмуро ответил тот, — аппаратуру готовить. Через час примерно этот звук опять должен появиться.

— Странный человек... — пробурчал Шабалин, усаживаясь поближе к директорскому столу. — С ним совершенно нельзя вести научных споров. Горячится. Вы слышали наш разговор?

Директору было неудобно признаться, что он почти ничего не слышал.

— Да, конечно. Но вы тоже, по-видимому, не правы, Константин Сергеевич. Так же нельзя! — с упреком проговорил Губанов. — Надо помогать друг другу. А у вас что получается? Споры без конца. Человек нервничает от неудач. Надо внимательно к нему...

— В науке споры неизбежны. Без этого не придешь к истине. Да вы только послушайте. Он уверяет, что звук распространяется под землей таким образом, словно...

— Не хочу слушать ни про какие звуки, — отмахнулся рукой директор. — Я не специалист в акустике, и мне в этом не разобраться. Дайте мне хорошо работающий прибор для разведки, пусть он будет основан на любом принципе — на вашем, на петренковском, — лишь бы работал. Вот что сейчас нужно. Ведь производство мы должны увеличивать в совершенно исключительных масштабах. Вы знаете, что такое калий!

И Шабалин был вынужден опять выслушать взволнованную речь Губанова о значении калиевой промышленности в народном хозяйстве страны.

— Я ведь старый калиевик. Вы только вспомните, — с убеждением в голосе говорил Губанов, — в царской России совершенно не добывали калия! Америка и в настоящее время не имеет своих калийных рудников. А у нас? Да ведь мы теперь на первом месте в мире по разведанным запасам калия! Только разрабатывай! Одно только наше Верхнекамское месторождение располагает запасом, превышающим все остальные запасы калия в мире почти в пять раз. В солях, которые мы добываем, содержится не только калий, но и магний. А разве построишь современный самолет без магния?! Понимаете, какое дело? Мы ждем от вас помощи. Дайте усовершенствованный аппарат, ко-

торый быстро и точно отвечал бы на вопрос: стоит ли вести проходку в данном направлении? А Петренко какими-то там таинственными звуками заинтересовался. У вас тоже не ладится... И даже неизвестно, откуда появляется эта дымка на экране, которая все портит.

Губанов взял в руки пресс-папье, сделанное, как и весь письменный прибор, из белоснежного, шлифованного под мрамор карналита, и повернул так, что тысячи искр засверкали на полированной грани.

— Я понимаю ваше нетерпение, — возразил Шабалин. — Но не всегда в лабораториях можно все предусмотреть. Дело ведь совершенно новое... А откуда берется эта дымка, ума не приложу!

— Конечно, не все сразу, — несколько мягче отозвался директор. — Но уж очень вы спорите все с Петренко. Какая-то неприязнь, по-моему, зародилась между вами. Каждый думает главным образом о том, чтобы восторжествовал именно его метод. Вы не хотите смотреть на это дело в общегосударственном масштабе.

Шабалин стал необыкновенно серьезным.

— Ну, в этом вы ошибаетесь, — проговорил он твердо и с укором в голосе. — Успехи в развитии народного хозяйства мне дороги так же, как и Петренко и вам. Научные споры совсем не означают личной неприязни. Мне нравится Петренко и самый стиль его работы — с размахом, с добросовестным изучением каждого факта. Но что касается его теорий, то некоторые из них представляются мне...

— Ну, хорошо, хорошо, — торопливо сказал директор. — Ведь вам, кажется, пора на испытания?

— Между прочим, — заметил, уже уходя, Шабалин, — поведение Петренко со вчерашнего дня стало каким-то странным... Вы не находите? Или это мне так кажется?

«Надо будет заняться ими вплотную, — подумал Губанов, когда Шабалин ушел. — Что-то у них там неладно».

* * *

Сказочен подземный мир карналитовой шахты! Он поражает прежде всего своими яркими красками. Такие краски не ожидаешь встретить под землей. Мозаика стен составлена природой из ромбических кристаллов разной величины и цвета. Сверкающие грани образуют причудливые молочно-белые, зеленые и красные узоры. Они меняют свои очертания при перемещении шахтерской лампочки.

Константин Сергеевич с любопытством оглядел огромное подземное помещение. Его поразило необыкновенно раскатистое эхо, которое встречается лишь в пустых каменных гротах.

В этом искусственном гроте, образовавшемся после выработки породы, должно было происходить очередное испытание.

— Кон... стан... тин... Сер... гее... вич!.. — раздалось из глубины грота.

Шабалин, стоявший у входа, откликнулся и направился к светящимся точкам.

У самой стены несколько лаборантов возились со странным

электрическим аппаратом. Большой сигарообразный корпус прибора, покоящийся на массивном треножнике, бросал на стену продолговатую тень, не менее причудливую, чем сам прибор. Несколько проводов соединяло его с передвижной аккумуляторной подстанцией.

— Готово, Константин Сергеевич! Можно начинать...

Грот стал наполняться монотонным жужжанием.

Шабалин вращал ручки регуляторов. Круглое отверстие экрана засветилось тусклым зеленоватым светом.

Вот на зеленом поле появились какие-то смутные очертания. Изображение на экране становилось все более четким.

— Смотрите! — обрадованно вскрикнул Шабалин. — Линия карналита: вот одна, две, три... О! Да его здесь много!..

— И совсем недалеко от нас! — заметил лаборант, не отрывавший глаз от боковой шкалы прибора. — Его загораживает слой каменной соли толщиной всего метра в три. Жаль, что эту выработку забросили. Да-а, какой мощный пласт!..

Но что это? Изображение на экране потускнело. Исчезли знакомые линии карналита, флуоресцирующая поверхность покрылась матовой дымкой. Сплошной зеленоватый туман! Опять неудача!..

— Выключить прибор! — с досадой скомандовал Шабалин. — Довольно.

Прибор включали еще несколько раз, но с прежними результатами.

Неожиданно внимание ученого отвлекла светящаяся точка, появившаяся у входа в грот. Кто-то медленно передвигался с шахтерской лампочкой в руках, затем остановился, словно в нерешительности.



Светящаяся точка оставалась неподвижной всего несколько минут. А затем вдруг запрыгала. Человек пустился бежать, но не к группе испытателей, столпившихся вокруг прибора, а к выходу из грота. В окружающей темноте трудно было узнать бегущего. Но вот на повороте мелькнул яркий отблеск. В свете его Шабалин различил приземистую фигуру Петренко.

* * *

Директор искал Петренко.

Шагая по длинным, извилистым штрекам, он часто останавливался, чтобы заглянуть попутно в различные уголки своего обширного подземного хозяйства.

Всюду горел яркий электрический свет. Пробегали поезда вагонок, груженных разноцветной породой. В забоях деловито стрекотали врубовые машины. Они резали камень острыми зубьями, расположенными на бесконечной цепи. Как пулеметы, стучали отбойные молотки. Длинными сверлами вгрызались в сверкающий камень электродрели. Позже в просверленные отверстия будет заложен аммонит, чтобы взорвать, превратить в блестящие брызги массивы карналита и каменной соли.

Разнообразные машины помогали горнякам разбить, раскрошить на части крепкую кристаллическую породу и сделать ее удобной для транспортировки наверх.

В одном из далеких штреков, где разработка уже давно не производилась, должна была находиться группа Петренко. Губанов легко нашел это место, ориентируясь по карте.

Но ученого на месте не оказалось. Лаборанты объяснили, что их руководитель заходил сюда несколько раз, но каждый раз исчезал неизвестно куда.

— Он чем-то очень взволнован, — заявил Губанову один научный сотрудник.

— Мы никогда не видели его в таком возбужденном состоянии, — добавил другой.

Губанов пожал плечами. Он попросил передать Петренко, что сейчас направляется к Шабалину и зайдет сюда на обратном пути.

У входа в грот, где работала группа Шабалина, Губанов заметил какое-то темное пятно. Директор поднял фонарь: в углу притаился человек. Он скорчился на коленях у стены, прижавшая к ней что-то в виде ящика. Фонарь Губанова осветил знакомую приземистую фигуру.

— Петр Тимофеевич! — воскликнул удивленно директор. — Что вы тут делаете?

Петренко вздрогнул, выпрямился, все еще стоя на коленях, и, как показалось директору, загородил ящик. Шахтерская лампа в его руке погасла.

— Тише... — прошептал он в темноте. — Одну минутку...

Губанов направил луч своего фонаря на Петренко. Тот, топясь и нервничая, отсоединял от продолговатого ящика электрические провода.

— Вы меня извините, — пробормотал он, засовывая обрывки проводов в карман и завертывая ящик в спецовку, которую он еще раньше снял с себя. — Я сейчас...

Сунув ящик под мышку, Петренко побежал по штреку, пригибаясь, словно от большой тяжести.

Директор, недоумевая, посмотрел ему вслед. Затем быстро направился в грот.

— Ну как? — спросил он, подходя к группе Шабалица.

— Сначала было все хорошо, — ответил тот, вытирая носовым платком руки. — А потом все заволокло. Словно радиопомехи какие-то... Но откуда им здесь быть, под землей?

* * *

— Попрошу вас, Николай Иванович, немедленно распорядиться насчет чая, — взволнованно сказал Петренко, обращаясь к директору. — Иначе никаких разговоров и быть не может...

Петренко был крайне возбужден. Шабалин с удивлением наблюдал за своим коллегой. В маленькой уютной гостиной царил полумрак. Настольная лампа с зеленым абажуром оставляла в тени лицо ученого, шагавшего из угла в угол.

— Как у вас успехи, Петр Тимофеевич? — спросил Шабалин, когда директор вышел распорядиться насчет угощения.

— У меня успехи! — ответил Петренко, круто останавливаясь перед ленинградцем. — Вы шутите? Вот у вас удача — это да! Есть с чем поздравить.

Он вдруг крепко пожал руку Шабалина. Рука Петренко была сухая и горячая.

— Я вас совершенно не понимаю, — недоумевал Шабалин. — В последнее время вы говорите какими-то загадками.

— Загадка решена! — Петренко щелкнул пальцами. — Теперь я знаю, кто это бродил под землей!

В гостиную вошел директор. Вслед за ним внесли чай.

— Так вот, насчет этих скрипов и шорохов, о которых я вам уже говорил... — начал Петренко, усаживаясь за стол.

«Опять со своими таинственными звуками, — подумал директор. — Что они ему покоя не дают?»

— Много приходится слышать разных звуков с помощью подземной акустической аппаратуры, — продолжал Петренко. — А тут, представьте себе, как будто что-то немного знакомое. «Что это может быть?» — думаю. Этаким характерный шорох с потрескиванием.

Рассказ не столько интересовал директора, сколько беспокоил его. Глаза Петренко горели, как казалось директору, ненормальным, болезненным блеском. Его веселость тоже была какой-то подчеркнутой и неестественной.

— Пейте чай, Петр Тимофеевич, — проговорил Губанов. — Остынет...

— Ах, да, да! Чай... — заторопился Петренко. — А вы почему не пьете?

Затем, не говоря больше ни слова, он вытащил из бокового кармана несколько блестящих ярко-красных камней и принялся накладывать их в стакан.

«Все! — мелькнуло в голове у директора. — Рехнулся! Кладет карналит вместо сахара...»

— Петр Тимофеевич... — кинулся к нему директор.

Его остановил предупреждающий жест Петренко.

— Тише! Одну минутку, тише!.. — торжественно произнес он, отодвигая стакан с карналитом на середину стола. — Слушайте!

Множество пузырьков начало бурно подыматься сквозь темнокрасную жидкость чая. Из стакана, где растворялся карналит, слышался треск, сливающийся в беспрерывное шипение.

— Слышите? — торжествуяще воскликнул Петренко. — Слышите? Что это такое?

— Это вырывается из растворяющихся кристаллов так называемый микровключенный газ, — ответил директор.

— Вот именно! — с воодушевлением перебил Петренко. — Частицы газа вкраплены в кристаллы и находятся под давлением чуть ли не в несколько десятков атмосфер!.. Газ, попавший в кристаллы еще при образовании кунгурского яруса пермской системы, теперь вырывается наружу! Как только стенки ячеек, в которых он находился, стали тоньше от растворения, газ вырвался из многовекового плена. Вам ясно, Константин Сергеевич?

— Не совсем, — проговорил Шабалин.

— Вы не догадываетесь, почему у вас на экране появляется туманная дымка? Газ-то становится электропроводным! Ну, а вам, физику, остальное все должно быть ясно.

— Вы хотите сказать...

Шабалин остановился. Слишком неожиданной была подкажанная ему догадка. Под влиянием дециметровых волн в породе возникают ионные процессы и происходит разогрев газа. Газ, расширяясь, ломает стенки и разрушает кристаллы. Значит... не годятся дециметровые радиоволны для разведки в калиевых рудниках. Разрушение кристаллов — вот о чем говорит дымка, появляющаяся на экране, которая мешает исследованиям.

Шабалин посмотрел на Петренко. Как наглядно и убедительно тот доказал, что прибор Шабалина в калиевых рудниках бесполезен! И этот жестокий удар был нанесен в присутствии директора, на совещании, созванном по требованию самого Петренко.

— Я установил, — продолжал все тем же радостно-возбужденным тоном Петренко, — что характерный этот шорох возникает именно тогда, когда работает ваша аппаратура, Константин Сергеевич. Слышу шорох — бегу к вашему штрелку, смотрю, работает. Выключен ваш аппарат — и шороха нет. Вчера подтащил портативный акустический прибор прямо к вашему гроту. Бегать уже был не в силах. Устал... Всю эту ночь просидел за вычислениями... Простите, я, может быть, кажусь вам немного странным...

— Очень благодарю вас, — сухо проговорил Шабалин. — Вы уделите мне много внимания. Вы доказали, что применение моей аппаратуры в калиевых рудниках невозможно. Теперь мне не придется тратить время на разрешение безнадежной задачи.

Шабалин резко поднялся из-за стола.

— Позвольте, товарищи, — заволновался директор. — Ссоритесь вы опять собираетесь, что ли?

— Зачем ссориться? Из-за чего? — закричал Петренко, вскакивая со своего места. — Константин Сергеевич, дорогой! Разрешите мне расцеловать вас на радостях... Неужели вы не по-

няли еще? Да ведь перед нами — открытие!.. И какое еще!.. Я очень рад, что помог в этом деле. Мощностъ передатчика мы увеличим и... Понимаете?

Петренко направился к Шабалину с широко распростертыми объятиями. И вдруг Шабалин с радостным криком бросился навстречу.

— Ионизация газовых ячеек... А я-то дурак!.. — кричал в восторге Шабалин. — Значит, чем больше мощностъ, тем гуще дымка, тем энергичнее разрушаются кристаллы. Петр Тимофеевич, дайте я вас поцелую!

«Ну, теперь оба они с ума сошли, кажется», — подумал директор.

* * *

В подземном гроте слышался стук металлических инструментов, хруст шагов. Заканчивалась установка нового, очень мощного прибора.

— Волнуетесь? — тихо спросил Петренко, подходя к Шабалину.

Вместо ответа Шабалин взял его под руку.

— Будем бороться вместе, — проговорил он. — Какие бы ни были первые результаты, не отступать! Вы мне доказали, что и неудачи много открывают.

Начало не предвещало ничего хорошего. После того как аппарат был приведен в действие, на стене появилось голубое пятно, озарившее грот слабым мерцающим светом. Прошло несколько минут. Голубое пятно потускнело. От стены отвалилось несколько мелких кусочков, как будто осыпалась штукатурка.

Это было совсем не то, чего ждали ученые.

— Укоротим волну, — предложил Шабалин. — Опять начались неудачи в этом заколдованном гроте!

Он подошел к аппарату и стал вращать рукоятку настройки. Яркость светового пятна увеличилась. Вот оно засверкало ослепительной голубизной. Несколько крупных кусков выпало из середины пятна.

Шабалин еще повернул рукоятку.

И вдруг стена, на которую было направлено излучение дециметровых волн, стала расплываться на глазах у зрителей. Шипели лопавшиеся кристаллы. Казалось, тысячи невидимых острых игл вбивались в породу. В том месте, где сияло голубое пятно, стена рассыпалась, расползалась.

Шабалин приник к аппарату. Голубоватое светящееся пятно пришло в движение. И всюду, куда падал луч, стена подземного грота оживала.

Мощный поток дециметровых волн, во много раз более сильный, чем тот, который применял раньше Шабалин для геологической разведки, нагревал микровключенный газ. Миллиарды газовых пузырьков ломали свои ячейки, вырываясь наружу. Разорванные изнутри кристаллы рассыпались в песок.

Это было феерическое зрелище. Невидимый радиолуч долбил твердую породу быстрее, чем врубовые машины и отбойные молотки, безопаснее, чем аммонит.

Директор подошел к стоявшим рядом ученым и положил руки им на плечи.

— А ведь я думал было... — сказал он, улыбаясь, — что у вас в смысле товарищеских отношений не все ладилось. А оказалось, что у вас творческое соревнование.

Шабалин щелкнул выключателем. Голубое пятно погасло. Прекратилось жужжание прибора. В наступившей тишине слышно было тихое потрескивание — точно угольки в гложнувшем самоваре. Остывающие в глубине кристаллы кое-где продолжали еще лопаться.

Петренко подошел к стене и приложил к ней ухо.

— Ну как, шуршит? — весело спросил директор.

— Шуршит! — ответил Петренко. — Слышите?

Слабый шелест, как замирающая нота, медленно угасал под сводами подземелья.

На 2-й странице обложки:

Иллюстрация П. Павлинова к роману А. Насибова «Безумцы».

На 4-й странице обложки:

«Атомные дозировщики». Фото И. Пап. С фотовыставки «Семилетка в действии».

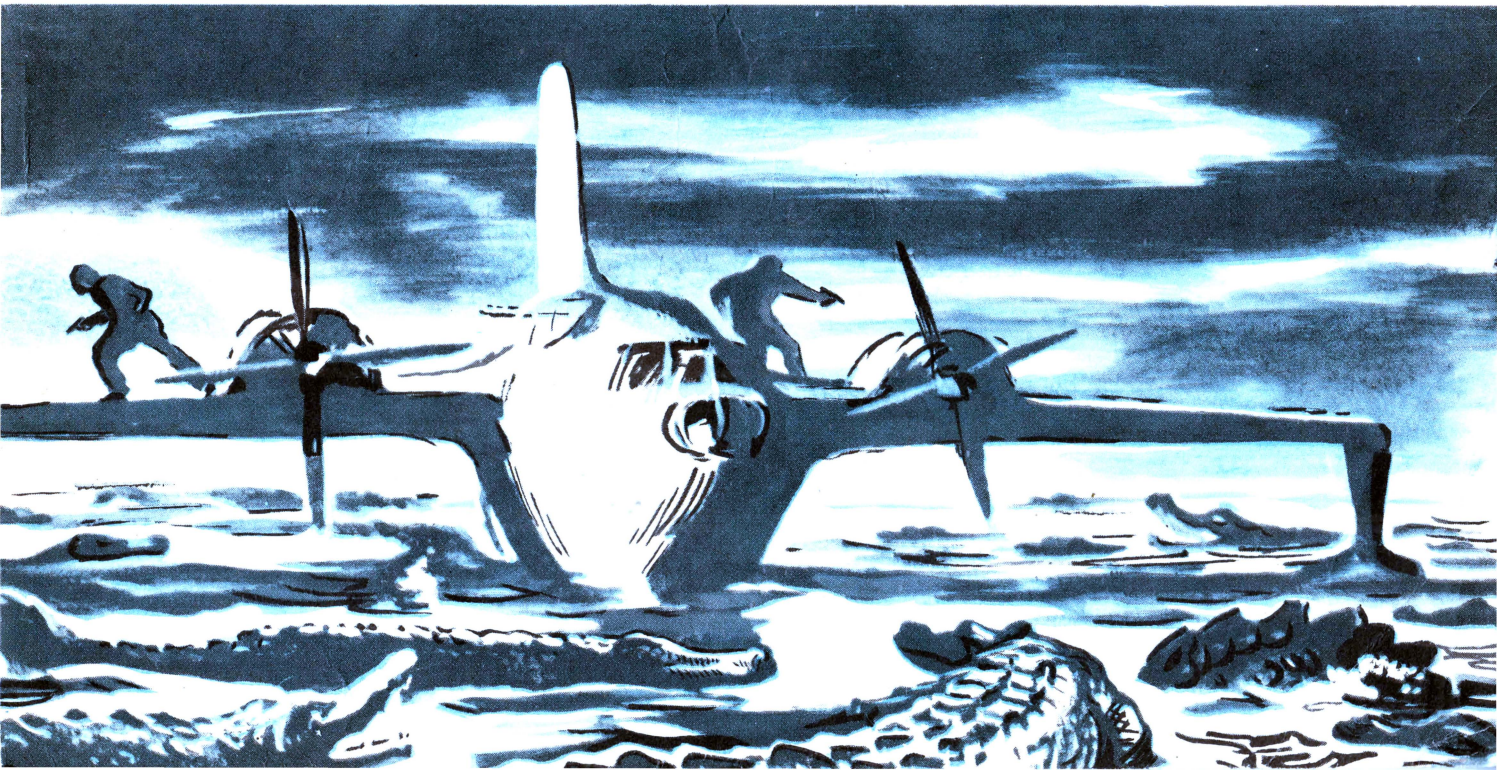
Читайте в следующем номере приключенческие рассказы-были главного штурмана полярной авиации В. Аккуратова.

Редакционная коллегия: И. А. ЕФРЕМОВ, А. П. КАЗАНЦЕВ, Ю. А. ПОПКОВ, В. С. САПАРИН, Н. В. ТОМАН, В. М. ЧИЧКОВ.
Художник-оформитель А. ГУСЕВ.

Рукописи не возвращаются.
Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес редакции: Москва, А-30, Суцевская, 21. Тел. Д 1-15-00, доб. 4-10.

A01837. Подп. к печ. 6/VI 1964 г. Бумага 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5 (8,2). Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 300 000 экз. Цена 20 коп. Зак. 798.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Суцевская, 21.





ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Цена 20 коп.